

ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Город Сталино, Донбасс.

Фото Л. Азриеля.

а первой странице обложки: колхозный кузнец из деревни Кунары, Невьянского района, Свердловской области, ей Кириллов достраивает свой дом (см. в номере «Дом кузнеца Кириллова»).
а последней странице обложки: Детали дома кузнеца Кириллова.

Фото И. Аграновского и В. Полынина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 39 (1580) 22 СЕНТЯБРЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Это было в Октябре семнадцатого года...

Приближение знаменательной даты — 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции — ощущается всюду, в том числе и в историко-революционных музеях страны. Здесь стало еще многолюдней: вновь и вновь посетители знакомятся с бесценными реликвиями, слушают рассказы участников октябрьских событий.

На снимке: старые коммунисты, участники октябрьских боев 1917 года в Москве. Они рассматривают в Музее революции СССР карту боев, происходивших в Благуше-Лефортовском районе. Слева направо: Р. С. Лихачева — член партии с 1917 года; И. Н. Григорьев — член партии с 1913 года, начальник штаба Красной Гвардии Бутырского района; П. А. Афоничев — член партии с 1906 года, начальник Красной Гвардии Рогожско-Симоновского района; Н. С. Туляков — член партии с 1917 года, артиллерист, участник боев в Благуше-Лефортовском районе.

Фото О. Кнорринга.

КИНОЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

Эдуард ТИССЭ,
заслуженный деятель искусств

Июль 1920 года. В. И. ЛЕНИН на трибуне II Конгресса Коминтерна. Петроград.

В историческом 1917 году через аппараты наших киноработников прошли многие сотни метров кинопленки, являющейся теперь своеобразным свидетельством незабываемых событий. И позднее ездили мы по многим городам страны, фронтам гражданской войны, снимали все значительное, хотя тогда еще и не думали, что наши кинопленки станут ценнейшим историческим документом.

Первые дни Февральской революции. Петроград и Москва бурлили необычайной для них жизнью. Нам, кинооператорам, посчастливилось быть, что называется, в гуще событий.

Некоторые мои коллеги по профессии, которые находились в 1917 году в Петрограде, первыми запечатлели на кинопленке Ленина. Правда, прибытие Владимира Ильича из-за границы 3 апреля 1917 года на Финляндский вокзал в Петрограде снять, к сожалению, не удалось. Первая съемка была произведена оператором Александром Лембергом у особняка Кшесинской. Вот что он об этом рассказывал:

— Был теплый апрельский день. Отряды солдат и матросов заполнили улицу у особняка, где помещался большевистский центр. На балконе появился Ленин. Долго пришлось Владимиру Ильичу ждать, пока утихнет овация, чтобы начать речь. Матросы Балтийского флота помогли мне пробраться с громоздким аппаратом сквозь толпу.

Благодаря этому Лембергу удалось провести киносъемку на довольно близком расстоянии от Ленина. А дальше произошло непоправимое. Лемберг работал в московской частной фирме Ломашкина, отснятую пленку обязан был сдать хозяину. К величайшему сожалению, она была уничтожена предпринимателем вместе с другой ценной пленкой — съемками на Марсовом поле, где состоялись массовая пролетарская маевка и выступление Владимира Ильича.

Успешнее прошли съемки праздника 1 Мая 1918 года в Москве. Мы, москвичи, усиленно готовясь к этой дате, распределили места съемки: П. Новицкий уехал на Ходынское поле, где был назначен первомайский военный парад, а я — на Красную площадь. Я был на этот раз уверен, что мне удастся снять первому Владимира Ильича Ленина в Москве. Встал очень рано, тщательно проверил аппарат и качество пленки и около семи утра ушел на Красную площадь. Раньше всех тут появились ребятишки; сидели они на крыше часовенки, которой ныне уже не существует, на карнизах окон нынешнего ГУМа, на фонарных столбах. В это чудесное, теплое, солнечное утро очень хотелось снимать все, и этих праздничных мальчишек тоже, но пленки так мало... Тогда была она импортная, запас таял и не пополнялся. Бывали дни, когда на очень ответственные съемки мы выезжали только с 30—60 метрами пленки.

Но вот площадь стала заполняться народом, а Ленина еще нет. Владимир Ильич был в это время на Ходынском поле вместе с Надеждой Константиновной Крупской. Оператору Новицкому повезло больше: он первый снял Ленина вместе с Крупской сидящими в автомашине. Во время съемок народ от души приветствовал любимого вождя...

В том же 1918 году, осенью, я отправился с агитпоездом имени В. И. Ленина в прифронтовую полосу. Прибытие поезда всюду было большим событием. Народ стекался на станции даже из отдаленных мест. В кинозале вагона шла почти без перерыва демонстрация первой советской кинохроники, показывающей эпизоды борьбы молодой Красной Армии на фронтах, те или иные события, в которых принимал участие Владимир Ильич Ленин. Такие фильмы зрителями воспринимались с особенно большим подъемом.

...Холодный мартовский день 1919 года. Москва в трауре. Народ хоронит у стен Кремля первого председателя ВЦИК товарища Свердлова. Владимир Ильич поднялся на возвышение и долго, очень долго смотрел на площадь, заполненную тысячами людей с обнаженными головами. В тишине на всю площадь прозвучали скорбные ленинские слова. То было прощание вождя с прахом друга и соратника. В этот день мне удалось снять Ленина на фоне Кремля, в окружении народа...

...Праздник 1 Мая 1919 года. Военный парад

18 марта 1919 года. В. И. ЛЕНИН произносит речь на похоронах Я. М. Свердлова. Красная площадь. Москва.

на Красной площади. Появилась конница. Блестят острые наконечники пик с развевающимися от ветерка красными флажками. У Лобного места застыли группа знаменосцев с вышитыми золотом знаменами и оркестр с начищенными до блеска медными трубами. Подана команда к началу торжества. И вот уже Владимир Ильич в открытом автомобиле объезжает площадь, принимая военный парад.

Я находился недалеко от трибуны и по окончании речи Ленина обратился к Владимиру Ильичу с просьбой задержаться еще несколько минут в машине. Владимир Ильич ничего не сказал в ответ, подвинулся ближе к борту машины и, облокотясь, стал смотреть на демонстрантов. Я получил возможность снять еще несколько кадров.

...25 мая 1919 года советский народ вновь собрался на Красную площадь, на празднование дня Всеобщего военного обучения. Колонны вооруженных рабочих пришли сюда прямо с заводов и фабрик. Тут же, на площади, проникая во все щели, теснилась вездесущая детвора. Площадь была заполнена до краев представителями районов столицы. И вдруг толпа заволновалась: «Ленин, Ленин! Вот он идет!»

Владимир Ильич шел неторопливой, спокойной походкой, вглядываясь в собравшихся, лицо его озаряла добрая отцовская улыбка. Подойдя к грузовой автомашине и увидев кинооператоров, он громко сказал: «Поменьше, товарищи, снимайте меня, а побольше тех, кто будет меня слушать...»

Рабочие помогли Владимиру Ильичу взобраться на грузовую машину. Ленин встал у поднятого борта, и площадь замерла в ожидании. В наступившей тишине зазвучала его речь. Если в конец площади и не долетали ленинские слова, их передавали друг другу.

Всевобучу был посвящен специальный кинофильм.

...Наступила осень. Петроград объявлен на осадном положении. В Красном Селе и в Гатчине войска Юденича. Деникин вторгся в Тульскую губернию.

16 октября Тверскую улицу заполнил народ, направлявшийся на митинг к зданию Моссовета. Люди были вооружены винтовками, опоясаны патронташами, у многих при себе ручные гранаты, за плечами вещевые мешки. Рядом стояли дети, жены, друзья, товарищи. Предстояла отправка на фронт, а перед этим — торжественный митинг. С балкона Моссовета перед мобилизованными товарищами выступал Владимир Ильич. День был холодный, моросил дождь, но слушающих речь Ленина это не смущало.

Когда Ленин закончил речь, люди сразу же стали строиться в боевые отряды. Зазвучал революционный гимн — «Интернационал». Под бой барабанов дружины одна за другой покидали площадь, отправляясь к ожидающим их поездам.

Этот митинг, обычный для тех лет и все же до слез волнующий революционной сплоченностью советских людей, довелось снимать П. Козловскому и Г. Гиберу.

...Шли месяцы. Красная Армия, закаляясь, мужала в беспрерывных боях. Начался беспощадный разгром белых полчищ. Многие наши товарищи были командированы на съемку боевых действий.

Но вдруг пришло распоряжение Кинокомитета прибыть в первых числах декабря в Москву. Наш путь от Челябинска до Москвы продолжался... 27 дней. И все же мы приехали в Москву вовремя — к открытию VII Всероссийского съезда Советов. 5 декабря кинооператоры уже фиксировали на пленку выборы в президиум съезда Владимира Ильича Ленина и в тот же день снимали его в момент доклада.

На вечернюю съемку мы пришли заранее. Осветители расставляли юпитеры, кабель от которых протянулся вдоль стен зала в коридор, мимо комендантской. Комендант, заметив у своих дверей кабель, приказал немедленно убрать его. Это распоряжение угрожало срывом всей нашей работы на съезде, и мы заявили, что будем жаловаться лично Владимиру Ильичу. Тогда комендант «в наказание» лишил нас на время съезда права посещать столовую.

Мы решили пожаловаться Ленину и с присущим нам в то время юношеским задором изложили Владимиру Ильичу нашу обиду. Ленин на ходу вынул из кармана блокнот и написал распоряжение коменданту: обеспечить кинооператоров питанием и оказать им полное содействие. Записку мы тут же с некоторым злорадством вручили коменданту. Дальнейшая наша работа в Кремле теперь уже протекала в нормальных условиях.

...1920 год. Первого мая операторы разошлись по разным местам города, чтобы заснять всероссийский субботник — маевку. Левицкому поручили съемку в Кремле, где работали Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Хроникальный фильм «Всероссийский субботник», снимавшийся на заводах, фабриках, в Кремле, вышел специальным выпуском на экраны и пользовался большим успехом.

В тот же день на площади имени Свердлова состоялась закладка памятника Карлу Марксу. Здесь собралось много народу. Владимир Ильич был оживлен и бодр, хотя в этот день он участвовал в субботнике. Ленин заложил первый камень будущего памятника. Заметив меня поблизости с аппаратом, он попросил окружающих посторониться, чтобы на близком расстоянии снять весь процесс закладки памятника. На этот раз удалось снять немало интересных кадров.

В тот же день Владимир Ильич побывал на митинге рабочих Прохоровской мануфактуры. На эту съемку поехал оператор Гибер. Среди других кадров есть интереснейший — беседа Владимира Ильича с рабочими, которые окружили его тесным кольцом. Как жаль, что такие беседы Ильича не могли быть тогда записаны на пленку из-за отсутствия техники звукозаписи!

В июле 1920 года я снова увидел Ленина, на этот раз в Петрограде, на открытии II Конгресса Коминтерна. Огромный дворцовый зал был переполнен. Многие были в своих национальных костюмах, что придавало собранию особенную красочность.

Час открытия Конгресса приближался. Я обратил внимание на группу делегатов, торопившихся по коридору к выходу. У одного из них в руках большой букет красных роз. Я сразу понял, кому предназначены эти розы. Не успел я еще пристроиться поблизости с аппаратом, как вижу: по аллее идет Владимир Ильич. Делегаты, встретив Ленина у подъезда, передали ему свой прекрасный букет. Смущенно улыбаясь, Ленин крепко пожимал им руки. Вот так, с букетом в руках, Владимир Ильич запечатлен на пленке.

Когда Ленин появился в президиуме Конгресса, весь зал поднялся и разразился бурной овацией, то утихавшей, то нараставшей с новой силой. Ленин поднялся на трибуну. И снова гром аплодисментов. Владимиру Ильичу долго не давали начать речь.

Хотелось запечатлеть для кино каждое его

Май 1919 года. В. И. ЛЕНИН после одного из митингов в Москве.

движение, каждый жест. Но... в кинопленке всего 240 метров, а снимать предстоит еще много. Печально смотрел я на свой метрометр, неумолимо отщелкивавший все больший и больший метраж...

...И еще одна памятная киносъемка. Открытие X съезда партии, доклад Ленина. Всем радостно было слышать ленинские слова: «...Мы в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет».

Советские киноработники, снимавшие исторические события, в которых принимал участие Владимир Ильич Ленин, всегда ощущали его заботу и внимание. Оператор Левицкий вспоминает, как однажды на одной из киносъемок Ильич спросил его: «Скажите, на какой пленке вы снимаете?» Левицкий ответил, что приходится снимать на случайных остатках заграничных пленок разных марок, да и те трудно достать.

«Да, у нас пленки пока нет... — заметил Владимир Ильич и добавил: — Надо подумать, как создать свои заводы по производству пленки».

Ленин проявлял большой интерес к кинематографу. В известных беседах с Луначарским Владимир Ильич останавливался на разных сторонах кинематографической работы. Главную задачу кинематографа он видел прежде всего в его агитационно-пропагандистской деятельности. Делу пропаганды должны были служить, по мнению Владимира Ильича, все жанры кино: хроника, научные, художественные фильмы. Надо стремиться, утверждал он, к трем целям. «Первая — широко осведомительная хроника, которая подбиралась бы соответственным образом, т. е. была бы образной публицистикой, в духе той линии, которую, скажем, ведут наши лучшие советские газеты». Кино, как рассказывал Луначарский, по мнению Владимира Ильича, должно было, кроме того, приобрести характер опять-таки образных публичных лекций по различным вопросам науки и техники. Наконец, не менее, а пожалуй, и более важной считал Владимир Ильич художественную пропаганду наших идей в форме увлекательных картин, дающих куски жизни...

Мысли Ленина о важности кино, о главном его направлении определили развитие всего советского киноискусства, открыв перед ним широкую и светлую дорогу.

Кинокадры предоставлены
Центральным Музеем В. И. ЛЕНИНА.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Ф. Короткевича.

МОСКОВСКИЙ

Триста кассиров считают деньги.

Получив от кладовщика плотные, брезентовые сумки с тугими металлическими замками, они вышли во двор. Там их ждал автомобиль. Айдаров и Архипов — банковские инкассаторы — готовились к очередному рейсу по магазинам столицы, собирать торговую выручку.

Возле часовых у ворот произошла минутная заминка: уж больно много машин скопилось тут. И все инкассаторские. Несколько сот человек ежедневно собирают огромную выручку магазинов, учреждений и предприятий столицы. На машинах они колесят по городу чуть ли не круглые сутки. Их трудовой «день» кончается на рассвете, когда они навещают рестораны, увозя оттуда брезентовые сумки, набитые деньгами.

Подсчитано, что инкассаторские машины за день пробегают более шестидесяти тысяч километров! Маршруты их пролегают по всем московским улицам, и порой с так называемых «окраинных» районов они увозят куда более увесистые сумки, чем с иных центральных магистралей.

Конечно, вне конкуренции выручка таких магазинов-гигантов, как ГУМ, ЦУМ, «Детский мир», где счет идет на десятки миллионов, на сотни брезентовых сумок. Но солидную поклажу везут инкассаторы и из продовольственных магазинов, из магазинов одежды, обуви, текстиля, расположенных где-нибудь на шоссе Энтузиастов. На одно из первых мест вышел и магазин по продаже автомобилей: сумма его ежедневной выручки выражается семизначным числом, и она превзошла бы, возможно, выручку ГУМа, если бы удалось полностью удовлетворить спрос на автомашины.

Что привезут сегодня в банк наши спутники Александр Айдаров и Александр Архипов? Последуем за ними по их очередному маршруту. Они объезжают свой участок по нескольку раз в день. Маршрут невелик, но каждый рейс длится часами, и привозят они в банк много миллионов рублей.

— За последний год, — сообщает Айдаров, — нам пришлось дополнительно пустить в оборот еще десяток банковских сумок.

Инкассатор А. Д. Айдаров получает выручку у кассира ювелирного магазина Д. И. Зарубиной.

Первая остановка возле Интуриста. Его выручка растет буквально не по дням, а по часам: все больше людей совершают заграничные поездки. Еще недавно одной сумки хватало с лихвой, а теперь Айдаров боится, что деньги не уместятся и в трех.

Кассирша уже ждет инкассатора. Они давно знают друг друга, но Айдаров действует так, словно видит ее в первый раз: официально предъявляет ей свои документы. Когда имеешь дело с такими суммами денег, нужны особая осторожность и внимательность. Кассиры говорят о себе: «Ошибаться может всякий, кроме нас, кассиров».

Проверив исправность сумок, наполненных деньгами, Айдаров прощается с кассиром. Он бережно и осторожно несет сумки к машине. Хотя никаких происшествий с инкассаторами никогда и не случалось, но надо все же быть начеку.

Архипов открыл дверцу, принял от Айдарова сумки, и машина трогается дальше.

— Хватило?

— Просят еще одну сумку. Говорят, туризм растет...

...Машина останавливается возле овощного магазина. И отсюда выносится объемистая сумка с деньгами.

— Ишь, как расторговались! — улыбается Архипов. — Сразу чувствуется: с овощами и фруктами дело в гору пошло...

Инкассаторы — объективные свидетели роста советской торговли. Туго набитые деньгами сумки они вынесли и из молочного магазина. «Есть молоко, творог, масло — есть и деньги в сумке», — заметил Айдаров. А выручка магазинов, торгующих ювелирными изделиями, хрусталем? Сотни тысяч рублей! Немало денег увозят инкассаторы и из парикмахерских, особенно женских. Вот она, плата за то, чтобы казаться моложе и красивее! И только в сумке, которую Айдаров вынес из большой аптеки, оказалось всего пять тысяч рублей — много меньше, чем из соседнего кафе-мороженого. Что ж, и это неплохо!..

Пусть останется тайной, сколько денег доставили Айдаров и Архипов на банковский двор. Они пронесли их в кладовую, где три кассира и три контролера, тщательно проверив пломбы на сумках, укладывали их в несгораемые шкафы.

К вечеру стальные сейфы уже были забиты до отказа.

— Вот как растет выручка! — с удовлетворением констатировал кассир, подводя итог дня.

— Наступил осенний сезон, — заметил контролер. — И праздник не за горами...

Дотемна прибывали в банк машины с разных концов столицы. А утром начался подсчет «московского кошелька».

В большом зале — триста кассиров. Если все инкассаторы — мужчины, то здесь — только женщины.

Длинными рядами тянутся их небольшие столы, огороженные металлическими сетками. Кассиры

ловко, быстро вскрывают денежные мешки. И вот начинается подсчет. Его ведут вслепую: кассир не знает, сколько денег в сумке.

— Сумка № 7988. Девяносто тысяч сто рублей! — объявляет он, закончив подсчет.

— Верно, — отвечает контролер.

Но иногда раздается иной ответ:

— Сумма не идет! Вторично!

И счет приходится начинать сначала. Чаще всего бывает, что ошибся кассир магазина. Иногда он указывает в документе сумму бо́льшую той, что фактически в сумке, а иногда и меньшую. А закон таков: излишки приходуются, недостача взыскивается.

В течение последних месяцев банковские кассиры обнаружили более десяти тысяч ошибок своих магазинных коллег. Чаще всего это мелкие суммы, но бывают недостачи или излишки в несколько тысяч рублей. Недавно в сумке, привезенной из крупного московского универмага, не хватило десяти тысяч рублей. Потом выяснилось, что кассир просто забыл положить деньги в сумку и они остались у него в столе. Чаще других ошибаются почему-то ресторанные кассиры, а среди них на первом месте — кассиры вокзальных ресторанов.

...В зале царит тишина. Слышно только, как шелестят бумажки. Некоторые кассиры считают деньги так быстро, ловко и красиво, что невольно залюбуешься их работой. Это виртуозы. За день они пропускают через свои руки

У счетной машины кассир Людмила Дьяконова.

У сортировочной машины Зоя Баранова.

«Московский кошелек» — кладовая главной кассы Госбанка. Старший кассир М. С. Головачев и начальник кассы Ф. П. Трошин.

кошелек

более двадцати тысяч «листов» — так называется на их языке каждый денежный знак.

Мы стоим у стола Елены Николаевой, одного из таких кассиров-виртуозов. Она берет пачку денег, легким движением развертывает их и в одно мгновение пересчитывает. Потом она собирает по сто бумажек вместе, скрепляет их бандеролью, формируя так называемый корешок. Из десяти таких корешков составляется банковская пачка денег. Николаева ставит на ней свою личную печать, и теперь деньги поступают в кладовую — в «московский кошелек».

Мы проходим в небольшую комнату, где работают кассиры-новички. Большинство из них недавно окончило среднюю школу. За столом сидит молоденькая девушка, медленно и старательно пересчитывающая деньги. Она сосредоточена, напряжена до крайности и даже цифры произносит вслух. Ее нельзя отвлекать — иначе ошибется. Но вот девушка закончила счет пачки, и теперь с ней можно поговорить.

Юлия Шарикова, так зовут ее, работает кассиром всего месяц. Она пришла сюда из средней школы. Нравится ли ей работа?

— Я никогда не держала в руках столько денег! И сейчас еще страшно,— признается она.— Кроме того, я не умею считать на счетах. Нас этому не учили в школе...

— Думаете учиться дальше?

— В будущем году хочу поступить в институт.

— В какой же?

— Теперь в финансовый!..

— Через год будет заправским кассиром, — говорит про Юлию контролер.

В отдельном помещении подсчитывается разменная монета. Ее привозят в мешках, каждый из которых весит восемнадцать килограммов. Мелочь поступает из метро, трамваев, автобусов и от церковных старост. Только из автоматов метрополитена привозят мелочи на шестьдесят тысяч рублей.

Сколько кассиров потребовалось бы, чтобы это огромное количество монет пересчитать руками! Но тут на помощь приходят машины.

Прежде всего мелочь попадает в сортировочную машину. В ней два барабана с ячейками, размер которых соответствует десяти-, пятнадцати- и двадцатикопеечным монетам. После сортировки мешочек с одинаковыми монетами поступает на счетную машину. Здесь деньги высыпают на вертящийся диск, и кассиру остается только отбирать деформированные или иностранные монеты, которые иногда попадают в автоматы. Счетчик заменяет человека. Только успевай следить за цифрами!

...243 ...452 ...731 ...1000.

Не прошло и нескольких минут, как содержимое автомата № 6 со станции «Киевская» было уже пересчитано.

— Пятьсот два рубля шестьдесят копеек! — сообщает кассир.

— Излишек два рубля шестьдесят копеек! — отвечает контролер.

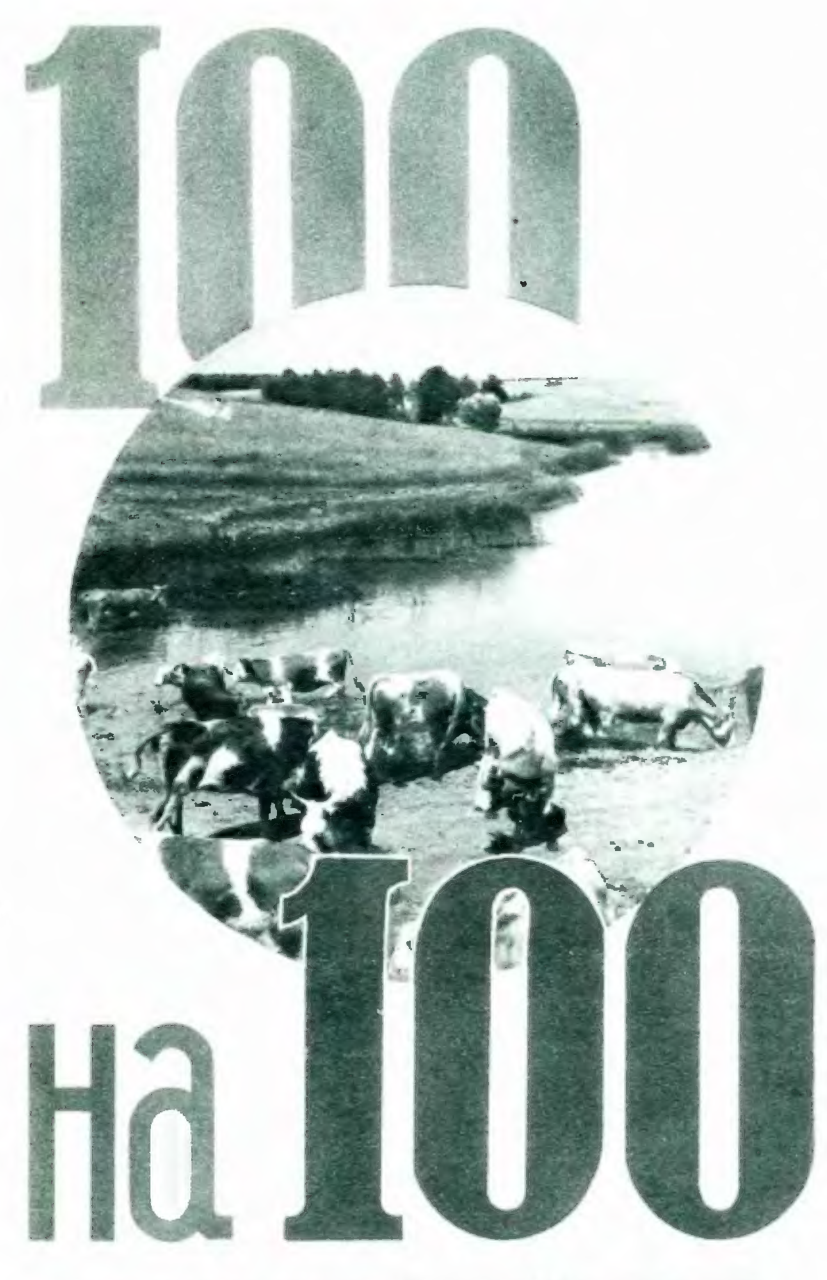
Неужели автомат ошибся? Нет, снова ошиблись люди, которые заправили автомат бо́льшим количеством билетов, чем положено. Машина честно сдала всю сумму сполна.

...К концу рабочего дня пустеют банковские сумки и растет число перевязанных денежных пачек в стальных сейфах. Деньги укладывают в огромные алюминиевые сундуки, установленные на тележках. Их закрывают на замки и везут по коридору, мимо часовых, в кладовую главной кассы.

Это и есть «московский кошелек», куда стекается денежная выручка торговых предприятий огромного города, его дневной оборот, исчисляющийся сотнями миллионов рублей. Вдоль стальных стен высятся штабеля банковских пачек, аккуратно и тщательно уложенных кассирами. Завтра эти деньги снова пойдут в обращение — на выплату заработной платы, пенсий, стипендий...

Вот они, миллионы рублей, говорящие о росте товарооборота в столице, о ро... е благосостояния советских людей.

100 на 100

В колхозе «Ленинский шлях». Молодняк крупного рогатого скота на нагуле.

(Из винницких дневников)

Александр МИХАЛЕВИЧ

Фото Н. Козловского.

Нет, не Н-ский район...

Один винничанин, и в мыслях не имевший обидеть братьев-писателей, сказал:

— Это ведь не литература, не выдумка. Не Н-ский район, а совершенно реальный, Винницкий... С запада будете к нам ехать — пожалуйте в Зарванцы. От Житомира направитесь — не минете Сосонки. По-над Бугом встретите Селище, Лавровку, Бохоники. А еще у нас есть Тютьки и Телепеньки, Медвежье Ушко и Студеница, Лука Мелешковская и Мизяковские хутора, Пурпуровцы и Майдан и еще села. В общем, ни много, ни мало — тридцать три колхоза в районе...

У каждого села — история. Одна скупее, другая сочнее. Но както по-особому эти села стали интересны теперь, когда все они в дружном строю вышли состязаться с Америкой в производстве продуктов животноводства. И, может быть, здесь всего поучительнее именно этот единый, дружный строй многих. Такого ведь действительно нет еще «в литературе». Не один передовой колхоз и не несколько передовиков, а все тридцать три колхоза ведут борьбу за то, чтобы всем районом уже в 1957-м, юбилейном, году произвести в колхозах сто центнеров мяса на сто гектаров земли да плюс к этому на каждые сто гектаров земельных угодий получить по триста двадцать пять центнеров молока.

Цифр сейчас всяких много в потоках различных обязательств, поэтому полезно спросить себя: «А что, собственно, «весят» приведенные показатели? Если это не мало, то насколько много?» Помню, на одном из съездов рабселькоров Демьян Бедный с добрым юморком рассказывал: заходит однажды Ленин на квартиру, где были он, Бедный, Шаляпин, еще кто-то. Встречает Ильича в передней вместе со взрослыми маленькая девочка, Ленин ласково погладил ее по головке и, как полагается в таких случаях, спрашивает:

— Сколько тебе, девочка, лет?

— Три года.

Ильич хочет идти дальше, он вполне удовлетворен ответом. Ну, а девочка не считает разговор законченным и спрашивает Ильича:

— А три года — это много или мало?..

Прямо врасплох захватила своим вопросом. Сразу и не нашелся Ильич, что ответить девочке. Потом рассмеялся весело:

— Ты права, права... Это важнее всего знать: три — мало или много?

Так вот, мало или много эти сто центнеров мяса и триста двадцать пять центнеров молока на сто гектаров колхозных угодий?

Трудно отложить в памяти сразу много цифр, но вот такое сравнение, может быть, будет выразительным. Про колхоз «Россия» на Ставропольщине, где председателем товарищ Лыскин, или про колхоз «Кавказ» на Кубани, где председателем товарищ Табаков, очень многие читали. Недавно о них писал «Огонек». Замечательные хозяйства с превосходными вожаками! Так вот, «Россия» после того, как несколько раз пересматривала свои обязательства, пообещала в юбилейный год произвести восемьдесят восемь центнеров мяса на каждые сто гектаров земли. Колхоз «Кавказ» — по семьдесят центнеров. А весь Винницкий район — все тридцать три колхоза, правда, по размерам не такие большие, как «Россия» и «Кавказ»,— вышел на борьбу за сто центнеров мяса на сто гектаров. Да и по молоку у винничан обязательство такое же захватывающее.

Вот что такое винницкие сто гектаров земли!..

Мы отдавали и отдаем должное отдельным передовым колхозам. Кто возьмется оспаривать, кому не ясны их великолепные достижения?

Но давайте сегодня смотреть шире. Не в одиночку передовики выходят теперь тягаться изобилием с Америкой. Сейчас меряться с нею вышла сомкнутая цепь бойцов-соревнователей.

Такую дружную цепь я с жадным интересом не один уже год наблюдаю в Винницком районе.

Они догоняют Америку...

Внешне все обычно на фермах. Живет своей жизнью летний табор в живописном леске, работают полным ходом силосорезки, звенят бидоны на бричках молоковозов в положенные часы... Только придирчивее все стали сопоставлять: в Якушинцах суточный удой достиг четырнадцати килограммов на корову, а почему у нас в Зарванцах только тринадцать? И будут доискиваться этого недостающего килограмма, сравнивать до деталей рационы, проверять ночную пастьбу: «Как же так, на целый килограмм меньше! Капля дорога!» Не берите узко эту «каплю». Разгадают в Зарванцах секрет четырнадцатого килограмма, и это будет одновременно какая-то новая капля человеческого достоинства, советской гордости у людей, начавших нелегкое соревнование...

А ведь то Зарванцы! Называли это село в свое время и «богомольным», и «бандитским», и «куркульским» — во всяком случае, не так просто шло оно к нынешнему ладу...

Сохранился у председателя колхоза «предмет для музея» — пиджак, изрешеченный бандитскими пулями. Затесались в село националистические недобитки, хотели свести счеты, да просчитались: оставленный председателем пиджак приняли за его владельца, и ему, пиджаку, «отомстили» за крушение своих надежд... Вспоминают еще на ферме ее первую заведующую, коммунистку Анну Федоровну Бровченко: всю душу вкладывала она, чтобы развивалось колхозное животноводство. Честную труженицу погубило кулачье. Рассказывают, убили женщину ломом и тело закопали в навоз. Светлый образ этой героини колхоза не только не померк, а именно сейчас стал особенно значителен, близок даже тем людям, которые раньше не знали колхозницы, не задумывались о ее судьбе.

А вот новая история фермы.

Молодая женщина подъехала к летнему табору на велосипеде — это Лида Алексеева. Она восьмой год после окончания школы работает на МТФ, последнее время была ее заведующей. Потом вышла замуж, родила сына, и теперь ей удобнее работать учетчицей. На ясном лице, на всей спокойной, полной женского достоинства фигуре Алексеевой отпечаток счастья молодой матери.

Но, честное слово, отнимите у Лидии эту сквозящую в каждом слове увлеченность делами на ферме, в колхозе, лишите ее возможности жить общими радостями и горестями, и вы нанесете какую-то большую рану этой женщине.

— Я как представлю, с чего мы начинали,— ведь все наши килограммы мне приходилось пересчитывать,— так самой себе не верю. Получить две тысячи килограммов на корову за год — и это ведь считали достижением. Потом и три тысячи показалось мало. А сегодня и на четырех тысячах не всякая доярка помирится! Тонн пять силоса на корову закладывали — и рады были. Сегодня никого и десять не устраивают: давай больше. Видели летний дом для отдыха доярок? Светло, чисто, стены украшены, кровати никелированные, постели мягкие, окна в лес смотрят, ну прямо тебе «наши Сочи»... Какую ни возьмете доярку, — участница выставки, медали имеет, премии не раз получала. Ну, насчет дополнительной оплаты и говорить нечего: к этому просто привыкли девчата...

Где-то на краю табора, закончив вечернюю дойку, подруги Алексеевой, дружно сливая голоса, запели что-то мягкое, задумчивое. А мы с Лидой вот еще о чем подумали:

— Про доярок винницких теперь и говорят и пишут. Но что иногда забывают заметить? Сколько семей получили поддержку из-за того, что на фермах дела в гору пошли! Осталась колхозница-мать после войны без мужа, сложил хозяин голову на фронте, и вот подрастает в осиротевшей семье дочка, или она, или мать идут работать на ферму, а там соревнование, заработки хорошие, уважение. Проходит год — два, и в семье уже прочный достаток, неуютности меньше, и та дочка смелеет в работе и в жизни.

Какие же боевые, зрелые командиры нужны этим труженицам, если в мирной битве за изобилие результат их труда — животноводческую продукцию — приравнивают к действию водородной бомбы!

Когда председатель колхоза в Зарванцах Алексей Николаевич

Блузер с присущим ему огоньком говорил на собрании о поставленной задаче — в короткий срок догнать Америку по производству мяса, — кто-то из угла, спрятав вниз голову, бросил, может быть, и не добродушно, а с некоторой издевкой:

— Что ж нам теперь, из шкуры вылезть, чтобы изо всех сил догонять?

— Эх! — вскипел Алексей Николаевич.— А когда наши воины над Берлином красное знамя водружали, ты тоже только о шкуре думал и одну шкуру видел? Тогда потруднее было. А человечество что увидело? Силу, красоту и справедливость советского человека!

Мы говорим и пишем сейчас об азарте соревнования. Конечно, не так его легко представить, как традиционное «упоение в бою». Среди знаков воинской славы есть у Блузера монгольский орден: «Его сам маршал Чойбалсан в присутствии товарища Жукова мне вручал». В центре ордена на голубом эмалевом фоне всадник на коне. Тут все ясно, и с азартом и с упоением в бою. Легко представить: огневой конь, лихой рубака Алеша. А когда этот Алеша, давно ставший Алексеем Николаевичем, ведет беседу у птицефермы с птичницей Писаренко и считает куриные яйца, то кажется, какое тут может быть упоение? Но прислушаемся:

В Зарванцах все знают Лиду Алексееву — учетчицу на молочнотоварной ферме.

— Ты знаешь, Матрена Федоровна, это хорошо получилось, что ты, лучшая наша звеньевая, пришла на птицеферму, навела здесь порядок. Обязательство района помнишь: чтобы не меньше десяти центнеров из обещанных ста было птичье мясо? И по яичкам то же самое: за год добиться удвоения, так, чтобы на сто гектаров было не меньше десяти тысяч яиц получено. Так знаешь, сколько ты уже получила? Семь тысяч триста шестьдесят шесть. Больше всех по району! Мы уже и шевченковцев — Великие хутора — по яйцу обогнали, а сколько лет у них было первенство?! Теперь надо и по водоплавающей обогнать!

Беседа в «Перемоге»

Если у Алексея Николаевича Блузера такое возбуждение, если так кипит этот человек, то что же за азарт должен быть у председателя в Пурпуровцах, там, где колхоз «Перемога», у Леонида Дмитриевича Найколюка?

Цифра-то у него самая что ни на есть «азартная» — еще к июню колхоз «Перемога» успел получить по восемьдесят центнеров мяса (главным образом свинины) на сто гектаров угодий. Восемьдесят! Больше всех по району да и по всей области...

Скачок, резкий скачок! Еще в 1954 году на те же сто гектаров в этом колхозе было произведено свинины всего... шесть центнеров. Мы заглянули в прошлое, заглянем и в будущее. «Перемога» пообещала в 1960 году производить на сто гектаров земли по триста центнеров мяса и по пятьсот пять центнеров молока...

От шести к тремстам — в пятьдесят раз за какие-нибудь шесть лет!

За цифрами — внешне очень спокойный и рассудительный, не очень многословный человек. У Найколюка тоже фронтовая школа. Он вернулся с фронта майором, с орденами, медалями, но обличье у него сейчас явно не майорское: довольно тучен, на нем просторный белый костюм, легкая шляпа. И азарт не написан на загорелом председательском лице. Какая-то спокойная внимательность и большой интерес к окружающему подкупают вас в собеседнике, когда вы разговариваете с Найколюком. В час непринужденной беседы и он вам выскажет на первый взгляд что-то очень будничное, малозначащее. Вроде:

— Работа, ведь она одинаковая...

Вы с недоумением ждете: а что же дальше? И вдруг перед вами раскрывается, если хотите, целая философия советского хлебороба.

— Одинаковая она, в общем, работа, одна и та же — все равно ее надо робить... Хорошо или плохо, с большим или малым результатом, а делаешь. Так уж лучше делать хорошо! И чтоб результат был... Не правда ли?

Невольно вы окидываете глазами здешние результаты. Сельская улица привела вас вдруг на широченную площадь с прекрасными животноводческими строениями. Здесь и цветники, и радио, и красочные щиты с картинами и цифрами показателей сельского труда. Во всем работящее настроение, размах. А Найколюк, развивая своеобразную мысль, что «работа — она одинаковая, ее все равно делать, так уж лучше хорошо делать!..», убежденно поясняет:

— Взять навоз... Сколько о нем бывало разговоров, совещания созывают, сводки печатают! А его одинаково возить надо. По нашей земле без навоза — какие же урожаи, какая кормовая база? Так уж лучше возить навоз, чтобы ни людей, ни себя не обманывать. Если говоришь, что тонну вывез, так чтобы была тонна. Или вот силосом заниматься. Все одно без силоса ни шагу. Так чего выжидать? Кукурузу, что ли, ждать, чтобы только ее силосовать? А ранние травы? Так лучше готовь ранний силос из всех трав, какие только есть, и садки, и обочины, и бугры прихватывай. Или взять свиноводство. Свиноматки, основные и разовые, поросята — все равно возиться, считать. Так уж лучше считать сотнями и тысячами голов и центнеров, чем над единицами голову сушить...

Интересный ход мыслей! Ведь все это Найколюк говорит вполне бесхитростно, скромно. Думается: сгорают в жарком винницком соревновании всякие цепкие морали, вроде: «Работа не волк, в лес не убежит», «Что бы ни делать, лишь бы поменьше делать», «Работа дураков любит». Не бегут от работы, а жаждут, ищут Найколюки. Если всех работ и не переработаешь, то все же лучше переработать побольше. Вот их мораль живой, творческой деятельности.

Был председатель «Перемоги» на партийном активе в области и, выступая там, многих удивил своими показателями по свиноводству. Однако и сам удивился услышанному рассказу о том, как в одном одесском колхозе «большой мах кролиководству дали».

— Вы понимаете, как там дело завязалось? — рассказывает Найколюк.— Купили осенью у одного хозяина трех кролематок. Пока осень, зима, а их, кроликов, уже сотни. Сначала кузнецы колхоза присматривали за кролями в небольшой пристройке возле кузницы. Потом пришло время настоящую кролеферму ладить. Поручили ее комсомольцам. На второй же год от кролей четыреста тысяч рублей дохода взяли. Теперь кролеферма возрастает до ста тысяч голов. За одни шкурки колхоз миллион рублей брать будет. А на сто гектаров у них одного кроличьего мяса сорок центнеров придется!

Найколюк тут же сообщил, что правление «Перемоги» уже послало своего человека закупить в том колхозе кролематок, а потом поделился доверительно:

— Я ведь эту отрасль немного знаю, да и в Германии и в Чехословакии с кроликами сталкивался. Даже еще когда охотился в одном хорошем лесном месте, вижу, заяц... Пошел на зайца, а он... кроликом оказался. Дальше — больше, набрел я на такое, чего в жизни не видел. Заповедник, а в нем тех кролей — миллион!

Председатель колхоза «Перемога» Л. Найколюк.

— Так-таки и миллион?

— Миллион.

— Это... охотничья статистика?

— Нет, верите, страшная сила кроликов! Никаких там не было особых построек, главное — надежная, глубоко врытая в землю сетка. Так мы такое содержание можем и у нас применить! Есть и у нас колхозные лески подходящие. Я этот метод уже и с некоторыми книжечками по кролиководству согласовал. Будем иметь кроличьего пуха, мяса и шкурок не меньше, чем в том одесском колхозе.

Как-то в беседе я спросил Найколюка:

— Вы ведь давно этих заповедных кролей видели. Почему же раньше о них не вспомнили?

— Да, не вспомнил. И, признаться, даже как-то и не помышлял, что это может мне для дела, для хозяйства пригодиться... А сейчас другой подход, сейчас и память тревожишь, все на учет берешь, где когда это полезное видел, знал и слышал, все применить торопишься. Да не у меня одного! Когда это было, чтобы хижинцы, соседи наши, свой голос в соревновании по мясу подавали? Не было этого никогда. А сейчас и хижинцев слышим. И хижинцы за «сто на сто»! А на отчетное число председатели соберутся, так без всякой «накачки» промеж собой делятся, если какая неудача. «Ты понимаешь,— говорит иной,— не вышло у меня в этом месяце семнадцать центнеров мяса сдать, не дотянул немного до своего показателя». Искренне сокрушается человек, так что, веришь, и нотации ему не надо: сам к следующему отчетному числу исправится!

Это действительно деятели!

Давно я уже слышал в районе:

— Такие у нас сейчас колхозы, что им не просто председатели нужны, а нужны деятели на председательских постах!

Деятели не падают с неба, они вырастают, проверяются, отбираются на деле: в борьбе с трудностями, в живом соревновании. В районе дорожат своими колхозными кадрами. Здесь в общем устоявшийся председательский состав. Интересно, что это люди разных поколений и пришли они к руководству в разные периоды. Их испытывала, отбирала, шлифовала работа, жизнь. Есть ядро председателей еще с довоенным стажем — Петр Кушнир в Ивановке руководит колхозом более тридцати лет. Есть группа практиков, которых закалила война; они вернулись с фронтов офицерами, прошли различные курсы и, наверное, уже до конца жизни втянулись в колхозное строительство. Найколюк — их яркий представитель. Есть молодые специалисты во главе колхозов. В знаменитой Стаднице, где уже в 1957 году будет произведено на сто гектаров угодий сто десять центнеров мяса и четыреста шестьдесят центнеров молока, председателем зоотехник Петр Вдовенко. Есть председатели, в том числе тридцатитысячники, с такими прежними профессиями: ветеринарный врач, судья, директор школы, кооператор, заслуженный учитель, заведующий фи-

В Винницком райкоме партии. Слева направо: секретарь райкома партии П. Бобков, редактор районной газеты «Шлях до комунизму» В. Шаповал, первый секретарь райкома партии И. Бондарчук, председатель райисполкома Н. Волынкин.

нансовым отделом, агроном-семеновод...

Это целая гамма характеров, от рыхлых, стареющих, заплывших жирком, таких, какими рисовали обычно председателей в «Перце», до подтянутых, стройных, вполне спортивного вида, еще совсем не пожилых людей. Разнообразие жизненного опыта, несомненно, взаимно обогащает членов этого на первый взгляд пестрого районного коллектива.

Были издержки в этом коллективе? Были, и довольно характерные.

Там, где киевская дорога подходит уже вплотную к Виннице, справа и слева расположены два интересных хозяйства. Справа — в Мизяковских хуторах — председателем колхоза был Реус, слева — в Сосонке — Романенко. Оба хозяйства многоотраслевые, перспективные. Романенко давно работает, и все с неослабевающим запалом. Здесь, можно сказать, общерайонная школа высоких урожаев кукурузы: колхоз собирает по пятнадцати центнеров зерна кукурузы вкруговую.

Движутся вперед и Мизяковские хутора — колхоз имени Кирова. Но движутся уже без Реуса. Была бы и ему, Реусу, честь, да не сумел снесть!

Года три назад, когда район, укрепляя кормовую базу, брал новую крутую ступень, резко расширял производство кукурузы, Реус хотел обойтись без дополнительных кукурузных хлопот. И так и этак уклонялся от нового дела, сеял сомнения, кляня кукурузу. Вот на чем дали бой Реусу коммунисты, колхозники. Не захотели его больше иметь председателем. Это был серьезный урок колхозной партийной организации района. Несомненно, урок этот в какой-то мере определил и сегодняшние успехи. Вспоминая сейчас падение Реуса, колхозники делают вывод: инициатива местам, планирование снизу не для того, чтобы нерадивые люди могли ограждать свою тихую жизнь! В колхозе имени Кирова, между прочим, теперь не только есть кукуруза, но даже испытывают новый, свой сорт — «кировец».

...Председатели — действительно деятели. Но нет грубее ошибки, когда не видят, какие эшелоны умелых бойцов стоят за этими командирами.

Всяческого уважения заслуживает в Сосонке председатель колхоза Герой Социалистического Труда Прокоп Калеників Романенко. Человек он твердый, смелый, решительный. Охраняя колхозную землю от разбазаривания, вызвал такую злобу одного негодяя, что тот пытался стрелять в председателя. Но и после этого ничего не изменил Романенко в своей принципиальной линии. Скуп председатель на обещания, спорит, возражает против некоторых «не предусмотренных ранее» работ, заданий. Спорит, ворчит, однако разобьется в лепешку, а свою часть общего дела раньше других сделает.

Но, кроме Романенко, в колхозе еще двадцать коммунистов. Это тоже деятели! Семь лет работает директором школы в селе Борис Борисович Шлаин, и почти все эти годы он секретарь колхозной партийной организации. В школе есть своя ученическая МТС. В ней два древненьких трактора, гараж сооружается. Ученики, кончающие эту среднюю школу, знают трактор, знают машины, знают работу на полях и фермах. Подавляющее большинство ребят, получив аттестаты, остается работать в МТС и колхозе, некоторые учатся затем в вузах заочно.

Среди недавно принятых в партию в этом селе — давний колхозный бухгалтер Николай Артемьевич Ящук, редактор печатной колхозной многотиражной газеты. Он по-своему выделяется: у него светлая голова колхозного экономиста. Он без отрыва от производства недавно окончил экономический вуз. Интересную цифру подсчитал Ящук:

— Если колхоз «Ленинский шлях» выполнит в 1957 году свои обязательства по животноводству, доходы превысят три миллиона рублей. А в 1951 году, помнит Ящук, они равнялись только пятидесяти тысячам рублей.

Ящук — автор научных статей, книги о снижении затрат труда на единицу колхозной продукции. Он интересно разработал вопрос о наиболее эффективных формах дополнительной оплаты труда в колхозах. Здесь, в Сосонке, проходят специальные семинары: по организации учета труда, по другим экономическим проблемам колхозного производства.

Сорок комсомольцев в «Ленинском шляхе». Одному из них, Василию Сташко, недавно доверили заведовать свинофермой.

Сташко учился в техникуме, был в армии. Рассказывает: начал создавать семью. Женился недавно. На ком? Она секретарь комсомольской организации, Антонина Ящук, «дивчина с огоньком»!

— Столько сразу событий! — делится Василий.— Тут, главное, помнить, в какой год мне поручили ферму: юбилей Советского государства. Кое-что новое уже сделано. Заметили посев картофеля около летнего лагеря для свиней? Будут свиньи сами для себя убирать картошку. Дешево и сердито! Теперь бы мне добиться водонапорной башни... Иначе сколько воды с речки придется навозить, пока больше тысячи центнеров свинины получишь?

...Сташко потерял отца и брата в войну. И где-то глубоко живет у него в сознании:

То, що ви не докували,
Я з синами докую!

И Черепашинцу новых скоростей!

...И вдруг такое.

На знакомой горке за Бугом, где расположено небольшое здание Винницкого райкома партии, в этом испытанном «КП» многих трудовых битв, застаю склонившихся над областной сводкой главных стратегов и тактиков района. Здесь невысокий, лысеющий, со сверлящими черными глазами председатель райисполкома Волынкин, вечно спешащий, усталый от ночных читок редактор районной газеты Шаповал и всегда по-офицерски подтянутый второй секретарь райкома Бобков. Бондарчука — первого секретаря — на этот раз нет: он уже вторую неделю в Китае, в составе советской делегации, приглашенной на Всекитайскую сельскохозяйственную выставку. Спрашиваю товарищей о настроении. Отвечают не сразу, а потом кто-то загадочно определяет:

— Настроение? Да как сказать... приподнято-упадническое!

Надо знать и эту черточку винницкого стиля: тут любят шутку, ценят остроумие, не жалуют постных лиц. Но почему все-таки, спрашиваю, приподнятое и почему упадническое?

— Приподнятое потому, что все намеченное для себя на истекший месяц и по мясу и по молоку выполнили. Даже больше дали. А «упадническое»?.. Крыжополь-то хоть на несколько центнеров, но по мясу впереди оказался?! И молока у него на корову — если не с начала года, то за последний месяц — больше нашего надоено. А на Киевщине хоть немного, но обогнал нас Киево-Святошинский район. И на Буковине Кицманский отличился. Мы, конечно, их поздравляем, радуемся за товарищей, за общее дело, но нас-то от этого не меньше кошки за сердце скребут!

Так вот кому, наконец, хоть и не по годовому еще итогу, может быть, временно, но все же удалось опередить самих винничан. Уже много лет десятки и сотни районов стремятся к этому. Еще в октябре 1953 года Винницкий район впервые получил республиканское переходящее красное знамя за успехи в животноводстве.

И вот появились новые соперники — районы Кицманский, Киево-Святошинский, Христиновский. Винницкая область в целом завоевала переходящее знамя лучшей области. Хороший знак: накаляется, значит, везде температура народного соревнования, особенно после того, как брошен вызов Америке. Прибой свежих сил всюду. Но в Винницком районе из всех своих соперников выделяют Крыжополь. Товарищи объективно оценивают:

— Успехи Крыжополя не просто «стечение благоприятных обстоятельств». Там особенно много потрудились над перестройкой методов работы партийной организации после XX съезда КПСС. Там действительно закалили кадры. Никто так упорно, последовательно не изучал, не переносил к себе все полезное из нашего опыта, как крыжопольские колхозы. Возьмите хотя бы расстановку партийных сил...

Вспоминаю, как Василий Софронович Бойчук, первый секретарь Крыжопольского райкома партии, приводил однажды своеобразное высказывание старого тракториста по поводу того, «что есть передовой опыт»: «Он, помоему, как горючее. В цистерне оно переливается, словно обычная водица. Но вот попадет в мотор, дай только добрую искру — и сразу выявит свою великую силу, сдвинет с места машину, потянет за собой и плуг и сеялку, превратит землю в плодородную ниву, в цветущий сад».

— Пример коммуниста — такая же чудесная искра,— говорит Бойчук.— А у нас на животноводческих фермах района трудится шестьдесят коммунистов, столько же в полеводческих бригадах, а семьдесят — в тракторных. И у всех единая цель: во что бы то ни стало сравняться с винничанами!

Крепко «поджимают», даже опережают стремительных винничан. А Крыжополь не один. Тут винничане попадают в своеобразное окружение...

В областной сводке все больше «неожиданностей». Ну, Вороновица давно примеривается к винничанам, а вот Чечельницкий район — когда его видели в первой пятерке? Надо теперь и его брать в расчет. В Калиновском районе есть село Черепашинец. Никогда его не замечали, не тревожили, ну, пасет «задних» в сводке, так ему и положено. Свинины дал за пять месяцев в сорок два раза меньше соседа — так это, мол, Черепашинец. Теперь и Черепашинцу не прощают черепашьих темпов. Хотят сблизить его показатели с лучшими. Хватит характера и у калиновских руководителей: начнет и этот район выходить в люди.

Вопреки всем трудностям вызревает общая победа.

В добрый час, Крыжополь! В добрый час, Вороновица, и Чечельник, и Тростянец! И Черепашинцу в добрый час добрых темпов так, чтоб потом селу и название сменить, не вспоминать черепашьих скоростей...

И в добрый час, испытанный боец соревнования, неиссякаемый в творчестве Винницкий район!

ПЫЛЬ И ВЕТЕР

Рассказ

Наталья ДАВЫДОВА

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Эта встреча не была случайной. Что же случайного, когда встречаются два человека, которые называли друг друга друзьями! И хотя прошло семь лет, как они не виделись и все эти семь лет они как бы ехали от одной точки в разные стороны, они встретились.

Ветер гнал, и гнал, и крутил колючую пыль. Та самая пыль, которая еще два часа назад лежала на дорогах серой ватой, сейчас сделалась острой, как железные стружки, перестала быть пылью, превратилась в песчинки, камушки, камни, щепки. И все это летело в лицо, в глаза, за шиворот. Как будто кто-то нагибался, поднимал с земли все, что только можно было подобрать, и злобно швырял в людей, бежавших по улице.

Привыкнуть к этим ветрам и к этой пыли было невозможно. Надо было закрыть голову и лицо и бежать как можно быстрее.

Нина возвращалась с работы домой. Было три часа дня, суббота. Один раз она выругалась: «Эта чертова пыль!» — и тут же раскаялась: пыль оказалась на зубах, и пришлось плеваться и вытирать зубы платком.

— Нинка! — услышала она веселый забытый голос. — Ниночка!

Высокая женщина в белом платье с волнистыми разводами пыли встала перед Ниной. Это была Тося, почти Тося, потому что была гораздо старше Тоси. Мелко завитые короткие волосы метались над головой спокойной большой женщины, которая смотрела на Нину с улыбкой, не отрываясь. Они обнялись.

Нина показала рукой на ближайший подъезд, и обе, обнявшись за плечи, быстро пошли туда.

— Ну и пылища в вашем городе! — сказала Тося, вытирая лицо платком; запахло духами.

— Это здесь редко бывает, — сказала Нина, хотя ветры были бичом этого городка и сама Нина любила говорить: «Живем, как в трубе».

«Здорово мы постарели!» — думала Нина, глядя на подругу, с которой пять лет была неразлучна в институте.

— Нинка, Нинка! — говорила Тося. — Наконец-то мы повидались! Ты молодцом, не переменилась. А я? Не та? Что ты смотришь?

— Смотрю, — сказала Нина, — просто смотрю. Радуюсь.

И это была неправда. Радости Нина не ощущала.

— Сережа ехал сюда, я уговорила взять меня с собой. Ехала и боялась, вдруг не застану, вдруг ты в отпуске, или в командировке, или еще где-нибудь. Может быть, замуж вышла, думала.

— Пока что не вышла, никто не берет, — сказала Нина. — Ты сегодня приехала?

— Утром. Столько рассказать надо, спросить еще больше! Пойдем к тебе.

Квартира у Нины была хорошая, как все новые квартиры в городе. Старых, впрочем, здесь вообще не было. Светлая, с газом, с паровым отоплением, с ванной. Ванна — счастье в этой пылище. Но дома, Нина это знала, был беспорядок, потому что мать болела и еле управлялась всех накормить, сестра разбаловалась и, кроме спорта, ничего не хотела знать. А братья хотя старались помочь чем только могли, но старший работал на буровой, другой — на промыслах и учился в техникуме, третий учился в институте. К счастью, они приходили домой только обедать и спать. Они были рослые, крикливые, у них было много товарищей, они были молодые, с хорошим аппетитом и любили петь. Они не могли не шуметь.

Ветер немного утих.

— Пойдем, — позвала Нина.

Мимо, свистя на все лады в стручки акации, прошла группа ремесленников. Ремесленники почтительно поздоровались с Ниной, потом опять начали свистеть.

Около дома Нины маячила старуха, мать начальника одной из контор бурения. Старуха наблюдала за всей улицей, всегда знала, кто к кому пошел в гости, кто когда вернулся с работы, кто сегодня выпивал, а кто опохмелялся. Но так как основная обязанность старухи состояла в том, чтобы присматривать за внуком, она время от времени громко кричала, ни к кому не обращаясь: «Не озоруй!». До внука эти наставления не доходили: он старался держаться от дома подальше.

Старуха проводила видную Тосю одобрительным взглядом и крикнула: «Не озоруй!».

На Нину старуха тоже посмотрела вполне дружелюбно: она уважала Нину и не раз высказывалась на улице в том смысле, что лучше бы ее сын женился на ней, чем на той, на которой он женился.

— Ну, как ты? — все спрашивала по дороге Тося.

— Хорошо, — отвечала Нина и думала: «Потом расскажу все, обязательно расскажу или ничего не расскажу».

Тося была разговорчивая, охотно откровенничала, была слезливая, и сейчас у нее стояли слезы в глазах: она была растрогана встречей. Лицо у Тоси было круглое, красивое, глаза большие, серые, движения плавные. Красивая дебелая женщина средних лет.

А Нина была худая, тонкое платье не могло скрыть выступавших лопаток на спине. У нее был вид женщины, которой мучительно нужно отдохнуть, а если бы она отдохнула, тогда бы еще можно было увидеть, что она и молода

и привлекательна. У Нины были яркие синие глаза на загорелом дочерна лице. Кожа в который раз за лето лупилась на ее ровненьком носу, губы, четкие и небольшие, были накрашены неяркой помадой. Пальцы рук были испорчены ревматизмом, полученным здесь в первые, суровые зимы; морщины едва заметной белой паутинкой лежали вокруг глаз. И все-таки она выглядела гораздо моложе Тоси. Казалось, ей нужно только отдохнуть и начать улыбаться.

Голос у Нины был глухой, хрипловатый, как будто простуженный. А Тося разговаривала громко, певуче и слушала сама себя.

Нина сразу вспомнила эту манеру подруги. Тося рассказывала себе, никому другому.

— Семья хорошая, дочки послушные, а Сережа золотой, только очень упрямый. Но я не спорю с ними, мне лишь бы тихо было, я всем уступаю, и все довольны.— И она покивала головой, соглашаясь с собственными словами и одобряя собственные мысли.

«Как она скучно говорит!» — подумала Нина.

— И квартира у нас хорошая. Правда, сейчас можно будет другую получить, мне наш район не нравится: зелени мало, и этаж высокий. Знаешь, я всю эту зиму болела, — скучно продолжала Тося.

Слова о болезни звучали смешно: Тося была воплощенным здоровьем.

— Вот что значит внешность обманчива! — засмеялась Нина. — Перестань, Тоська, какая ты больная!

Но Тося не улыбнулась.

— Внешность обманчива, это верно. Ты, небось, здоровая, хоть и худая.

Нина решила не распространяться о своих болезнях.

Мать Нины, увидев Тосю, заулыбалась, всплакнула, сказала: «Вот ты какая стала!» — и перевела взгляд на дочь.

— Лида где? — спросила Нина про сестру. — Опять где-то бегает?

— Она на соревнования просится ехать, — виновато проговорила мать. — Я не разрешила.

— Я знаю, как ты не разрешила! — пробурчала Нина. — Но я действительно ее не пущу. Зачеты надо сдавать, а рекорды потом будет ставить. Когда диплом в кармане будет. На этот раз обойдутся без нее.

— Ты ей так и скажи, она тебя послушает,— сказала мать, — а меня она не послушает. — Мать помолчала. — Только ей очень хочется поехать. Она всех подведет, если не поедет.

Нина устало вздохнула.

— Останется без образования. Потом будет жалеть, поздно будет. Пускай едет, я ей не сторож.

Пообедали, сели на диван.

— Я в ванну воды набрала, можно мыться, — осторожно сказала мать и пояснила Тосе: — У всех огороды, поливают, а нам приходится воду запасать, иначе и не помоешься.

— Некоторые огородники у себя под каждый куст кран провели. По десять кранов в саду, пустят воду — и все. А другие без воды сидят, — сказала Нина. — Безобразие! И в газету писали и говорили без конца. Все бесполезно.

— Под каждым кустиком у них кран, — повторила мать. Видно было, что она привыкла повторять за Ниной.

Мать вышла, Нина и Тося остались вдвоем. Нина чувствовала себя напряженно. «Чужими стали»,— подумала она и со смущенной улыбкой посмотрела в лицо подруги. Нина вспомнила, как на последнем курсе Тося была озабочена тем, чтобы выйти замуж. Она влюблялась в одного, в другого, наконец вышла замуж за того, в кого влюблена не была. Она объявила: «Он хороший», — и сложный вопрос был разрешен, Тося пристроилась.

Тося вздохнула, она, видно, тоже о чем-то вспомнила.

— Ну, Ниночка, рассказывай, рассказывай, как живешь. Работать тяжело? Ведь работа такая, самая мужицкая, я-то знаю. И условия здесь все-таки тяжелые, зря ты храбришься, — говорила Тося.

Но Тося не знала этой жизни, этой работы, она не работала ни одного дня. Когда-то, давно, она была здесь вместе с Ниной на практике, когда здесь ничего не было и все только еще начиналось. И города этого не было, и бесчисленных вышек, которые видны из окна далеко вокруг, и дорог, прекрасных, ровных асфальтированных дорог. И что из того, что эти дороги зимой заносит снегом и к буровым приходится добираться на тракторах, что эти дороги иногда обрываются в самом неожиданном месте и дальше приходится ехать по мягкой проклятой пыли и днем включать фары на машине? Эти дороги весной заливает, потому что даже маленькая речка может весной доставить большие неприятности.

Из них двоих это знает только Нина. Тося не знает ничего.

— Я вижу, здесь и со снабжением неважно, — продолжала Тося с искренним участием.

— Со снабжением? — Нина пожала плечами. — А мы считаем, что в последнее время стало гораздо лучше.

— Что ты говоришь? Я прошла по магазинам.

— Не знаю. Мы не жалуемся. Предыдущие годы было плохо, а сейчас наладилось.

— Значит, вообще все хорошо? — Тося говорила уже с иронией.

— Ну не все,— ответила Нина.— Плохо, когда зимой бураны, когда летом ветры, когда осенью дожди, а весной вода. Мы, знаешь, здесь очень зависим от стихии.

— Нинка, ведь я вижу, что тебе тяжело. По твоим по синим глазам вижу. Я тебя знаю, не забыла.

— Мы буровики! — усмехнулась Нина.

— Сколько раз в жизни я слышала эти слова: мы буровики!

— А я, наверно, еще больше, — ответила Нина. — Когда мой начальник меня куда-нибудь посылает к черту на рога, он всегда говорит: «Она все может, она выдержит, она бурозик».

Нина закурила.

— И куришь? — заметила Тося.

— И курю.

— Помнишь, когда мы приезжали сюда на практику, — сказала Тося, — здесь был буровой мастер, не помню его фамилии. Он все повторял: «Бегите, девчата, бегите от нефти подальше, пока не поздно. Женский полк здесь лишний». Он так смешно говорил: «женский полк».

— Да, женский полк. Фамилия этого мастера — Королев, мы с ним друзья. А бежать мне уже поздно. Ты убежала, ну и молодец, а мне уже поздно.

— Послушай, Нинка, мне пришла в голову идея: просись в управление. Ты на хорошем счету, верно? Тебя возьмут в управление. Просись. Все-таки областной город, не сравнить с этими твоими промыслами. Квартиру получишь, не сразу, но получишь. Строительство идет большое. Пока не поздно, просись.

— Как это «просись»? — задумчиво проговорила Нина. — Я не умею. Конечно, если очень постараться, можно отсюда уехать. Мне даже в прошлом году предлагали, я отказалась.

— Хочешь, я похлопочу? То есть попрошу Сережу, он поговорит с кем надо, может быть, что-нибудь и получится, а, Ниночка?

Нина улыбнулась.

— Вот теперь ты улыбнулась, как раньше! — закричала Тося. — Честное слово, давай похлопочу!

— Ты всегда была добрая, Тосенька. Только не хлопочи. Куда мне отсюда ехать? Сама подумай. Я к нефти привязана. А девонская нефть — особенная, ее трудно достать. На две тысячи метров бурим. Ты не смотри, что я в производственном отделе сижу. У меня работа не бумажная, я с каждой буровой связана. Между прочим, в Горелове новое месторождение открыли совсем недавно, не слышала? Район еще, конечно, не обстроенный... Но я согласна туда ехать. Не веришь?

— Не верю! — сердито ответила Тося. — Это глупо! Просто глупо!

— Мы буровики! — уже совсем свободно и весело рассмеялась Нина. — И потом я уже здесь семь лет. Видишь, сколько мы здесь за это время разбурили, город построили. Неплохой город? Вот на этом самом месте, где мой дом, было прекрасное картофельное поле, и я сама здесь картошку сажала, вкусная картошка была.

— Ты лучше скажи, почему ты замуж не вышла.

— Никто не взял, — весело ответила Нина.

— А Володя?

— Володя испугался. Когда папа умер, у меня на руках как-никак пятеро осталось. Теперь мы ребят вытянули, только Лидка дурная, ее добыча нефти мало интересует, ее интересует рекорды ставить.

— А ты?

— А я? Что я? У меня даже цветы не цветут. Рука тяжелая. Круглый год листья желтеют, и ни одного цветочка. И солнца, кажется, в квартире достаточно. Рука у меня тяжелая.

— Слушай, переводись в управление, в большой город. Твои иждивенцы уже на ногах, можешь для себя пожить.

— Смешно ты говоришь. Как это я переведусь? Только меня и ждали!

— Это можно устроить.

Нина опять засмеялась, поцеловала Тосю, встала с дивана, перевесилась через окно и посмотрела на улицу. Старуха, совесть улицы, как изваяние, стояла в подворотне. Стерегущие черные глаза вопросительно и сурово посмотрели на Нину: что ты высовываешься, в чем дело? Но, увидев, что Нина улыбается, старуха засмеялась, обнажив ровные белые зубы, хотела что-то спросить, но непредвиденные дела отвлекли ее, и старуха метнулась во двор.

Нина стояла перед Тосей, худая, стройная, в хорошо сшитом платье.

— Ты что, спортом занимаешься? — ревниво спросила Тося, глядя на нее.

— Да, спортом. Бурением.

— Я серьезно. У тебя все-таки очень здоровый вид. А я весь год болела. В Москву ездила, в клинике столичной лежала. Не могут поставить диагноз. Врачи!

— Может быть, это потому, что нет болезни? Нет болезни — нет и диагноза!

— Ты все шутишь. Мне пора идти в гостиницу, Сережа будет ждать. Завтра давай увидимся с утра и обо всем поговорим. Трудно так, сразу... за столько лет!

— Ладно. Я тебя провожу.

— Кто тебе шьет?

— Сама.

Первым, кто встретился на улице, был буровой мастер Королев. Он шел злой, вспотевший, в толстом плаще защитного цвета с капюшоном.

— Лучше жара, чем пыль! Здравствуйте, — сказал он, останавливаясь. — Нина, у вас вода есть?

— Есть. Здравствуйте!

— А у нас нету. И ни горком не знает и ни один слесарь не знает, отчего в городе воды нет. Ну, я на исполкоме послезавтра

доищусь. Вода будет! Нет, наш город еще до ума доводить надо. А эту барышню я помню,— сказал Королев; у него была поразительная память.

— И я вас помню, — ответила Тося.

— В гости приехали?

— В гости, — ответила Нина.

— А где работаете?

— Она не работает.

— Вот и правильно! — одобрил Королев. — Зачем это работать? Я вот тоже скоро брошу, сад разведу, облепиху посажу, — есть такой прелестный кустарник. — Королев расстегнул свой негнущийся плащ, загородился от ветра, закурил.— Где жара и где ветры,— там нефть, я уже заметил, — сказал он Нине.

— Вы бросите ли когда-нибудь курить? — спросила Нина.

— Нет! — крикнул Королев. — А хоронить меня будешь, в гроб рядом со мной пачку папирос положишь. А то жена забудет. Понятно?

— Понятно! — крикнула в ответ Нина.

Королев, сощурившись, посмотрел на нее.

— Вон подруга твоя не работает, даром что инженер, с дипломом. А ты зачем на буровых горло дерешь? Охрипла вся, смотреть на тебя нехорошо. Хоть бы тогда побольше в кабинете сидела, бумаги писала!

— Я не могу, мне работать надо... А я скоро уеду, — сказала Нина, — новое месторождение осваивать.

— Неизвестно, однако, какая еще там нефть — большая или маленькая! — прозорчал Королев. — А жаль, дочка, тебя с нами в Чусовских городках не было: начало нефти-то оттуда. Ты сама тоже уральская, да?

— Я вам сто раз говорила, что не уральская, — ответила Нина.

— Ну, ну, ты старику так не отвечай дерзко. Значит, поедешь в Горелово? А кто тебя гонит? Жених твой?

— Никто. Сама.

— Так, так. Хотя я всегда говорю и еще повторю, что женский полк в наше дело не годится. Вон подруга молодец, что бросила! И ты бросай! И я брошу! А ты что, подругу на промыслы ведешь, показывать, что ли? Вы осторожней ходите, нефтишка-то — она ведь коварная. Будьте здоровы!

Королев надвинул капюшон, потрепал Нину по плечу и быстрыми шагами рванулся вперед.

— Сердитый какой! — сказала Тося. — А вспомнил меня. Про какого это он жениха говорил?

— Да так. Шутил.

— Что ты врешь? Таишься от меня, неоткровенная ты стала.

— Ни от кого я не таюсь! — ответила Нина, глядя вслед Королеву, который в своем плаще был похож на монаха.

Тося обиженно замолчала.

Проводив подругу до гостиницы — двухэтажного дома, затененного тополями,— Нина медленно пошла домой. Все эти годы, вспоминая Тосю, она завидовала ей. Устроенная жизнь! Как ей тоже хотелось устроенной жизни! Сегодня она перестала завидовать Тосе. Она вспомнила красивое и доброе Тосино лицо, ее участливые слова, потом жалобы на здоровье. Потом вспомнила Королева. Рассердился он на Тосю. «И ты бросай! И я брошу!» Вся жизнь его тут. Он на буровой и умрет. Да, попробуй брось! Как это Тося говорила: «Просись»? Смешное слово. Отсюда, где каждый дом вырос на глазах, каждая улица? Не одна вышка встала при ее участии. Буровики, суровые люди, говорят ей «ты», называют сестренкой. Ей суждено быть счастливой только здесь, в этих краях, где глубоко под землею лежит нефть, а по земле ходят люди, которые эту нефть добывают.

Сестра Лида, маленькая, стриженая, туго перепоясанная красным ремешком, неизвестно откуда очутилась перед Ниной. Голова у нее была склонена набок, лицо просительное, она заглядывала Нине в глаза — настоящий щенок, который машет хвостом.

— Ниночка, я тебя умоляю! Только ты не сердись, ты послушай. Последний раз. Я экзамены сдам. И зачеты. Я их почти сдала. Я всех очень подведу, если не поеду. Ты бы на моем месте...

— Безобразие, — сказала Нина, — форменное безобразие все эти соревнования!

— Последний раз! — проникновенно просила младшая сестра. — Чтобы никого не подводить!

Нина отчетливо видела клетчатую ковбойку за углом соседнего дома. Лида сделала жест рукой, и ковбойка скрылась.

— Ладно, — сказала Нина. — Имей в виду, это плохо кончится.

— Соревнования? — испуганно спросила Лида.

— Нет, экзамены.

— Никогда! — воскликнула Лида и убежала за угол соседнего дома.

Нина подошла к своему дому, остановилась около старухи, вместе с нею стала смотреть на улицу. По улице шли знакомые. А тех, кого не знала Нина, знала старуха.

— Это Еремкины, они немирно живут. А этого ты знаешь, его все знают, ловильный мастер. Трезвый.

Старуха не без кокетства поздоровалась с проходившим мимо высоким бритоголовым человеком.

Прошел помбурильщика Цветков, веселый могучий парень, помахал Нине газетой. Две подруги с третьего промысла в одинаковых платьях, в одинаковых туфлях медленно шли под руку.

— На танцы, — сказала старуха. — Больно рано собрались.

Небо было темное, дул ветер. Вдруг показалось солнце и осветило огромные серебряные баки на склонах ближних зеленых холмов за городом.

Ветер приносил запах полыни с холмов. В городе нефти не пахло нефтью.

На улице вдруг стало очень людно.

— Кончилось кино,— заметила старуха.— А эти кто? — спросила она, показывая на смуглую черноволосую девушку и парня в кителе без погонов.

— Незнакомые молодые люди, наверно, недавно здесь, — сказала Нина. — А я решила ехать в Горелово.

— Да ну! — сказала старуха и вытянула губу, поросшую темными усиками. — Одна? С ним?

Нина покраснела.

— Он не промахнулся, — сказала старуха, — неплохую выбрал. А нефть там большая?

— Не знаю. Посмотрим, — ответила Нина.

— Д-да! Значит, так, — проговорила старуха. — Поздравить надо. — И вдруг закричала: — Не озоруй!

Показался и исчез ее внук.

ЖИЗНЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Врач К. А. Пшеницына с Наташей Шлычковой и ее матерью Александрой Афанасьевной.
Фото С. Гурария.

Тревожно выслушивает Клавдия Александровна Пшеницына новорожденного. Увы, сердцебиения нет. Оно угасло в самом начале, не успев вдохнуть жизнь в это хрупкое тельце. Ребенок был в состоянии клинической смерти.

Но врач не сдавалась. Ведь сердце девочки угасло всего несколько минут назад. Нужно попытаться его оживить!

Чтобы тельце ребенка не охлаждалось, его опускают в ванночку с теплой водой. Теперь, когда наружная температура поддерживает необходимое тепло, надо быстро очистить дыхательные пути и бронхи. И, наконец, Клавдия Александровна с помощью специального аппарата приступает к искусственному дыханию.

Проходят вторая, третья, четвертая минуты — и вдруг у девочки появляется слабое, едва прослушиваемое сердцебиение.

Сейчас почти все зависит от быстроты и четкости работы медицинского персонала. И дружный коллектив продолжает самоотверженно бороться за эту едва теплящуюся жизнь. Через полчаса девочка сделала первый самостоятельный вдох. Через сорок минут ребенок уже дышит ровно и регулярно. Появились рефлексы, а вслед за ними раздался и первый, возвестивший о вернувшейся жизни слабый крик.

Мы не будем рассказывать о том, как росла и крепла Наташа, каким исключительным вниманием и заботой окружил ее весь коллектив родильного отделения. Достаточно сказать одно: Наташа Шлычкова здорова и осенью этого года пошла в школу.

...Большую работу по борьбе с наиболее распространенной причиной мертворождения—«белой асфиксией» — ведет в течение последних лет коллектив родильного отделения 1-й городской больницы имени Н. И. Пирогова и акушерско-гинекологической клиники 2-го Московского медицинского института. Упорно искали тут новые пути и формы для борьбы с этой тяжелой болезнью. С радостью откликнулся коллектив на предложение лаборатории экспериментальной физиологии Академии медицинских наук СССР (руководитель — профессор В. А. Неговский) проверить на практике разработанный лабораторией метод «рефлекторной стимуляции дыхания», осуществляемый с помощью аппарата для искусственного дыхания.

Спасение Наташи — это не единичный случай, не отдельная удача врача. Длительное время здесь успешно применяют этот метод, оживляя новорожденных с помощью аппарата для искусственного дыхания. Уже более 20 детей, родившихся с «белой асфиксией», спасены Клавдией Александровной Пшеницыной и ее товарищами.

Разумеется, аппарат не волшебен. Не во всех случаях его применение было столь эффективным. Многое еще не подвластно науке, многое еще является тайной, скрытой в завтрашнем дне. Но и то, что уже достигнуто, — большой шаг вперед.

А. ДЛУГАЧ

Л. КУДРЕВАТЫХ Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Два часа оваций

Советский балет в Японии

Ночью столица Японии Токио полыхает световыми рекламами: скачут неоновые лошади, крутятся огромные разноцветные шары, парят силуэты японских домиков. Бизнесмены приглашают токийцев купить зубную пасту, посетить ресторан с замысловатым названием, посмотреть в кино новый американский боевик. Среди рекламной пестроты — скромные афиши компаний «Ато Фурендо Асошиейшен», приглашающие посетить выступления балета московского Большого театра. Афиши скромные, а эффект произвели огромный. За несколько дней до приезда группы балета в Токио билеты на спектакли были проданы.

— Держим на всякий случай скромный резерв билетов, — сообщил мне Акира Дзин, председатель Ассоциации друзей искусства, принимавшей горячее участие в приглашении русского балета в Японию.

Приезда балета Большого театра с волнением ждали люди разных кругов этой страны.

Мы беседуем с депутатом парламента, вице-президентом Общества Япония — СССР Цунэдзиро Хирацуки о перспективах развития культурных связей между нашими странами. Он говорит:

— К искусству вашей страны у нас относятся с большим уважением. Блестяще прошли и взволновали музыкальные круги гастроли советского скрипача Игоря Безродного. А теперь ваш славный, известный всему миру балет! Интерес к нему огромный. И это хорошо, очень хорошо! Знакомство с национальными богатствами культуры сближает народы разных стран, развивает дружеские чувства между ними.

Первое выступление советских артистов в Токио закончилось. Заслуженная артистка РСФСР И. Тихомирнова благодарит дирижера ← Г. Рождественского.

Японская танцовщица Каору Исии поздравляет заслуженную артистку РСФСР И. Тихомирнову. В центре — посол СССР в Японии И. Ф. Тевосян.

Известная в Японии киноактриса Матико Кио, с которой мы беседовали на студии фирмы «Дайэ», вдруг заговорила о балете:

— Недавно я смотрела советскую кинокартину «Ромео и Джульетта». Мне картина очень понравилась. Она технически сделана превосходно. А самое главное, я увидела очаровывающее мастерство вашего балета. Если бы вы знали, с каким нетерпением и волнением я жду встречи с вашим балетом здесь, в Токио! Я счастлива, что имею билеты на несколько спектаклей.

Самые широкие слои японцев с искренним радушием встречали советский балет.

Но в Японии есть люди, политически влиятельные и материально состоятельные, которые, стараясь потрафить современным заокеанским идеологам, всячески пытаются помешать улучшению культурных связей между Японией и СССР. Они, эти люди, были очень обеспокоены большой популярностью советского балета и огромным интересом к нему в Японии. Поэтому за несколько дней до приезда в Японию балета Большого театра в Токио была выписана американская балерина Александра Данилова. Некоторые газеты подняли вокруг Даниловой рекламную шумиху. Ее называли звездой русского балета, воспитанной на традициях классической школы бывших петербургских императорских театров. Между тем известно, что Данилова покинула родину в детском возрасте. Какие тут могут быть традиции! Сама Данилова разразилась бойким интервью, в котором поносила современный русский балет: якобы он, несмотря на высокую технику, захирел, отстал в развитии от Запада и поэтому едва ли взволнует японского зрителя.

Несмотря на всю барабанную трескотню, поднятую вокруг имени Даниловой, ее гастроли, просто говоря, провалились. Уже после первых концертных выступлений Даниловой перед токийскими зрителями газеты забили отбой. Газета «Майничи», например, 24

Ждут. На токийском аэродроме задолго до прибытия самолета с советскими артистами.

Полицейский предупреждает встречающих: «Чтобы был порядок!»

На токийском аэродроме. Фоторепортеры заработали...

августа вынуждена была признать: «Александра Данилова технически танцует еще хорошо, но физически она слаба». Это категорическое утверждение было вынесено даже в заголовок статьи. Один зритель-американец, сокрушаясь по поводу провала концертов Даниловой, в своем отзыве все свалил с больной головы на здоровую. Оказывается, в провале гастролей «заокеанской звезды» виновата не она сама, а ее японские партнерши по танцам !

Этим история с Даниловой еще не кончается. Вечером 23 августа в Токио должны были прибыть артисты советского балета. А днем по токийскому радио несколько раз передавалось такое сообщение:

— Музыкант N потерял ноты оркестра, с которым будет выступать балет московского Большого театра. Если ноты не будут найдены, то сорвутся гастроли.

Конечно, ноты вскоре были найдены. Оказалось, что принадлежат они оркестру, с которым выступает все та же госпожа Данилова. Кстати, Александра Данилова преследует советский балет не впервые. Она появлялась и в Лондоне перед гастролями балета Большого театра и с треском провалилась. Та же участь подстерегла ее и в Токио!

Японская прогрессивная общественность встретила артистов советского балета с искренним радушием, гостеприимством и сердечностью. Поздно вечером к прибытию самолета «Эйр-Франс», на котором находилась группа артистов советского балета, в аэровокзале Ханеда собралось несколько сот японских артистов, представителей интеллигенции, десятки журналистов и фоторепортеров. Огромные букеты неповторимых по красоте японских цветов были преподнесены каждому советскому артисту. Дружеские объятия и поцелуи выражали взаимные чувства хозяев и гостей.

— Мы привезли к вам искусство нашей страны и сердечные пожелания укрепления культурных связей между нашими народами, — сказала собравшимся на аэродроме представителям японской общественности народная артистка СССР О. В. Лепешинская.

В полночь Токио спит. Но эскорт автомашин с артистами советского балета, следовавший по улицам, тепло и дружески приветствовали многие жители столицы Японии.

На следующий день утром состоялась пресс-конференция. Советские артисты отвечали на вопросы японских журналистов. Как утверждают участники многих таких собеседований, впервые на пресс-конференции в Токио была атмосфера взаимного радушия и простоты, звучали аплодисменты журналистов.

Газета «Иомиури» и Ассоциация друзей искусства устроили большой прием в честь советского балета. В парке, где проходил прием, ярко горели большие японские фонари. На каждом из них было по одной русской букве. Таким образом на всей ленте фонарей горели слова: «Добро пожаловать, артисты Большого театра!» От сухости и чопорности, так характерных для торжественных приемов в Токио, не осталось и следа. Искренность, задушевность, радушие хозяев и сердечность гостей придали приему дружеский характер.

Отель «Дайити» в оживленном районе Синбаси, где остановились артисты балета, — в центре внимания токийцев. У входа в отель собираются толпы людей, чтобы приветствовать посланцев советского искусства. Японские и советские флаги реют у отеля. Но не всем нравится то радушие, с которым встречают жители Японии советских людей. В один из вечеров советский флаг у отеля «Дайити» оказался сорванным. Преступники, опасаясь собравшейся к гостинице толпы, скрылись. Как утверждают очевидцы, советский флаг не понравился трем американским летчикам с военных баз, которыми перенасыщена Япония. Но советский и японский флаги по-прежнему по соседству реют у отеля «Дайити» на Синбаси.

Театр «Кома», где 28 августа начались выступления советского балета, озарен яркими огнями. Огромные толпы желающих попасть на концерты или хотя бы посмотреть на артистов балета при их выходе из театра заполняют соседние улицы.

Перед началом все три тысячи мест заняты. В зале волнующее ожидание. Волнуются и за кулисами: как примет требовательный японский зритель выступление незнакомого ему советского балета.

Два часа идет программа концерта. И два часа, после каждого номера, гремит овация.

Уже после первого концерта ведущие японские газеты «Асахи», «Иомиури», «Майничи» поместили фотографии и подробные отзывы о выступлениях артистов советского балета.

Газета «Иомиури» под заголовками «Мир сказочной красоты» и «Невиданный успех со времени окончания войны» писала, что выступление балета Большого театра явилось первым грандиозным зрелищем после окончания войны. Газета поместила отзывы известных японских писателей Нагаи Сига, Тацудзо Исикава и других под заголовками: «Потрясающий прогресс», «Новое в традициях», «Блестящая техника».

Газета «Майничи» сообщила: для того, чтобы посмотреть выступления советского балета в Японии, приехали жители Филиппинских и Гавайских островов. Газета отмечает «необыкновенную, граничащую с акробатической смелостью» технику балерины Лепешинской, высокое мастерство исполнения лирических танцев Тихомировой, а также блестящую технику Преображенского, Фарманянца и Ледях. Газета также замечает, что исполнение Касаткиной японского танца «Сакура» («Вишня») вызвало всеобщее восхищение.

«Асахи» подчеркивает прекрасное исполнение Лепешинской танца «Вешние воды» Рахманинова и ее совершенную технику в отрывках из «Дон Кихота».

* * *

Мы начали с рекламы. Реклама, как говорят в капиталистическом мире, — двигатель торговли. Хорошая реклама, конечно, нужна. Но настоящее, большое искусство находит путь к сердцу любого народа и без шумной рекламы. И оно, это искусство, зовет людей к дружбе друг с другом, к миру во всем мире.

Токио, 1957 г.

За кулисами. Народная артистка СССР О. Лепешинская беседует с рабочими сцены

Артистка Касаткина после исполнения японского танца «Сакура» («Вишня») с новыми подругами.

ТАЙНА РАУВОЛЬФИИ РАСКРЫТА

Г. КУЛИКОВСКАЯ

На голубом глянце суперобложки — черный силуэт стройной ветви. Тонкий стебель с продолговатыми, заостренными листьями увенчан редкой метелкой мелких цветков. Так вот она какая, раувольфия серпентина — растение, согретое жарким солнцем Индии!.. Где жила она, что любила? Как случилось, что ее, выросшую в самом сердце Азии, прославили три швейцарца?

Экспедиции ботаников охотятся за нею и ее родственниками в лесах Африки и Южной Америки... Подгоняемые терапевтами, химики и фармакологи стремятся овладеть корнями раувольфии серпентина. И не только овладеть, но и раскрыть ее природу. Ведь это так нужно тысячам, миллионам людей, ждущих и обнадеженных...

Старая история раувольфии серпентина уходит в глубь веков, в седую старину. И счет ее ведется совсем не с того 1582 года, когда немецкий врач и путешественник Роландо Раувольф впервые описал ее необыкновенные качества (его именем, кстати, и было позже названо это растение). Описано-то оно было им, но индийцы, жители своей страны, знали эти качества и умело пользовались ими за много-много лет до появления в Индии европейца Раувольфа. Они любили обсаживать этим вьющимся невысоким кустарником свои хижины. Что привлекало их? Декоративность? Розовые и белые цветы? Не только.

Кустарник не просто украшал деревни, стоявшие в саваннах, на опушках бамбуковых и пальмовых зарослей. Он оберегал их, был их стражем. Страшные ядовитые змеи боялись гладких блестящих листьев и тонких стеблей раувольфии и не заползали в жилища людей. Не всех ее видов, а только одного из 130, известных на юге Азии, который и назвали серпентина — змеевидный. Значит, в этом растении было что-то такое, что обезвреживало змеиный яд.

До нас не дошло имя того безвестного наблюдательного индийца, который стал первым «фармакологом» этого растения. Но мы знаем, что с помощью сока из раувольфии он спасал жизнь людям, укушенным змеями или скорпионами. Ими, первыми, никому не известными врачами из народа, были открыты и другие свойства корней растения: оно успокаивало взволнованных и расстроенных, даровало им сон, когда он не приходил, приносило облегчение, спокойствие. Конечно, пупицы этой народной мудрости не мог не заметить и не описать такой образованный для того времени европейский ученый, как Роландо Раувольф.

Вот все, что касается эпизодов старой истории раувольфии серпентина. А к ее новой истории, богатой разными событиями и происшествиями, мы еще вернемся.

...Есть такие болезни, которые не передаются ни через предметы, ни по воздуху, ни даже через самые крепкие пожатия рук и поцелуи. А между тем они страшнее самых беспощадных эпидемий, опустошавших некогда города Европы.

Разве стенокардия, инфаркт миокарда и целый «букет» других заболеваний, широко обобщенных специалистами как сердечно-сосудистые, не уносят в могилу многие и многие жертвы? Разве не держит в своем плену миллионы людей гипертония? Ведь не случайно же красноречивая статистика здравоохранения гласит: сердечно-сосудистые болезни по шкале заболеваний вышли на первое место.

Почему? Да потому, что в происхождении гипертонии, например, огромную роль играет состояние нервной системы человека. Бурное время, эпоха, насыщенная войнами и потрясениями, сами таят в себе незримые, неосязаемые «зародыши» тяжких недугов. Характерно, что во время ленинградской блокады количество выявляемых врачами «гипертоников» резко поднималось в зависимости от обострения обстановки на фронте и, напротив, снижалось по мере того, как улучшалось положение Ленинграда. В 1948 году, как известно, в Ашхабаде разразилось большое землетрясение. Многие жители города потеряли кров, родных и близких. Количество больных гипертонией возросло.

Понятно теперь, как важен покой для больного, как важно привести в порядок его нервную систему. Вспомните свойства индийского растения, именуемого раувольфия серпентина, и вам станет ясно, почему столь ценным оказалось оно для снижения давления крови.

...В 1949 году началась новая история этого растения. В том году индийский ученый Вакил опубликовал результаты испытания экстракта сухого корня раувольфии серпентина на 50 больных гипертонией. Сорока трем из них лекарство помогло. Для индийцев это не было неожиданностью. Ведь средство давно было известно как успокаивающее и гипотензивное — снижающее давление. Вакиловские результаты — а они были действительно ошеломляющими по сравнению со всем, чем располагала медицина, — произвели эффект разорвавшейся бомбы.

О раувольфии серпентина говорили не только в лабораториях крупнейших фармацевтических фирм. В движение были приведены и коммерческие круги. В Индию хлынули из разных стран дельцы, стремившиеся скупить драгоценный корень и помешать это сделать другим. Кстати, раувольфия серпентина растет в Бирме, на Цейлоне, уже найдены ее сородичи в Африке и Южной Америке.

В нескольких странах, успевших закупить корень — Швейцарии, Англии, США, Германии, Австрии, Японии, — почти одновременно началось его лихорадочное изучение. Необходимо было извлечь алкалоид, который нужен для лечения гипертонии.

Стремительной и бурной была погоня за неуловимым веществом. Она велась скрыто, тайно, изолированно друг от друга. Лаборатории превратились в крепости, из которых ничто не проникало во внешний мир. Швейцарцы не знали, что делается у их соседей — австрийцев и немцев, немцы и не подозревали, какими путями идут англичане, англичане не имели понятия о том, что творится за океаном. Это был своеобразный турнир...

Победили швейцарцы из Базеля. В 1952 году три химика фирмы «ЦИБА» — Мюллер, Шлитлер и Бейн — опубликовали отчет о получении серпазила. Так они назвали противогипертонический алкалоид, извлеченный из раувольфии серпентина. Но какой это был отчет! Даже специалисты не могли разобраться в нем.

Постепенно поступали сообщения из других стран. Каждая фирма давала свое имя долгожданной находке. Международный рынок постепенно наполнялся резерпоидом, сандрилом, кристосерпином, рауседом...

Однако наивно было предполагать, что теперь, когда алкалоид найден в нескольких странах, технология его изготовления стала достоянием всех. Не тут-то было! Секрет фирмы — это ее прибыли, доходы, барыши. «Можете покупать готовые таблетки, — предлагают швейцарцы, — сколько угодно, пожалуйста». Но технология производства остается тайной его обладателя...

В такой обстановке в марте этого года в Советский Союз прибыли первые пять тонн корня раувольфии серпентина. Получить из него резерпин и дать технологию его производства было поручено нескольким институтам и в том числе Харьковскому научно-исследовательскому химико-фармацевтическому институту. Сроки не устанавливались. М. А. Ангарской, директору Харьковского института, было только сказано: «Вы, конечно, понимаете, как это важно и как это нужно».

...Вот они, твердые, крепче, чем дуб, небольшие кусочки извилистого корня, обсыпанные желтоватой пудрой далекой земли. Что таят они в себе? Какие неожиданности и сюрпризы готовят они исследователям?

А неожиданности начались с самого начала. Они, словно гётевские тени нужды и заботы, только и ждавшие момента, когда обрушиться на дряхлого Фауста, подстерегали ученых.

Взять хотя бы самое простое: получение порошка из корня. Казалось бы, что тут мудреного? Перемолоть в какой-нибудь мельнице — шаровой или с жерновами — и делу конец. Так и поступили. И что же произошло? Мельница окутана желтым облаком пыли. Пока перемалывались крепкие корни, тонкая и хрупкая кора превращалась в мельчайший порошок и распространялась вокруг. Может быть, не стоило обращать внимания на это? Химики-аналитики ответили: нет, не напрасно доставлены корни в оболочке. В коре содержится больший процент резерпина, чем в самом корне.

С первых же шагов — хорошо, что при институте своя производственная лаборатория, по существу это небольшой экспериментальный завод,— ученым помогли производственники. Под руководством начальника цеха Н. Г. Божко сделали такую мельницу, что потери практически были исключены. Теперь улавливается все: и пыль от коры и мельчайшие крошечки корня.

Итак, желтовато-коричневый порошок доставлен в институт. За стеклянными дверьми — лаборатория фитохимии. Здесь вершится самое главное, самое важное. Все сотрудники лаборатории, начиная от ее заведующего, кандидата химических наук Дмитрия Григорьевича Колесникова до младшей лаборантки, по молчаливому сговору считали себя мобилизованными. Это значит не прекращать опыта ни на час, работать в три смены. Хорошо, что у Дмитрия Григорьевича два молодых помощника, два его ученика — Владимир Чернобай и Алексей Прокопенко, в которых он уверен. Сколько времени они рассчитывали работать с таким напряжением? Об этом не сговаривались, но это подразумевалось само собой: пока весь процесс «из стекла» — как у скульпторов из гипса, у конструкторов из чертежа и модели — не будет переведен «в металл», в производство.

Да, лаборатория химика полна стекла. В прозрачной посуде отлично видно, что делается с экстрактом — раствором, полученным из порошка, как бурлит и клокочет, отгоняется темно-коричневая жидкость в десятилитровой колбе, посаженной в горячую паровую «баню».

Потом экстракт превратится в вязкую коричневую пузырчатую смолу, осевшую на стенках колбы. Ее надо будет соскабливать и растворять какими-то жидкостями, которые уносили бы всякие другие соединения и оставляли бы только нужное, искомое — резерпин.

Что же должно быть растворителем? Спирт? Вода? Эфир? Но мало найти просто хороший растворитель. Нужно помнить, что он должен быть дешевым, стоить копейки. Ведь то, чем пользуется для опытов исследователь — какие-нибудь граммы и литры, — на заводе, в производстве, вырастает в тонны

...Дмитрий Григорьевич Колесников работает в институте почти тридцать лет. И какие только препараты он не получал за эти долгие тридцать лет!

В это ясное, только начинавшее брезжить апрельское утро — он пришел за три часа до урочного времени, чтобы пораньше поставить опыт и посмотреть, что принесла ночь,— Дмитрий Григорьевич был явно недоволен. Неуловимый резерпин вот уже который раз ускользал из рук.

Он взял стакан, в котором — совсем немного, на дне — плескалась зеленоватая жидкость, отстоявшаяся за ночь (результат вчерашнего дня), и стал ее рассматривать, осторожно помешивая стеклянной палочкой.

«Ну что, как ты поведешь себя сегодня?» — спрашивал его взгляд. И в уголках его тонких губ притаилась загадочно-хитроватая улыбка. «Как ты ни вертись, а все равно мы тебя поймаем! Поймаем, как бы трудно ни пришлось», — говорила эта улыбка.

А приходилось действительно трудно. С противником легко бороться, когда видишь его и знаешь его тактику. Резерпин же был замешан в огромной массе похожих и непохожих на него веществ, а «внешность» его, «повадки», «характер», за исключением того, что он снижает кровяное давление, были неизвестны. К сожалению, этого биологического фактора для химиков слишком мало. Слишком мало, чтобы найти невидимку по имени «резерпин» в шумной, бурлящей массе. Где-то, на промежуточных «станциях» процесса, может быть, в экстракте, в растворе, при отгонке (где, когда, неизвестно) он исчезал, испарялся, как злой дух.

Тогда было сделано предположение, что он, вероятно, боится дневного света и предпочитает действовать ночью, в темноте. Предположение подтвердилось, а заодно была обнаружена еще другая особенность резерпина. Оказывается, он, кроме всего прочего, неженка: боится высоких и низких температур и легко разлагается.

Так вот что сбило с толку индийских химиков! Не зная этих его особенностей, они не могли его извлечь в чистом виде. Швейцарцы первыми натолкнулись на их ошибку. Однако они даже и не попытались помочь коллегам. Вот почему в Индии продолжали лечить гипертонию суммарным экстрактом, или настоем порошка корня, а не препаратом.

Итак, характер «противника» почти известен. Почти. Теперь надо было научиться брать его с максимальной отдачей. И тут вскрылась еще одна «причуда» резерпина, которую искусно замаскировали в своих отчетах базельцы. Оказывается, резерпин — коллективист, у него есть друзья, с которыми он не любит разлучаться, и эти друзья очень похожи на него.

Чтобы процесс протекал правильно, нужно отделить резерпин от двойников. Надо все время знать, есть ли он, где он, что с ним. Делается это при помощи определенных реакций. В качестве такой реакции зарубежные химики рекомендуют так называемую «ванилиновую» реакцию.

И что же оказалось?

— Эти рекомендации принесли нам бездну хлопот, — говорит Д. Г. Колесников.— И однажды получилось вот что. Пришли мы к концу опыта, оставалось только отфильтровать жидкость. Делаем последнюю проверку. Все в порядке, решили мы. Пробирка окрасилась. Резерпин, значит, здесь. Через два часа получили порошок.

Владимир Тимофеевич Чернобай, обрадованный, побежал наверх к фармакологам.

— Товарищи! Поздравляйте с первым образцом резерпина, — торжественно объявил Чернобай с порога. — Можете испытывать. Ну-ка, что скажут сейчас ваши кошки?

А кошки ничего не сказали. Кровяное давление у них не менялось. Просто это был не резерпин!

— Сейчас я не могу вспомнить, кто первый в те горячие дни высказал сомнение. Может быть, и никто не говорил вслух, но мысль эта созрела у всех одновременно,— продолжает Д. Г. Колесников. — Мы единодушно отказались от рекомендованной американскими химиками «ванилиновой» реакции. И поделом нам был этот урок. Надо идти своими путями. Мы применили метод, разработанный в свое время одним крупным русским ученым. Кстати, теперь он, усовершенствованный, считается простым и точным методом исследования. И это, пожалуй, оказалось решающим в процессе получения такого капризного алкалоида, как резерпин.

...Через три месяца, в конце июня, опыты были в основном завершены. Испытания на крысах, кроликах и кошках показали, что по своей эффективности советский резерпин равен швейцарскому и американскому. Фармакологический комитет Ученого совета Министерства здравоохранения СССР разрешил применять его в медицинской практике.

Вот они, беленькие, маленькие таблетки, внешне ничем не отличающиеся от стрептоцида, кофеина, пирамидона. Сколько же их получается из одного килограмма кор

— Чистого резерпина мы получаем сейчас 0,5—0,6 грамма. Всего с полнаперстка. Такой же выход или еще меньше достигнут и за рубежом.

— Что же, работа вами закончена?

— Что вы! — удивляется Дмитрий Григорьевич. — Ведь резерпин надо пустить в производство. А это, знаете, сколько хлопот? К концу года препарат должен выпускаться экспериментальным заводом. Но работа в институте еще продолжается. Интересно знать, что думает о резерпине наш уважаемый Иван Герасимович Зоз?

А Иван Герасимович Зоз, глава ботаников института, думает трудную, ой какую трудную думу! Он хочет поискать растения в отечественной флоре, содержащие резерпин.

— А почему бы и нет? — отбрасывая сомнения, замечает кандидат медицинских наук Ярослав Иванович Ходжай. — Ведь нашел же Иван Герасимович аналог далекой африканки, египетской келлы. Причем этот аналог оказался лучше самого оригинала: он не содержит никаких токсически действующих веществ.

Келла — это египетское растение; оно, так же как раувольфия серпентина, давно использовалось в народной медицине. Несколько лет назад из келлы был получен препарат — келлин, очень хорошее средство при стенокардии. Действует оно не так быстро, как некоторые другие медикаменты, но зато более продолжительно.

— Получили келлин и мы, но

Директор института М. А. Ангарская и В. Т. Чернобай на опытном поле.
Фото А. Конюхина

из своих собственных семян,— рассказывает Я. И. Ходжай.— Из Португальского ботанического сада пришел маленький пакетик. Семена мы высадили сначала в теплице, а потом на нашем опытном поле. Собрали первый урожай. Потом своих полей не хватило, перешли на совхозные. Теперь около семисот гектаров засевается египетской травкой.

— Потом наш Иван Герасимович стал выписывать из разных садов страны представителей семейства зонтичных (келла относится к зонтичным), ездил сам, собирал семена порезника, борщевика, сезелии... Дмитрий Григорьевич со своими помощниками терпеливо извлекал из них разные вещества. В нашей фармакологической лаборатории они столь же терпеливо испытывались на животных.

— Вот эта рыжая, выносливая собака Найда — мой настоящий, безотказный помощник! Она рекордистка. Сколько ей, бедняге, пришлось выдержать искусственно вызванных приступов стенокардии! Сколько разных лекарств пришлось ей проглотить!

— Чем же закончились ботанические вояжи Ивана Герасимовича?

Я. И. Ходжай достает с полки стеклянную трубочку. «Даукарин» — написано на ней. А в трубочке сероватые таблетки.

— Это средство значительно лучше, чем келлин, и получено оно из семян моркови, обычной моркови, растущей везде. И семена эти некондиционные, от них не знали, как избавиться семеноводческие совхозы. Вот так же может произойти и с резерпином. Надо искать.

Да, надо искать свою раувольфию. Украинские исследователи, работающие на одном из главных направлений медицины — сердечно-сосудистом фронте, немало уже создали, потому что кто ищет, тот и находит.

☆ ☆ ☆

Итак, новое сильное средство лечения гипертонии получено. Клиническое изучение этого препарата показало его высокие лечебные качества.

Можно ли, тем не менее, считать, что гипертония побеждена раз и навсегда? Нет. Проблема эта слишком сложна, чтобы покончить с нею с помощью того или иного, даже очень ценного лекарства. Но несомненно, что советская медицина вооружена еще одним средством для борьбы с этим недугом.

Шестеро из 250000

А. СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

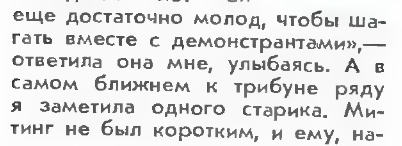
Фото автора.

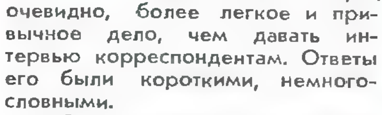

Хедвиг Зидель.

Двести пятьдесят тысяч берлинцев приняли участие в митинге на площади Маркса-Энгельса во время визита в Германскую Демократическую Республику советской Партийно-Правительственной делегации. Мы встретились с шестью участниками этой величественной демонстрации дружбы.

— О, это было что-то необыкновенное! — говорила нам Хедвиг Зидель, 64-летняя жительница Берлина, член партии с тридцатилетним стажем. — Никогда раньше не видала я такого большого митинга!.. Я получила билет на трибуну. Какое это было замечательное зрелище, когда на площадь вступала с нашими старыми революционными песнями веселая молодежь! Да и мы, старые люди, почувствовали, будто сбросили с плеч десятки лет в эти минуты. У одной своей знакомой, которую я встретила на трибуне, я спросила, где ее муж. «В свои восемьдесят лет он еще достаточно молод, чтобы шагать вместе с демонстрантами», — ответила она мне, улыбаясь. А в самом ближнем к трибуне ряду я заметила одного старика. Митинг не был коротким, и ему, наверное, было тяжело стоять, но он не уходил и прослушал до конца все речи... Мне очень понравилась речь товарища Хрущева. Его слова разделяет каждый честный немец. Я рада, что между нашими партиями существует полное единство взглядов по всем вопросам. Это значит, что наш народ и ваш народ будут поддерживать друг друга всегда и во всем, — закончила Хедвиг Зидель.

Клаус Шляй.

С девятнадцатилетним слесарем Клаусом Шляем мы беседовали на ходу, в заводском дворе народного предприятия «Тубен унд Блехпакунген», которое изготовляет банки для консервов и тюбики для зубной пасты. Работать для Клауса, очевидно, более легкое и привычное дело, чем давать интервью корреспондентам. Ответы его были короткими, немногословными.

— Очень хорошо, что советские гости запросто встречались и беседовали с рабочими. На митинге на Маркс-Энгельс-плац мы слушали их как хороших знакомых, как своих друзей. Насчет отношений между нашими странами я думаю то же, что и все люди на заводе: пусть они будут всегда хорошими, тогда не будет войны. Передайте от меня привет советским юношам и девушкам. Мне не приходилось встречаться с ними, но пусть они знают, что Клаус Шляй — их друг. И если кто-нибудь захочет написать мне письмо, я буду очень рад...

Доктор Луи Раутенберг — начальник отдела в Министерстве здравоохранения ГДР. В прошлом ему пришлось эмигрировать из Германии, спасаясь от фашизма.

Луи Раутенберг.

— Визит советской делегации был большой радостью для всех нас. Во время митинга на Маркс-Энгельс-плац я понял, что советские гости приобрели много, очень много друзей в Германской Демократической Республике.

Теперь, после этого визита, у всех нас, живущих в ГДР, такое чувство, что можно работать спокойно, не боясь угроз с Запада. Меня радует, что Советский Союз поддерживает наше предложение о создании конфедерации двух германских государств. Это реальный путь к единству Германии, а единства хочет весь немецкий народ. Советские гости говорили, что культурные отношения между нашими странами должны быть расширены. Я всей душой приветствую это. Это очень важно для нас, медиков, которые отвечают за здоровье своего народа.

Рената Барт тоже была на митинге на площади Маркса-Энгельса вместе со своими друзьями по заводу, где она работает конторщицей. Но у юности свои заботы, и Рената не оставалась на митинге до конца. Дело в том, что в этот день у нее было назначено свидание. В конце концов ей всего семнадцать!

— Я выбегала на улицу встречать советских гостей вместе со всеми берлинцами и махала им рукой. Вот так! Только тогда в руке у меня было два флажка: советский и немецкий. Я делала это потому, что хочу, чтобы наши страны дружили. По-моему, советские гости сделали очень хорошо, что приехали к нам. Очень хорошо! Вот и все, что я могу вам сказать.

Рената Барт.

К сожалению, мы не можем ни назвать имен двух следующих участников митинга, ни напечатать их фотографии. Оба они жители западного Берлина, и опубликование имен принесло бы им много неприятностей. Они тоже находились среди тех, кто пришел 13 августа в демократический сектор Берлина приветствовать советских гостей.

Мы встретились с ними в одном из районов западного Берлина, который называется Штеглиц. Первым нашим собеседником был мясник из большого продовольственного магазина. Он подошел к нам, прихрамывая, — это был след прошлой войны.

— Да, я был солдатом, — сказал он. — И поэтому я не хочу новой войны. Прошлая война между Германией и Россией — это несчастье. Я жалею об этом.

Я был на митинге в восточном Берлине. Он произвел на меня очень большое впечатление. Сколько там было людей! И это понятно: то, о чем говорилось на митинге, для пользы народа, для мирной жизни. Как же не пойти и не послушать? Я беспартийный, и я не политик. Я работаю мясником. Но я думаю так: пусть будет больше мяса для людей и меньше мяса для пушек.

Второй житель западного Берлина, с которым мы беседовали, был пенсионер, старый рабочий В. Ф.

— Сначала нас из западного Берлина было немного, — рассказывал он. — Митинг начался тогда, когда не кончилась еще смена на предприятиях. Но потом нас становилось все больше: подходили те, кто кончил работу. Среди нас были разные люди. Но все они после митинга говорили: «Это было замечательно! Всегда нужно увидеть все своими глазами. Теперь мы знаем правду, мы сами слышали речь Хрущева». И потом произносили очень нелестные слова по адресу западноберлинских газет. Многих из западного Берлина удивило, что советские руководители ехали в открытой машине. «Почему Хейс или Аденауэр, приезжая в западный Берлин, разъезжают под охраной огромного числа полицейских?» — спрашивали эти люди.

После визита советской делегации здесь, в западном Берлине, народ чаще стал обсуждать вопрос о единстве Германии. Путь к нему может быть очень трудным. Но Германская Демократическая Республика в результате визита советских гостей получила большую поддержку в борьбе за единство страны.

Я видел дуб...

Иван КАШПУРОВ

Я видел дуб.
Огромный дуб.
Над рыжей кручею Кубани
стоял он, гордый солнцелюб,
в осеннем ярком одеяньи.
Гроза и буря сотни лет
его сломить пытались вместе...
А дуб — один! — шумит в ответ
листвой,
штампованной из жести;
а дуб в волну,
как поплавки,
без счета желуди бросает, —
и по течению реки
дубрав немало вырастает...

Я видел дуб.
Он сотни лет,
все глубже корни простирая,
держался крепко на земле,
макушкой небо подпирая.

Но вот в весенний свой разлив
река,
хмелея ночью черной,
подмыла берег,
оголив
витые жилистые корни.
На миг притихло все кругом,
и дуб огромный,
ахнув глухо,
в корнях сжимая глины ком,
в Кубань разгневанную рухнул...

Я видел дуб.
Его река
несла, кружила без усилий.
А на обоих берегах
дубки — сыны его —
толпились.
Они стоят к плечу плечо
в зеленых крапинках апреля...
Кубань задумчиво течет,
как будто вслушиваясь в трели.
Идет весна, а с ней кругом
идет в природе обновленье.
Жизнь продолжается —
в живом,
в окрепшем,
новом
поколенье!

На митинге в Магдебурге. Выступает тов. В. Ульбрихт.

Фото Дм. Бальтерманца.

В августе 1957 года Германскую Демократическую Республику посетила Партийно-Правительственная делегация Советского Союза.

Мы печатаем цветные фотографии, запечатлевшие отдельные моменты пребывания советской делегации в ГДР.

Советские гости в народном имении Шванеберг. Перед работниками имения выступил Н. С. Хрущев. На снимке (слева направо): В. Ульбрихт, директор народного имения Отто Штрубе, Н. С. Хрущев.

В ожидании проезда советской делегации.

Товарищи А. И. Микоян, О. Гротеволь, Н. С. Хрущев, В. Ульбрихт отвечают приветствия населения.

Отсюда лучше видно.

На сельскохозяйственной выставке в Лейпциге советским гостям были продемонстрированы новые сельскохозяйственные машины, племенной скот.

КОМНАТА ПЯТЬСОТ ПЯТЬ

(Из романа «Возлюби ближнего своего»)

Эрих Мариа **РЕМАРК**

Рисунки А. ВАСИНА.

Действие романа разыгрывается в середине тридцатых годов. Один из героев романа, Иозеф Штейнер, брошен фашистами в концлагерь. Ему удается бежать, и друзья переправляют его за границу. Всего один раз перед отъездом, и то мельком, на улице, ему удается встретиться со своей женой Марией. Для Иозефа начинается полная скитаний и лишений жизнь. Через все невзгоды проносит он большое, глубокое чувство к жене.

Марии удается сообщить ему, что она находится в Берлине, в больнице, что она перенесла тяжелую операцию и дни ее сочтены. Не задумываясь ни на минуту, Штейнер решает воспользоваться фальшивым паспортом, чтобы в последний раз увидеть жену.

Штейнер прибыл в Берлин утром, в одиннадцать часов. Он оставил чемодан в камере хранения ручного багажа и тотчас же отправился в больницу. Он не видел города; он видел лишь смутное нечто, проплывшее мимо, — поток домов, машин и людей.

Он остановился перед большим белым зданием. Некоторое время он сосредоточенно разглядывал его широкий портал и бесконечные, этаж над этажом, ряды окон. Где-нибудь, там, за одним из них... Впрочем, может быть, уже нет... Он стиснул зубы и вошел.

— Я бы хотел осведомиться, когда у вас приемные часы? — сказал он в регистратуре.

— Для какого разряда? — спросила сестра.

— Этого я не знаю. Я пришел впервые.

— К кому вы хотите пройти?

— К Марии Штейнер.

В первое мгновение Штейнер даже удивился, увидев, как равнодушно сестра раскрыла толстую книгу. Он почти ожидал, что при звуках этого имени обрушатся стены белого зала, в котором находилась регистратура, или сестра, вскочив, бросится за охраной, за полицией. Но сестра продолжала спокойно листать страницы.

— Как вы назвали фамилию? — переспросила она.

— Штейнер. Мария Штейнер.

У него вдруг пересохло горло. Он уставился на хорошенькую, похожую на куклу, сестру, словно готовясь услышать от нее смертный приговор. Сейчас она скажет: умерла.

— Мария Штейнер, — сказала сестра. — Второй разряд. Комната пятьсот пять, пятый этаж. Приемные часы от трех до шести.

— Пятьсот пять. Большое спасибо, сестра.

— Пожалуйста.

Но Штейнер не уходил. Сестра потянулась к зазвонившему телефону.

— У вас есть еще вопрос?

— Она жива? — спросил Штейнер.

Сестра положила трубку на стол. Тихий квакающий голос продолжал звучать в ней, словно трубка была живым существом.

— Конечно, — сказала сестра и еще раз заглянула в книгу. — Иначе против ее имени стояла бы пометка. О смертных случаях нас извещают немедленно.

— Спасибо.

Штейнер подавил в себе желание спросить, нельзя ли ему подняться к Марии немедленно. Он боялся, что сестра захочет узнать, почему, а он ни в коем случае не должен был привлекать к себе внимание. Поэтому он вышел.

Он бесцельно бродил по улицам, описывая вокруг больницы все увеличивающиеся круги. «Она жива, — думал он. — Бог мой, она жива!» Потом им внезапно овладел страх: кто-нибудь может узнать его. Он отыскал отдаленный ресторанчик, чтобы переждать там. Заказал себе поесть, но не смог проглотить ни куска.

Официант удивленно посмотрел на него.

— Вам не нравится это блюдо?

— Нет, нет. Очень вкусно. Но принесите мне раньше вишневой настойки.

Он заставил себя съесть обед. Потом спросил газету и сигареты. Он сделал вид, что читает. Ему даже хотелось этого, но слова не проникали в его сознание. Так он сидел в полутемном зале, пропахшем едой и пролитым пивом. Это были самые страшные часы в его жизни. Он представлял себе, что вот сейчас, в эту самую минуту, Мария умирает, слышал, как отчаянно она зовет его, видел ее лицо, мокрое от смертного пота, и сидел, словно налитый свинцом, держа перед глазами газету и стискивая зубы, чтобы не застонать, не вскочить, не убежать. Стрелка, медленно ползущая по циферблату часов, казалась ему перстом судьбы, остановившим течение его жизни, — от этой медлительности он готов был задохнуться...

Наконец он отложил газету и встал. Официант, прислонившись к стойке, ковырял в зубах. Увидев, что гость поднялся, он подошел.

— Получить? — спросил он.

— Нет, — сказал Штейнер. — Еще порцию вишневой.

— Слушаю.

Официант наполнил стопку.

— Выпейте вы тоже.

— Это можно.

Официант налил еще один стаканчик и поднял его двумя пальцами.

— На здоровье!

— Да, — сказал Штейнер, — на здоровье.

Они выпили и поставили стаканы.

— Вы играете на бильярде? — спросил Штейнер.

Официант взглянул на обитый темно-зеленым сукном стол, стоящий посреди зала.

— Немного.

— Сыграем партию?

— Отчего же. Вы хорошо играете?

— Я давно не играл. Если хотите, сыграем сперва пробную.

— Идет.

Они натерли мелом кии и положили по нескольку шаров. Потом начали партию. Штейнер выиграл.

— Вы играете лучше меня, — сказал официант. — Вы должны дать мне десять очков вперед.

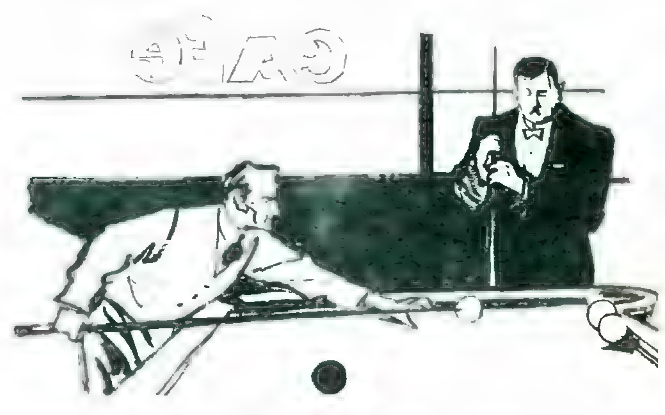
— Хорошо.

«Если я выиграю эту партию, — подумал Штейнер, — все будет хорошо. Она жива, я увижу ее, может быть, она снова будет здорова...»

Он играл сосредоточенно и выиграл.

— Теперь я вам дам двадцать очков форы, — сказал он.

В этих двадцати очках было все — жизнь, здоровье, спасение. Белые шары и их щелканье казались бряцанием ключей в руках судьбы. Партия была трудной. Официант провел серию хороших ударов; ему оставалось два очка до полного счета, но на последнем шаре он промахнулся на какой-нибудь сантиметр. Штейнер взял кий и начал играть. Глаза его блестели, несколько раз ему приходилось останавливаться, чтобы передохнуть, но он ни разу не промазал и довел партию до победы.

— Хорошо сыграно! — сказал официант, воздавая должное противнику.

Штейнер кивнул ему и взглянул на часы. Был четвертый час. Он быстро расплатился и вышел.

Он поднялся по покрытым линолеумом ступеням, весь во власти нестерпимой, яростной дрожи. Длинный коридор долго извивался перед ним. Потом вперед вырвалась, словно прыгнула на него и застыла, белая дверь: «Пятьсот пять».

Штейнер постучал. Никто не ответил. Постучал еще раз. Все сжалось в нем от судорожного страха: вдруг что-то произойдет, помешает... Он открыл дверь.

Маленькая комната была залита лучами послеобеденного солнца — мирный островок на какой-то другой планете. Казалось, гремящее, рвущееся вперед время уже не имело власти над этой бесконечно тихой фигурой, которая лежала на узкой кровати, над этими глазами, смотревшими на Штейнера. Он слегка покачнулся, выронил шляпу, нагнулся, чтобы поднять ее. И в то же мгновение словно что-то ударило его в спину: не сознавая того, что делает, он упал на колени перед кроватью и молча застыл так, потрясенный, подавленный счастьем возвращения.

Глаза женщины смотрели все так же спокойно. Лишь постепенно они стали наполняться тревогой. Дрогнули брови, зашевелились губы. Неподвижно лежавшая на одеяле рука поднялась, словно желая убедиться, ощупать то, что увидели глаза.

— Это я, Мари, — сказал Штейнер.

Женщина попыталась поднять голову. Ее взгляд блуждал по его лицу, низко склоненному над ней.

— Успокойся, Мари, это я, — сказал он. — Я приехал.

— Иозеф... — прошептала женщина.

Штейнер опустил голову. Из глаз его брызнули слезы. Он закусил губу и сглотнул клубок, подступивший к горлу.

— Это я, Мари. Я вернулся. К тебе.

— Если они найдут тебя... — прошептала женщина.

— Они не найдут меня. Они не могут найти меня. Я могу оставаться здесь. Я останусь с тобой.

— Дотронься до меня, Иозеф. Я должна почувствовать, что ты здесь. Видеть я тебя часто видела, а...

Он взял в обе руки ее легкую руку с синими жилками и поцеловал. Потом нагнулся над ней и прижал губы к ее усталому и уже такому далекому рту. Когда он выпрямился, ее глаза были полны слез. Она тихонько тряхнула головой, и слезы скатились по лицу, как капли дождя.

— Я знала, что ты не можешь приехать. Но я всегда ждала тебя.

— Теперь я останусь с тобой.

Она попыталась отстранить его.

— Тебе нельзя здесь оставаться! Ты не знаешь, что здесь было. Ты сейчас же должен уйти. Иди, Иозеф...

— Нет. Здесь не опасно.

— Опасно, я знаю. Я повидала тебя, а теперь иди! Это недолго будет тянуться со мной. Я справлюсь с этим сама.

— Я устроился так, что смогу остаться здесь, Мари. Будет объявлена амнистия. Я попадаю под нее.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— Это правда, — сказал он. — Клянусь тебе. Никому не надо знать, что я здесь. Но даже если узнают, — в этом нет ничего плохого.

— Я ничего не скажу, Иозеф. Я ни разу ничего не сказала.

— Это я знаю, Мари. — Теплая волна залила его лицо. — Ты не развелась со мной?

— Нет. Разве я могла... Не сердись на меня за это.

— Это нужно было сделать. Для тебя. Чтобы тебе было легче.

— Мне не было трудно. Мне помогали. Помогли получить эту палату... Было лучше лежать одной. Здесь ты чаще бывал со мной.

Штейнер смотрел на нее. Ее лицо словно истаяло, кожа была бледно-восковой с синеватыми тенями. Шея стала хрупкой и тонкой, ключицы резко выступали из провалившихся плеч. Даже глаза были не те — подернутые дымкой, губы — бесцветны. И только волосы лучились и сияли по-прежнему; они, казалось, стали даже гуще и пышнее, словно вобрали в себя всю ушедшую силу, чтобы торжествовать над угасающим телом. Они клубились в лучах солнца, как ореол из пурпура и золота, яростно протестуя против бессилия этого почти детского тела под простыней, которую дыхание уже едва приподнимало.

Дверь отворилась, и вошла сестра. Штейнер встал. Сестра внесла и поставила на стол стакан с какой-то молочно-белой жидкостью.

— У вас гость? — сказала она. Ее быстрые голубые глаза оглядели Штейнера.

Больная повернула голову.

— Из Бреслау, — прошептала она.

— Из такой дали? Это хорошо. Это вас развлечет немного.

В руках у сестры был термометр. Голубые глаза снова проворно скользнули по Штейнеру.

— Есть у нее жар? — спросил он.

— Нет, что вы! — весело ответила сестра. — Вот уже несколько дней, как нет.

Она поставила больной термометр и вышла. Штейнер пододвинул к кровати стул и сел рядом с Марией. Он взял ее руки в свои.

— Ты рада, что я здесь? — спросил он, понимая всю нелепость своего вопроса.

— Это для меня все, — ответила она без улыбки.

Они смотрели друг на друга и молчали. Им незачем было говорить — они были вместе. Кроме них, ничего не существовало вокруг. Они погрузились в созерцание друг друга. Они снова были дома. В жизни не было ни прошлого, ни будущего — только настоящее, только покой и тишина.

Сестра вошла еще раз. Она сделала пометку на температурном листке. Они едва заметили это: они смотрели друг на друга. Солнечный луч неторопливо скользил по комнате; помедлив, он оставил прекрасные пламенеющие волосы и, как пушистая рыжая кошка, прилег рядом с подушкой, потом нехотя полез вверх по стене. Они смотрели друг на друга. Мягко ступая синими лапами, в комнату вползли сумерки. Из углов вышли дремавшие там тени, они сомкнули свои крылья над белым лицом Марии, единственным на свете лицом.

Дверь открылась, и вместе с потоком света в комнату вошел врач. За ним следовала сестра.

— Теперь вам надо уходить, — сказала она.

— Да. — Штейнер поднялся и склонился над кроватью. — Завтра я приду снова, Мари.

Она лежала, как наигравшийся до усталости, полузасыпающий ребенок.

— Да, — сказала она, и он не мог понять, кому она это говорит: ему или его образу, который являлся ей во сне. — Да, приходи...

В коридоре Штейнер дождался врача. Он спросил его, как долго это еще может продлиться. Врач внимательно посмотрел на него.

— От двух до трех дней, самое большее, — сказал он, помедлив. — Это вообще чудо, что она держится так долго.

— Спасибо.

Штейнер медленно спустился по лестнице. Он постоял в подъезде. Перед ним внезапно открылся город. Он не воспринял его, когда приехал, но сейчас город ясно и неотвратимо лежал перед ним. Он видел улицы, видел опасность, незримую, безмолвную опасность, подстерегающую его на каждом углу, в каждом встречном. Он знал, что бессилен. Это белое здание за его спиной было местом, где его могут захватить, как лесную дичь на водопое. Но он понимал также, что надо прятаться, — хотя бы для того, чтобы иметь возможность вернуться сюда. Врач сказал: «От двух до трех дней». Мгновение и вечность. Он вдруг подумал, что следовало бы сделать попытку найти кого-либо из друзей. Потом он решил остановиться в небольшой гостинице: на первых порах это меньше будет бросаться в глаза.

— Я снова приду завтра, Мари.

Штейнер наклонился над ее тихим лицом и потом выпрямился. Сестра стояла у двери. Ее голубые глаза скользнули мимо него. Стакан в ее руке дрожал и тихонько позвякивал. Штейнер вышел в коридор.

— Стой! — скомандовал чей-то голос.

По обеим сторонам двери стояли два человека в форме с револьверами в руках. Штейнер остановился. Он даже не испугался.

— Ваше имя?

— Иоганн Губер.

— Подойдите к окну.

Третий человек подошел и взглянул на него.

— Это Штейнер, — сказал он. — Никакого сомнения. Я узнаю его. Да и ты, небось, узнаешь меня, а?

— Я не забыл тебя, Штейнбреннер, — ответил Штейнер спокойно.

— Это тебе дорого обойдется, — усмехнулся тот. — Добро пожаловать! От всего сердца — добро пожаловать! Я искренне рад видеть тебя вновь. Надеюсь, теперь ты задержишься у нас дольше, а? У нас есть чудесный новый лагерь со всеми удобствами.

— В этом я уверен.

— Наручники! — скомандовал Штейнбреннер. — Из предосторожности, голубчик. Мое сердце было бы разбито, если бы ты вновь удрал от нас.

Скрипнула дверь. Штейнер искоса поглядел через плечо. Это была дверь комнаты, в которой лежала его жена. Оттуда выглянула сестра и тотчас же спряталась обратно.

— А-а... — сказал Штейнер. — Вот оно что.

— Да, — хихикнул Штейнбреннер. — Любовь! Она отдает даже самых стреляных птичек приводит обратно в гнездо — на благо рейху и на радость друзьям.

Штейнер спокойно посмотрел на его нечистое лицо с круто срезанным подбородком и синими тенями под глазами. Он знал, что ему сулит это лицо, но все это было где-то так далеко, это еще не коснулось его. Штейнбреннер подмигнул и облизал губы.

— А как у тебя обстоит дело с совестью, Штейнбреннер? — спросил Штейнер.

— Прекрасно! — усмехнулся тот. — И становится тем лучше, чем больше вашего брата попадает ко мне в руки. Сплю восхитительно. Для тебя, пожалуй, придется сделать исключение: я буду навещать тебя по ночам, чтобы немного поболтать с тобой. Уведи! — внезапно скомандовал он резко.

Штейнер со своим эскортом спустился по лестнице. Люди, которые попадались навстречу, останавливались и молча пропускали их. То же молчание царило на улице, когда они проходили мимо.

Штейнера привели на допрос. Пожилой чиновник спросил его об имени, возрасте и прочем и занес все это в протокол.

— Зачем вы вернулись в Германию? — спросил он.

— Я хотел увидеть жену, пока она не умерла.

— С кем из ваших политических друзей вы встретились здесь?

— Ни с кем.

— Будет лучше, если вы скажете это здесь, пока вас не перевели... в другое место.

— Я уже сказал, ни с кем.

— По чьему поручению вы здесь?

— У меня нет никаких поручений.

— К какой политической организации вы принадлежали за границей?

— Ни к какой.

— На какие же средства вы существовали?

— На то, что зарабатывал. Вы видите, у меня австрийский паспорт.

— С какой группой вы должны были установить здесь связь?

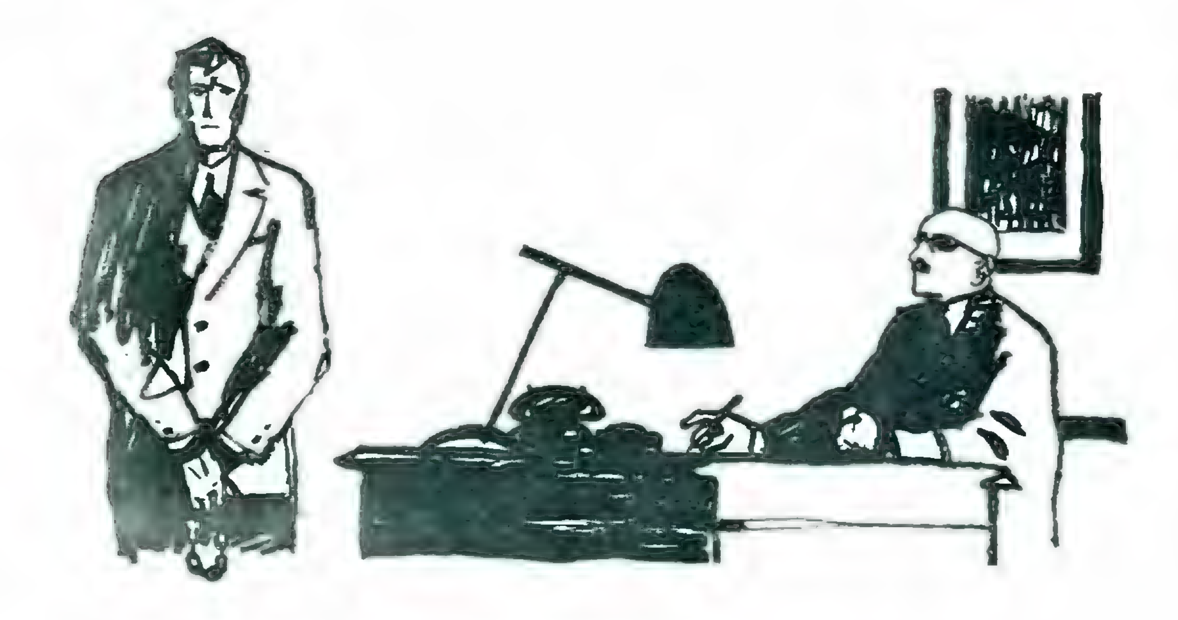
— Если бы я этого хотел, я бы, вероятно, прятался иначе. Я знал, что делал, когда пришел к своей жене.

Чиновник допрашивал его еще некоторое время. Потом он занялся изучением паспорта Штейнера и письма жены, отобранного у него. Он внимательно поглядел на арестованного, затем перечел письмо еще раз.

— Вас переведут сегодня после обеда, — сказал он наконец, пожав плечами.

— У меня к вам просьба, — сказал Штейнер. — Для вас это пустяк, для меня — все. Моя жена еще жива. Врач говорит, что это может протянуться самое большое два — три дня. Она знает, что завтра я снова должен прийти к ней. Если я не приду, она поймет, где я. Я не ожидаю лично для себя ни жалости, ни снисхождения; но я хотел бы, чтобы моя жена умерла спокойно. Я прошу вас, продержите меня здесь еще один или два дня и позвольте мне увидеть ее.

— Ничего не выйдет. Я не могу предоставить вам возможность бежать.

— Я не убегу. Палата — на пятом этаже, из нее нет другого выхода. Если меня туда доставят и будут охранять дверь, я, безусловно, ничего не смогу сделать. Я прошу об этом не для себя, я прошу для умирающей женщины.

— Невозможно, — сказал чиновник. — Я не имею на это полномочий.

— У вас есть полномочия. Вы можете еще раз вызвать меня на допрос. Вы можете разрешить мне свидание, может быть, вы даже узнаете из моего разговора с женой что-нибудь важное. Это было бы основанием и для того, чтобы меня сторожили за дверью. Вы могли бы распорядиться, чтоб сестра — на нее ведь вы можете положиться — оставалась в комнате и слушала, о чем мы говорим.

— Это все ерунда. Ваша жена ничего не скажет вам, а вы — ей.

— Конечно. Она ведь ничего не знает. Но она умерла бы спокойно.

Чиновник молча перелистал страницы дела.

— В тот раз мы вас допрашивали насчет группы номер семь. Вы не назвали ни одного имени. А мы отыскали Мюллера, Безе и Вельдорфа. Назовите нам остальные имена.

Штейнер молчал.

— Согласны ли вы назвать эти имена, если я разрешу вам в течение двух дней посещать вашу жену?

— Да, — сказал Штейнер, помолчав.

— Тогда назовите их.

Штейнер молчал.

— Назовете ли вы мне завтра вечером два имени, а послезавтра — остальные?

— Я назову послезавтра все четыре.

— Вы обещаете это?

— Да.

Чиновник пристально посмотрел на него.

— Я подумаю, что можно будет сделать. Сейчас вас отведут обратно в камеру.

— Вы не вернете мне письмо? — спросил Штейнер.

— Письмо? Оно должно остаться в деле. — Чиновник нерешительно посмотрел на него.— Впрочем, в нем нет ничего важного для обвинения. Хорошо, возьмите его.

— Спасибо, — сказал Штейнер.

Чиновник позвонил и велел увести Штейнера. «Жаль парня,— подумал он,— но что я могу поделать? Прояви что-то похожее на человечность, и сам угодишь в этот чертов котел». И он стукнул кулаком по столу...

Мария снова пришла в себя. Все утро она пролежала в полузабытьи. Теперь она узнала Штейнера.

— Ты еще здесь? — прошептала она испуганно.

— Я могу оставаться здесь, сколько захочу, Мари.

— Что это значит?

— Объявлен указ об амнистии! Я попадаю под него. Ты не должна больше беспокоиться обо мне. Я теперь всегда буду здесь.

Она со скрытой радостью посмотрела на него.

— Ты говоришь это, чтобы успокоить меня, Иозеф?..

— Нет, Мари. Амнистия объявлена вчера.

Он обернулся к сестре, которая возилась с чем-то в глубине комнаты.

— Не правда ли, сестра, со вчерашнего дня мне не угрожает больше никакой опасности?

— Нет, — невнятно сказала сестра.

— Пожалуйста, подойдите поближе. Моя жена хотела бы ясно услышать это от вас.

Сестра продолжала стоять, нагнувшись над столом.

— Я же сказала...

— Пожалуйста, сестра, — прошептала Мария.

Ответа не последовало.

— Пожалуйста, — прошептала больная еще раз.

Сестра нехотя подошла. Больная напряженно, с ожиданием смотрела на нее.

— Не правда ли, начиная со вчерашнего дня я смогу всегда оставаться здесь? — спросил Штейнер.

— Да, — с трудом выдавила из себя сестра.

— И мне больше не угрожает никакая опасность?

— Нет.

— Благодарю вас, сестра.

Штейнер увидел, как глаза умирающей подернулись дымкой. У нее не было сил заплакать.

— Теперь все хорошо, Иозеф, — прошептала она. — Но именно сейчас, когда я опять могу понадобиться тебе, я должна уйти...

— Ты не уйдешь, Мари.

— Я бы хотела встать и пойти с тобой.

— Да, мы уйдем вместе.

Она лежала, глядя на него. Лицо ее было серо, даже волосы утратили за ночь свой блеск, будто ослепли. Штейнер ничего этого не замечал. Он видел только одно: она еще дышит. А пока она живет, она остается его Мари, его женой, озаренной сиянием юности, близости и любви.

В комнату вползал вечер. Снаружи, из-за двери, время от времени слышалось требовательное покашливание Штейнбреннера. Дыхание Мари стало еле слышным, потом оно стало вырываться толчками, ослабевать и наконец затихло, как засыпающий ветерок. Штейнер держал ее руки в своих, пока они не остыли. Он умирал вместе с ней. Когда он поднялся, чтобы идти, он был бесчувственным и чуждым всему — пустая оболочка, только повторяющая движения человека. Он бросил на сестру безразличный взгляд. В коридоре его ожидали Штейнбреннер со своим помощником.

— Мы торчим здесь уже больше трех часов, — проворчал Штейнбреннер. — Об этом нам с тобой тоже еще придется побеседовать... Можешь быть уверен.

— Я уверен, Штейнбреннер. Насчет подобных дел я в тебе уверен.

Штейнбреннер облизал губы.

— Тебе должно быть известно, что ко мне следует обращаться «господин вахмистр». Я думаю, известно, а? Впрочем, можешь спокойно и впредь говорить мне «Штейнбреннер» и «ты», но за каждый раз, что ты назовешь меня так, тебе придется неделями проливать кровавые слезы, мой милый. У нас ведь с тобой много времени впереди.

Они начали спускаться по лестнице — Штейнер, а по бокам его стража. Был мягкий вечер. Большие, доходящие до самого пола окна в овальной стене лестничной клетки были широко распахнуты. Снаружи тянуло запахом бензина и каким-то предчувствием весны...

— У нас с тобой бесконечно много времени впереди, — говорил Штейнбреннер, медленно, с удовольствием смакуя слова. — Вся твоя жизнь, милый. И наши фамилии так здорово подходят одна к другой: Штейнер и Штейнбреннер. Тут надо будет что-нибудь придумать, а?

Штейнер задумчиво кивнул. Косо врезанное в стену открытое окно приближалось, вырастало. Вот оно, совсем рядом... Штейнер резко толкнул к окну Штейнбреннера, прыгнул на него и, увлекая за собой, ринулся в пустоту.

Перевел с немецкого
В. СТРУЕВ.

Бакальским рудникам — двести лет

Высоко на склонах гор раскинулись знаменитые Бакальские рудники — один из старейших железорудных районов страны. Не смолкают гул экскаваторов, свистки локомотивов. Сотни вагонов с рудой отправляются отсюда ежедневно на металлургические заводы Урала.

В сентябре горняки Бакала отмечают знаменательную дату — двести лет разработки бакальских железорудных месторождений.

Корреспондент «Огонька» связался с городом Бакал. Заместитель управляющего рудоуправлением Я. Д. Гроссман сообщил:

— Как известно, бакальские железные руды принадлежат к числу лучших в мире: они содержат очень мало серы и фосфора и весьма легкоплавки. Однако до Октябрьской революции разработки этих богатейших месторождений проводились хищнически, техника была примитивной и руды добывалось очень мало. Второе рождение бакальских рудников наступило лишь в годы Советской власти. Здесь создано много новых рудников, проведена полная техническая реконструкция старых, построен крупнейший агломерационный комбинат. Мы сейчас располагаем большим экскаваторным парком, совершенными станками для бурения глубоких скважин, сложнейшим горнообогатительным и транспортным оборудованием.

Из года в год растет добыча. Только за один прошлый год мы дали руды столько, сколько было добыто здесь за все сто шестьдесят дореволюционных лет, вместе взятых. К концу 1962 года добыча руды возрастет еще на 50 процентов и достигнет своей проектной мощности — 6 миллионов тонн в год.

С каждым годом меняется облик бакальских рудников. В районе старейших месторождений вырос новый молодой город Бакал, которому в октябре исполнится шесть лет. Для горняков и их семей здесь построены удобные жилые дома, школы, больницы, кинотеатры. В разгаре строительство Дворца культуры.

А. ГРИГОРЬЕВ

Город Бакал. Улица Сталина.
Фото И. Тюфякова.

Монумент Независимости Бирмы.

БИРМА, 1957 ГОД

Генрих БОРОВИК Фото М. САВИНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Мистер Джексон и тихие американцы

С мистером Джексоном я познакомился случайно. Был особенно душный вечер, газета «Нейшн» сообщила, что относительная влажность воздуха — 98 процентов. К столику под вентиляторами в вестибюле «Стрэнд-отеля», где я сидел, подошел высокий светловолосый человек неопределенных лет: ему можно было дать и тридцать и все сорок пять. Лицо его сплошь состояло из мешочков — под глазами, на щеках, на шее, под подбородком. Рубашка, прилипшая от жары к телу, тоже была как мокрый мешок. Со своим чуть намечавшимся животиком этот человек был похож на оплывшую свечку. Он попросил разрешения и сел напротив меня. Отдуваясь, вынул большой платок и стал обмахиваться.

Подошел седобородый индиец-официант.

— Бой,— произнес европеец,— стакан ледяного чая с лимоном.

«Бой» удалился и через несколько минут вернулся, поставив перед моим соседом высокий стакан с темно-коричневым напитком и блюдечко с мелко нарезанными лимонными дольками в зеленой кожуре.

Незнакомец поднял стакан и с шутливой торжественностью произнес:

— За королеву!

Затем вытащил пачку сигарет, протянул ее мне и провозгласил:

— Джентльмены, вы можете курить.

Я поблагодарил.

— Судя по вашему удивленному виду, вы не англичанин.— На меня глянули из-под светлых бровей чуть насмешливые глаза.— Я объясню. На всех английских приемах первый тост поднимается за королеву и только после этого присутствующим джентльменам разрешается курить.

Мой собеседник с удовольствием затянулся.

— Я англичанин. Моя фамилия — Джексон, Оливер Джексон. Вам как иностранцу странными кажутся наши древние обычаи, но я лично люблю их...

Так состоялось наше знакомство с мистером Джексоном, агентом крупной английской фирмы, производящей бисквиты.

— Я много езжу по Азии,— продолжал свечкообразный господин, с наслаждением вытягивая ноги,— и я привык дорожить нашими обычаями, нашими английскими привычками, нашими клубами, куда, например, не разрешается приходить в пиджаке, но куда невозможно войти после определенного часа в рубашке с засученными рукавами. Я люблю их еще и потому, что сейчас все это приходит в упадок...

— Почему, разве не существует больше в Азии английских клубов, разве на приемах уже разрешается курить до тоста за королеву?

Англичанин грустно посмотрел на меня.

— Вы правы, все это есть, вернее, еще есть. Но все это напоминает мне вишневый сад.

— Не понимаю,— признался я.

— Вишневый сад, о котором писал в свое время ваш Чехов. Деревья еще приносят плоды, сад еще красив, белые вишневые цветы благоухают весной, и кажется иногда, что ничто не изменилось. Но уже ворвался в сад детина со здоровенными ручищами, топчет траву сапогами, рубит деревья, громко хохочет... и выгоняет из сада прежних хозяев, позванивая в кармане деньгами...

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду американцев.

— Но в таком случае вы забываете о настоящем хозяине вишневого сада.

— Э-э-э...— протянул неопределенно Джексон.— Давайте оставим народ в стороне. Я пока хочу одного: чтобы на приемах разрешение курить давалось англичанином, а не каким-нибудь выскочкой из Чикаго.

— Другими словами, вы не хотите, чтобы, скажем, ваша бисквитная компания была вытеснена отсюда американскими конкурентами? — спросил я напрямик.

Джексон посмотрел на меня долгим взглядом.

— Вы хотите говорить о политике? Ну что ж, давайте...

Он подозвал к себе официанта и заказал еще стакан чая со льдом. Теперь он пил его медленно, маленькими глоточками, наслаждаясь прохладой.

— Я не очень силен в политике,— продолжал он.— Но я много езжу, особенно здесь, по Юго-Восточной Азии, и многое вижу.— Джексон обнял стакан обеими руками, соединив белые пальцы, покрытые рыжеватыми волосами. — Бисквиты — это, конечно, ерунда! Бисквитные позиции мы сдаем, но все же сравнительно медленно. — Он усмехнулся. — Есть другие позиции. Поважнее.

— Какие же?

— Здесь повсюду говорят, что эра колониализма кончилась. Наивные люди! Кончился английский колониализм. Сданы позиции. Их занимают новые солдаты. Американские. Я знаю, что, по-вашему, любой колониализм плох.— Мешочки на лице моего собеседника покраснели.—А я считаю, что американский во сто крат хуже, чем английский или французский. Поверьте мне: английский был гуманнее. Вы не согласны? Что ж, это — ваше право. Будущее покажет...

Джексон торжественно поднял палец кверху.

— Американцев здесь любили. Да, любили в первые годы после войны: хорошие, простецкие парни, разбили японцев, никого никогда не угнетали.— Представитель бисквитной фирмы ухмыльнулся. — Кому тут было известно про Центральную Америку, например?! А англичане — варвары, колонизаторы, захватили Бирму. И никто не вспоминал тогда, что, между прочим, консультантом англичан во времена захвата Бирмы был не кто иной, как американский миссионер Адониран Джадсон... В общем, долой англичан, да здравствуют американцы!

— А может быть, да здравствует независимость?

Англичанин громко и раздраженно размешивал ложечкой сахар в стакане.

— Может быть. Но и да здравствуют американцы! Ну, а потом мои друзья янки показали себя в Юго-Восточной Азии: осрамились в Китае, опозорились в Корее, и настроения переменились. Но они успели связать по рукам и ногам кое-какие страны.

— Например?

— Примеры — пожалуйста: Таиланд, Южный Вьетнам, Пакистан.

А Бирма! Вы думаете, они оставят в покое Бирму?

— Ну, здесь их позиции, мне кажется, чрезвычайно слабы.

— Пока что слабы. Но прицел у них дальний...

Мой собеседник так сильно сдавил пальцами лимонную дольку, что она выскользнула у него из рук.

— А, черт! Простите... Действуют они здесь осторожнее, боятся обжечься, как раньше в других странах. Вы почитайте внимательно бирманские газеты, там многое можно найти. Вот, например, американские миссионеры, так сказать, потомки Джадсона. Они устроились в национальных государствах и тихо делают свое дело, вмешиваются в выборы, диктуют своим прихожанам, за кого голосовать, проповедуют против ваших друзей китайцев. Вам не приходилось слышать проповедь американского миссионера? Нет? О, это не проповедь, а скорее передовая из «Нью-Йорк таймс». Серьезно, я не шучу!

А деньги! Американцы очень умно их тратят здесь. Покупают кое-каких местных журналистов, устраивают им бесплатные поездки в США. Покупают даже целые газеты, издательства! Есть тут одна скандальная газетка, не помню названия. На бирманском языке. Любой бирманец вам скажет, что ее содержат американцы. И издательство ее тоже. Техника весьма проста: американская служба информации предлагает издательству книгу. Платит за ее издание на бирманском языке, затем скупает значительную часть тиража, а книги снова отдает издательству для продажи. Взятка! Ни больше, ни меньше. Здесь об этом открыто рассказывают!

Англичанин давно забыл о своем чае и говорил, не останавливаясь. Видно было, что американцы здорово ему насолили.

— А вы обратили внимание, как много здесь западногерманских, японских, израильских специалистов? Скажите, пожалуйста, какая передовая страна Израиль! Без ее специалистов невозможно построить бирманское государство! — Джексон иронически прищурил глаза.— Просто они связаны с американцами. Орудие. Да и самих американцев здесь довольно много. Причем их специалистам — они считаются советниками — платят в несколько раз больше, чем другим... Они здесь хорошо проводят время. Хо-хо! Бирманцам еще много придется хлебнуть с ними горя!

— Почему же?

— Очень просто. Американцы занимаются здесь всем, чем хотите, только не помощью Бирме. Составляют красивые, хорошо разрисованные планы развития хозяйства, а потом они оказываются нереальными. Например, была тут так называемая Американская консультативная компания при бирманском правительстве. Она составила план экономического развития Бирмы. А на поверку он оказался блефом и привел к экономическим затруднениям здесь. Потому, что составители исходили в своих расчетах из того, что экспорт риса будет давать равномерный доход! А?! Подумайте. Я уж не очень большой специалист, и то бы такой чуши не написал. Ведь потом сами же американцы отказались покупать рис у бирманцев!

Или, например, построили текстильную фабрику тут, недалеко, в Тамаинге, в расчете на длинноволокнистый хлопок. А у бирманцев такого не было. У них только короткое волокно. Вот пришлось Бирме ввозить хлопок, деньги на это тратить. Вот вам специалисты!.. Но это только часть дела. Вы обратили внимание, между прочим, что американское посольство разместилось у самого монумента Независимости, как будто сожрать его хочет? Разве это не символично для всей американской политики здесь?

— От символов до действительности очень большое расстояние,— возразил я разошедшемуся англичанину.— Расчеты, конечно, у американцев далеко идущие. Но вы в самом начале разговора оставили в стороне народ. А зря. Без него такие вещи не решаются...

Англичанин ничего мне не ответил и задумался.

— Кстати, то, что вы рассказываете, очень напоминает мне «Тихого американца»,— сказал я.

— Какого тихого американца? — удивился Джексон.

Выяснилось, что он не читал роман Грэхема Грина. Я сбегал к себе в номер и принес книжку.

— Прочтите, очень вас прошу, а завтра мы с вами поговорим еще раз...

В этот вечер мне попался на глаза номер американского журнала «Бизнес Уик». В статье под названием «Независимость оказывается для новых стран трудным делом» я прочел строки, посвященные Бирме. «Ресурсы этой страны,— откровенно писал журнал,— показывают, почему... Бирма имеет такое большое значение для внешней политики США в Азии. Даже сейчас, когда в Бирме обрабатывается всего лишь одна треть всех пахотных земель, эта страна все еще является крупнейшим экспортером риса в Азии...

...Судя по всему, Бирма, плохо управляемая в первые десять лет своего существования, готова подпасть под контроль какой-либо внешней силы... Соединенным Штатам надо действовать быстро, гибко и косвенно, очевидно, это будет самым трудным».

Понятнее стали опасения Джексона, вызванные, правда, заботой не о Бирме, а о падающих доходах английских компаний.

Лео Толстой и «бест-селлеры»

В Рангуне много книжных магазинов — больших и маленьких. Еще больше уличных торговцев старыми, подержанными книжками и растрепанными журналами. Они раскладывают свой товар прямо на тротуаре или на лотке под навесом. В магазинах продают почти исключительно иностранную литературу, преимущественно американскую, на английском языке. На лотках чаще продают книжки на бирманском языке, но и здесь больше цветастых, сияющих лаком детективов американского производства. Можно часами рыться на полках книжного магазина среди потрепанных журналов в скабрезных обложках, маленьких, изданных очень удобным форматом книжонок с названиями вроде «Убийство в спешке», и не найти ни одной стоящей книги о Бирме.

— Почему так мало книг бирманских авторов? — спрашиваю продавца, скучающего возле своего лотка.

— Конкуренция, — произносит тот грустно.— С этим очень трудно бороться.— Он кивает головой на соседний лоток, где красуются аккуратно разложенные американские комиксы.

Я подхожу к тому лотку.

— Что угодно? — услужливо спрашивает продавец.

Я перебираю несколько книг.

— Как идет торговля?

— Не очень,— отвечает мой собеседник.— С каждым месяцем хуже. Требуют чего-то другого. А чего? Я спрашивал, выяснял, почему не покупаете. Ведь раньше все эти приключения на «ура» шли! Надоело, отвечают. Как вам это нравится? Надоело! — Продавец горячится, начинает размахивать руками и тычет мне в лицо то одну, то другую книжку.— Здесь же написано: «Самая увлекательная книга, которую вы когда-либо читали!» Или вот: «Умопомрачительная история падшей женщины взбодрит вашу кровь». Как же это может надоесть?!

Продавец смотрит на меня с расстроенным видом, будто я виноват в его невзгодах.

— А вам самому разве это не надоело? — спрашиваю я его.

— Самому?! — Мой словоохотливый собеседник смотрит на меня немного растерянно.— Но я за всю жизнь не прочел ни одной из этих книжек! Ведь я торговец. Для чтения у меня есть кое-что посерьезней.

Вокруг раздается громкий смех. Это смеются несколько бирманцев, ставших случайными свидетелями нашего разговора.

— Ну, а из этих-то книг какая расходится лучше всех? — спрашиваю я, чтобы сгладить смущение продавца.

Он несколько секунд смотрит на книжную россыпь и затем подает мне маленькую книжицу.

— Пожалуй, вот эта...

На зеленой обложке фигура высокой женщины в длинном фиолетовом платье старинного покроя. Женщина с ужасом смотрит на двигающийся навстречу ей поезд. «Анна Каренина. Трагическая история истинной женской любви, описанная Лео Толстым»,— напечатано на обложке.

Вытяжка из великого произведения продается с американского лотка вместе с книжонками членов так называемого «Белого круга детективов», с «историями падших женщин» и другими «бест-селлерами».

— Эти книжные киоски — миниатюрные центры американской пропаганды,— сказал мне знакомый бирманский журналист.— Кулак же сосредоточен в ЮСИС. Обязательно сходите туда: это интересно.

Демонстрация трудящихся Рангуна перед зданием английского посольства. «Бирманский народ осуждает испытания водородной и атомной бомб. Долой поджигателей войны!» — написано на плакате.

Зал, открытый для всех

USIS — «Юнайтед Стэйтс Информэйшн Сервис» — это Служба информации Соединенных Штатов, организация с огромными денежными средствами, раскинувшая свои щупальца во многих странах Юго-Восточной Азии. Увешанные фотоаппаратами, мы вошли в зал библиотеки ЮСИС, расположенной на нижнем этаже одного из лучших зданий города. На дверях аккуратный рукописный плакат: «Сегодня вечером собрание молодежи. Американская музыка. Лекция: «Что такое рок-н-ролл». Иллюстрации своими

силами. Просмотр американского кинофильма с пояснениями на бирманском языке».

Навстречу нам поднялась высокая худощавая дама в очках.

— Что вам угодно, господа?

— Ничего особенного. Мы хотели бы полистать журналы, осмотреть читальный зал и сделать снимок его общего вида. Это не возбраняется?

— Нет, что вы, что вы! — поспешила нас заверить дама в очках.— Читальный зал ЮСИС открыт для всех желающих. Вы можете здесь читать, листать журналы и делать снимки. Вы, видимо, журналисты?

— Да, из Советского Союза.

— Откуда?!

— Из Советского Союза.

Приветливое выражение исчезло с лица долговязой дамы, словно уползло в рот, который оставался несколько мгновений открытым от удивления. Затем тонкие губы снова растянулись в подобие улыбки.

— Я, право, не знаю, вам, видимо, придется спросить разрешения у начальника секции.

— Но ведь вы только что сказали, что читальный зал ЮСИС открыт для всех и что мы можем делать снимки и листать журналы...

— Да... но, понимаете ли... Может быть, вы будете производить шум своими фотоаппаратами, мешать занимающимся...— Очкастая дама кивнула головой в сторону пяти — шести робких фигур, затерявшихся в обширном зале.— Начальник секции недалеко. Вон там, на антресолях. Я провожу вас.

секретарша заведующей залом. Она провела нас в другую комнату, где за столом сидела пожилая дама, размер очков которой превосходил все предыдущие. Дама молча выслушала нас и, не говоря ни слова, решительно сняла трубку телефона. Выражение лица у нее было такое, будто она собиралась вызывать полицию. Начальница изложила нашу просьбу кому-то на другом конце провода. В трубке надолго замолчали. Потом леди начала отвечать на вопросы:

— Да, двое... Только фотоаппараты... и блокноты... Один помоложе, другой постарше... Нет, не знаю... «Огонек»...

Затем она положила трубку, обернулась к нам и, сделав величественный жест, сказала:

— Джентльмены, вы можете делать свои снимки и листать журналы. Читальный зал ЮСИС открыт для всех желающих...

— Скажите, мадам,— спросил один из нас смиренно,— вы звонили президенту Эйзенхауэру?

Величественная дама сделала вид, что не расслышала вопроса.

Книги в читальном зале подобраны на первый взгляд «нейтральные»: географические справочники, учебники истории, очерки по искусству, литературе. Но только на первый взгляд. Полистав некоторые из книг, приходишь к выводу, что история человека начинается только с момента возникновения Соединенных Штатов Америки, что культура и искусство развиваются тоже только на территории США. Все, что существует за их пределами, примитивно, нуждается в

И очень часто бирманцы рассказывали нам, что тенденциозно подобранные библиотеки, легкие танцевальные вечеринки с лекцией «между прочим» об американском образе жизни не находят того отклика, на который рассчитывают руководители американской службы информации.

...Мы провели в читальном зале ЮСИС довольно много времени. Главная дама была настолько любезна, что сама сопровождала нас, не отпуская от себя ни на шаг, видимо, для того, чтобы мы не заблудились и нашли дорогу к выходу из читального зала, открытого для всех желающих.

Борьба с роком

Крупнейшие кинотеатры Рангуна — их шесть или семь — расположены на одной из главных улиц — Суле Пагода-род. Все широкоэкранные, зместительные. Была пятница, день смены фильмов. Мы попали на давно и шумно рекламировавшийся в некоторых бирманских газетах американский фильм «Не бейте по рок-н-роллу» — «Don't Knock the Rock». Зал был переполнен. Многочисленные вентиляторы, свисавшие с потолка, вертелись на полную мощность, но не спасали от духоты, стоявшей в кинотеатре.

Содержание фильма очень простое. Известный певец, представитель так называемой «промышленности рок-н-ролла», устав от успеха, который вызывают его выступления, приезжает в свой родной маленький городок. Он хочет отдохнуть и заодно дать

ной, выраженной в его заглавии. Но он до отказа насыщен похотливыми телодвижениями, истошным визгом и поцелуями в диафрагму.

Я наблюдал за соседями. Одни смотрели на экран равнодушно, другие насмешливо, третьи испуганно. Некоторые, как и я, следили за выражением лиц соседей. Но было довольно много и таких зрителей, которые бурно аплодировали, самозабвенно кричали и топали ногами, подпрыгивали на месте от удовольствия.

И невольно подумалось: почтенная дама в роговых очках из читального зала ЮСИС и ее хозяин, с которым она говорила по телефону, должно быть, потирают руки, слыша эти крики. Значит, экспорт заокеанской «культуры» все же дает какие-то плоды, значит, удается одурманить пусть маленькую, но все же часть бирманской молодежи...

Через несколько дней я беседовал с одним из кинопромышленников Бирмы.

— Да, мы знаем, что американские фильмы оказывают дурное влияние на молодежь. Но что поделаешь? В наших кинотеатрах прокатывается четыреста американских фильмов в год, а бирманские киностудии выпускают ежегодно только сорок — пятьдесят... У бирманской кинематографии много, очень много трудностей. Первые бирманские фильмы появились тридцать лет назад, но до сих пор у нас нет кинематографических школ. Особенно мало у нас киноактрис. Не потому, что в Бирме мало талантливой молодежи, а потому,

У здания, где помещается библиотека ЮСИС. Около витрин с американскими фотографиями пусто: они не привлекают внимания рангунцев.

Продажа газет на улицах Рангуна.

Начальником секции была дама чуть пополнее и постарше. Ее роговые очки тоже были побольше.

— Журналисты? Пожалуйста! Делайте снимки. Мы даже заинтересованы в этом. Вам не надо было спрашивать разрешения... Ах, из Советского Союза? Знаете, господа, я думаю, что никаких возражений, конечно, не будет, но... Я советую вам спуститься вниз к заведующему читальным залом и спросить разрешения. Не беспокойтесь, я вас провожу. Она здесь недалеко, внизу...

Мы покорно спустились вниз. В небольшой комнатке нас встретила совсем юная леди в очках, похожих на птицу. Это была

улучшении и коренной переделке на американский лад. На столах лежат раскрытые журналы. О «нейтральности» их направления говорят заголовки, хорошо известные советским людям: «Лайф», «Тайм», «Лук» и т. д. И, конечно, о Бирме ничего ни в книгах, ни в журналах.

— Библиотека и читальня — только часть, и, может быть, не самая главная, их деятельности,— объяснил нам бирманский журналист, который посоветовал навестить ЮСИС.— Главное — это то, о чем вы прочли на входных дверях: лекция «Что такое рок-н-ролл», американский кинофильм. Они надеются привлечь на свою сторону ту часть молодых бирманцев, которые еще не могут отличить кинофильм от действительности...

В дальнейшем во многих городах страны мы встречали большие эти буквы — «USIS».

несколько концертов. Однако мэр города запрещает исполнение рок-н-ролла, так как он разлагающе действует на молодежь. Мэра поддерживает почти все взрослое население города. Но под напором энергичных подростков мэр разрешает устроить лекцию о рок-н-ролле, на которую собираются представители и старшего и младшего поколений городка. В «лекции», которая призвана защитить рок от нападок «отсталых» людей, участвуют все звезды американского рок-н-роллового бизнеса. Фильм заканчивается тем, что все противники рок-н-ролла «переубеждены», и на экране под истерические звуки возникает вакханалия непристойного танца.

Даже среди худшей штампованной продукции Голливуда этот фильм выделяется непроходимой примитивностью сюжета, отсутствием всякой мысли, кроме од-

что мешают обычаи. Считается позорным, если женщина становится актрисой. Поэтому каждая наша кинозвезда буквально на вес золота. Вчера, например, от неудачных родов скончалась одна из наших самых знаменитых киноактрис. Сам по себе факт очень прискорбный. Но к этому прибавляется еще и то обстоятельство, что из-за ее смерти сорваны съемки многих картин, в которых она участвовала одновременно в разных компаниях. Огромные средства, которых у нас не так уж много, вылетели в трубу...

Расцвет бирманской кинематографии,— продолжал промышленник,— наступил и кончился во время войны, когда у нас не было иностранной конкуренции. Правительство, правда, идет нам на помощь: оно обязало каждый

Автор «Интернационала»

«В какую бы страну ни попал сознательный рабочий, куда бы ни забросила его судьба, каким бы чужаком ни чувствовал он себя, без языка, без знакомых, вдали от родины, он может найти себе товарищей и друзей по знакомому напеву «Интернационала», — писала о великом гимне дореволюционная большевистская «Правда». «Интернационал» стал гимном международной солидарности трудящихся всего мира.

Автор музыки «Интернационала» Пьер Дегейтер скончался в сентябре 1932 года под Парижем в возрасте 84 лет. Пьер Дегейтер был рабочим-мебельщиком, резчиком по дереву. Он много работал, мало зарабатывал. Очень увлекался музыкой. Рабочий певец-поэт сам слагал куплеты и сочинял мелодии своих песен. Пел их на праздниках в рабочих кафе, в кабачках.

Однажды в 1888 году в руки Дегейтеру попал сборник стихов поэта-коммунара Эжена Потье. Здесь был и «Интернационал», созданный Потье вскоре после разгрома Парижской коммуны. Могучей, неистребимой верой в будущее рабочего класса дышали героические пламенные строфы!

Дегейтер так рассказывал о создании «Интернационала»: «Он показался мне великолепным для хора, но неудобным для пения, так как в нем было 7 куплетов. На другое утро я сочинил и записал начерно музыку куплетов, а на следующий день мне удалось присочинить к ней хороший припев...»

Присочиненный Дегейтером припев звал к победе: «Это есть наш последний и решительный бой...»

В 1902 году три строфы стихов Потье были впервые переведены на русский язык. А в 1906 году появилось в России первое подпольное издание слов и музыки «Интернационала».

Дегейтеру довелось побывать в Москве в 1928 году. В день великого народного праздника 80-летний рабочий-революционер, взволнованный до слез, стоял на Красной площади.

Участник Парижской коммуны Густав Инар и Пьер Дегейтер на Красной площади. 1928 год.

кинотеатр, как минимум, шестьдесят дней в году прокатывать фильмы отечественного производства. Кинотеатр, которым я владею, демонстрирует почти только бирманские фильмы, совсем не показывает американские. Это трудно. Это иногда очень сильно бьет по карману...

— А почему нельзя сократить приток американских фильмов в Бирму? — задал я вопрос.

— О, это не так просто! Правительство получает сорок процентов прибыли с проката именно американских фильмов.

— Ну хорошо, можно же упорядочить подбор фильмов, ведь есть у тех же американцев хорошие, умные фильмы...

— Во-первых, таких фильмов очень мало, а во-вторых, к подбору фильмов имеет непосредственное отношение ЮСИС...

Так я узнал, что такое щупальца ЮСИС. Я столкнулся только с некоторыми из них — видимыми. А сколько еще невидимых?..

Коробка бисквитов

На другой вечер после знакомства с мистером Джексоном мы снова встретились за стаканом чая со льдом.

— Я прочел эту книгу за ночь,— сказал Джексон, возвращая мне томик «Тихого американца».— Безусловно, Грин многое понял. Только они редко бывают тихими, эти американцы.

Он невесело усмехнулся и долго молча пил свой чай.

— Мне бы не хотелось, чтобы вы считали меня пессимистом,— наконец прервал он молчание.— Я знаю одну историю, которая тоже может служить символом. Я расскажу вам ее...

Несколько месяцев тому назад я летел из Парижа в Сайгон на самолете компании «Эйр Франс». Среди других пассажиров в самолете был высокий рыжеволосый американец со своей подругой — тоже высокой плечистой американкой лет сорока. Когда эта пара входила в самолет в Париже, американец громко отпустил какую-то плоскую шутку в адрес миловидной стюардессы и оглушительно захохотал. А стюардесса, я заметил, глазами показала на него стюарду и только грустно покачала головой. Самолет был французский.

Уже с этой минуты американец начал меня раздражать. Раздражали его рост, его громкий хохот, рыжие волосы, веснушки. Я ничего не имею против рыжих веснушчатых людей вообще, тем более, что я сам далеко не жгучий брюнет. Но в нем меня нервировало все. Согласен, что главную роль, может быть, здесь играло падение доходов моей бисквитной компании: американцы действительно занимают наши рынки в Юго-Восточной Азии. Ведь вы материалист и предпочтете, наверное, такое объяснение.

В Риме, в аэропорту, американец подошел к прилавку с сувенирами, вытащил из кармана пачку долларов и, вручив ее обалдевшему продавцу, скупил сразу целую полку сувениров. Всю эту кучу милых вещичек, каждой из которых можно подолгу любоваться, он сгреб в свои ладони и также кучей сунул своей американке, которая засмеялась и, не глядя, всыпала безделушки в сиитую сумку. И опять я заметил грустный взгляд — на этот раз он принадлежал продавцу сувениров, который вообще-то должен был бы радоваться...

Перед посадкой в Карачи — столице Пакистана — стюардесса предупредила нас, чтобы пассажиры во избежание неприятностей и осложнений не выносили из самолета фотоаппаратов, так как пакистанские власти возражают против фотографирования на территории аэропорта.

Все мы оставили свои камеры в кабине, но американец вышел из самолета с двумя фото- и одним киноаппаратом. Стюардесса пыталась что-то сказать ему, но он только подмигнул ей и снял крышки с объективов... Для пакистанского чиновника оказался достаточным один вид американского паспорта, чтобы он разрешил рыжему снимать что угодно и сколько угодно... «Неужели же эти зарвавшиеся янки,— думал я,— везде чувствуют себя хозяевами, неужели все зависит от их плотно набитого бумажника?»

Я ждал, где же дадут щелчок по этому самодовольному американскому носу.

Наконец мы прилетели в Рангун. Было часа два ночи. Американец вышел из самолета вместе с нами. В зале аэровокзала он подошел к книжному киоску. Он был закрыт. Рыжий представитель Соединенных Штатов постучал тростью по витрине. Никто не отозвался. Он постучал еще раз, громче и раздраженнее. Подошел чиновник в форме и объяснил, что уже поздно, киоск давно закрыт. Американец начал горячиться, говорил, что заплатит больше, чем нужно, но ему необходим какой-то журнал. Чиновник еще раз повторил свое объяснение.

«Вы не имеете права закрываться так рано! Во всех международных аэропортах такие магазины работают круглые сутки! — раздраженно загремел американец.— И в Карачи, и в Тель-Авиве, и у нас, в Америке, вы можете купить журнал, когда вам хочется...»

Бирманский чиновник спокойно выслушал эту тираду и ответил: «Но здесь не Пакистан, и не Израиль, и не Америка. Здесь Бирма. И порядки здесь наши, бирманские...»

Отвернувшись от американца, он занялся своими делами. Рыжему американцу дали наконец по носу. Я был удовлетворен. И в этом я вижу символ. Символ того, что американцам ничего не удастся сделать в этой маленькой стране. Вы видите, я не пессимист...

Мы простились с Джексоном в тот вечер. Наутро он должен был лететь в Лондон. На прощание я подарил ему Грина.

На другой день портье принес мне аккуратно запечатанную металлическую коробку. К ней была приложена записка:

«Дорогой сэр! Благодарю вас за «Тихого американца». В ответ примите мой скромный подарок — коробку бисквитов, которые производит моя компания. Отвезите ее в СССР. Может быть, в вашей стране заинтересуются этой продукцией. Кстати, не знаете ли вы: включили американцы бисквиты в число стратегически важных товаров или нет? Искренне ваш О. Джексон».

ДОМ КУЗНЕЦА Кириллова

И. АГРАНОВСКИЙ, В. ПОЛЫНИН

Что это? Если это сказочный терем, то почему он существует в действительности? Если это экспонат с выставки народного творчества, то почему установили его в дальней уральской деревушке, не навещаемой туристами? Если это декорация к цветному фильму по мотивам русской былины, то зачем внутри дома поселились колхозники?

Все верно. Хотя чудесные терема обычно встречаются в сказках, этот стоит не на книжной странице, а на краю деревни Кунары, Невьянского района, Свердловской области. И если на него навести объектив киноаппарата, то фильм получится на сюжет не старинный, а современный, на сюжет о том, как молодой русский парень, уралец, колхозный кузнец Сергей Кириллов взял да и задумал, а раз задумал, то и построил своей семье и себе по красоте удивительный, по обличию сказочный, а по удобству современный колхозный крестьянский дом.

Может, по неопытности и неведению восхитились мы домом кузнеца Кириллова? Пошли в Академию строительства и архитектуры СССР.

— Мы привезли с Урала снимки деревянного дома, украшенного богатой резьбой. Хотим получить консультацию у специалиста.

— В каком веке построен дом?

— Во второй половине двадцатого.

— ???

* * *

И вот цветные фотографии дома кузнеца Кириллова разложены на рабочем столе главного архитектора Института теории и истории архитектуры СССР Петра Николаевича Максимова.

— Интересный дом и знаменательный факт. Кое-кто среди нашей братии историков архитектуры иногда любит повторять, что в век стандарта и конвейера народное творчество умирает. Кузнецы Кирилловы, как видно, не прислушиваются к теоретикам.

Тут же Петр Николаевич определяет происхождение и особенности стиля кузнеца-архитектора.

— Что есть у него и вкус добрый и талант, порукой тому цельность и единство общего рисунка. Выдержан во всем единый характер, ритм, колорит. История определяется довольно легко. Барельефы, такие, как на филенках калитки и ворот, любили резать в Верхнем Поволжье и на Владимирщине. Но там их не раскрашивали. Яркую роспись предпочитают на Севере: в Вологодской, Архангельской, Костромской областях, Карелии. Витые колонки на воротах — это с XVII века, от церковной архитектуры Руси и Белоруссии.

Консультант объяснил нам, что деревенский кузнец владеет основами архитектурной грамоты.

— Возьмите колонну у ворот. В ней присутствуют все элементы классического образца: пьедестал, база, ствол, капитель и на самом верху — раскреповка.

— Но Кириллов ничего не знает об основных элементах классической колонны,— предупредили мы консультанта. — Он никогда не учился архитектуре, никто не показывал ему, как резать карнизы, вписывать розетки в филенки. До всего доходил сам.

— Тогда остается одно, — сказал консультант. — Кириллов — настоящий самородок.

Сергей Кириллов.

* * *

Никто в семье Кирилловых не рисовал, не был искусным кузнецом или плотником. «Академический курс» рисования Сергей прошел в начальной школе.

Он родился двадцать семь лет назад в этом же доме. В то время дом выглядел не лучше и не хуже других деревенских домов Кунары.

Отец был председателем колхоза имени Свердлова, пока не ушел на фронт. Вскоре после гибели отца умерла и мать. Сергей остался кормильцем семьи — младшего брата и престарелой бабушки. Сколько он себя помнит, хозяйство всегда было на нем.

О его будущем позаботился колхоз. Порешили отдать Сергея в кузницу. Не прошло года, как превзошел ученик учителя и из молотобойца стал кузнецом.

Мы застали Кириллова в кузнице. Среднего роста, с грудью неширокой. Волосы золотистые, мягко вьются. Глаза под цвет надетой на нем голубой рубахи. Неуклюжими клещами, вцепившимися в розовое железо, ворочает ловко и сильно, загнал в пот здоровенного молотобойца.

В кузнице дел невпроворот.

Домом занимается он только вечерами и по воскресеньям. Все «робил» сам, немного брат Юрий помогал. Все топором, пилой, рубанком. Кое-где стамеской и напильником. Но в общем-то топором.

— Началось как? Привезли на машине дрова. Шофер ворота раскрыл, а мосток внизу оставил. Мосток и хрустнул. Старый мосток — на дрова. Отстрогал новый. Но разве это мосток — гладкая доска! Вырезал по мостку узор. Поставил под ворота. Теперь ворота хуже мостка. Принялся за них...

— А узор откуда? И цветы на филенках? И карниз?

— Из головы. Почеркаю сначала на бумаге. А с бумаги на дерево...

Показал нам Кириллов и эскизы. Он «начеркал» их не один десяток.

Когда мы стали фотографировать дом, Сергей сказал:

— Да дом-то ведь недостроенный. Крыльцо будет, ограда другая. Да и вообще...

— Что вообще?

— Если б сейчас начинал, а не четыре года назад, не так бы делал.

— Не нравится?

— Почему не нравится? Говорю, если б сейчас начинал...

* * *

Петр Николаевич Максимов, с которым мы консультировались по поводу «терема» кузнеца Кириллова, рассказал нам о старинных умельцах домовой резьбы Семене Удалове, Емельяне Зирипове. Их дома пока еще можно увидеть в деревнях Поволжья. Да, пока... Гниют избы, исчезают несравненные образцы народного искусства. А кроме того, Волга, разливаясь бескрайними морями, заливает старинные села. Кое-где наиболее интересные образцы старой русской деревянной архитектуры свозят в заповедные, музейные места. Так сделали в Костроме, где на двор Ипатьевского монастыря свезли ряд уникальных построек. То же проделали в селе Кижах, что на Онеге.

Но не пришло ли время на государственную ногу поставить дело сохранения домового народного творчества и по примеру Риги основать музей народного быта? В одном из музеев рядом с творениями Удалова и Зирипова, строивших дома для чужих, богатых людей, нашли бы место и такие, например, дома, какой соорудил себе кузнец Кириллов.

Как Джалиль спас друга

М. Джалиль (справа) и А. Исхак.

В августе 1939 года мне довелось познакомиться с Мусой Джалилем. Он приехал в Одесский дом творчества вместе с близким другом, тоже поэтом, Ахметом Исхаком. Мы все жили на одном этаже. Муса внес в жизнь этого дома атмосферу общительности, непосредственности, дружбы. Он быстро перезнакомился со всеми, нашел себе партнеров по домино, по вечерам играл на мандолине, пел татарские и русские песни.

Мы часто ездили в город, побывали на его окраинах, в порту, в театре. Одесса понравилась Джалилю.

— Красивый город,— говорил он.— В нем много солнца, а я люблю солнце.

Но особенно полюбилось ему море. Каждое утро, когда обитатели дома еще спали, Муса Джалиль тихо, осторожно, чтобы не разбудить никого, выходил, спускался к морю, делал зарядку, купался.

Эти полтора месяца жизни в Одессе были насыщены интересными событиями, но мне хочется рассказать об одном эпизоде, ярко показывающем характер Мусы Джалиля.

Однажды Ахмет Исхак купался. Море было неспокойным, волны уносили от берега Ахмета Исхака. Он то появлялся, то скрывался в волнах. Вдруг на берегу услышали его крик.

— Исхак тонет! — раздались возгласы.

Джалиль быстро вошел в воду, поплыл к Исхаку. Вместе с ним поплыло еще несколько человек. Была образована цепочка. Волны накрывали людей, но никто не отступил.

— Мы идем к тебе! — крикнул Муса Исхаку, подплыл и вытащил его.

На публикуемом снимке Муса Джалиль и Ахмет Исхак. Они сфотографировались через несколько дней после того, как Джалиль спас друга.

М. ЗОРИН

ЭПОС КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ

Таланту писателя дана над нами особая власть. Силою своего слова художник может заставить вас смеяться и плакать, переживать развитие человеческих судеб, рисовать перед вами громадные картины исторических битв и событий. Если талант писателя при этом связан всеми нитями с жизнью народа, то образы, созданные им, заставляют нас переживать как бы жизнь самого народа. Так, М. Шолохов своей великой эпопеей «Тихий Дон» погружает нас в эпос и лирику русской жизни на ее революционном рубеже, на рубеже рождения в нашей стране нового, социалистического общества.

Мухтар Ауэзов своей эпопеей об Абае заставляет нас погрузиться в такие глубины казахской народной жизни, понимание которых, казалось, могло быть уже утрачено для современного человека. Первые книги эпопеи «Абай» и «Путь Абая» переносят нас в мир патриархально-родовых отношений кочующего казахского аула. По замыслу эта эпопея должна заканчиваться изображением жизни казахов сегодня, когда народ и вся страна преобразовались самым удивительным образом, поднявшись вместе со всеми народами СССР на вершины мировой социалистической культуры.

Поистине огромен замысел! Здесь нужно не только бальзаковское трудолюбие, но и мысль ученого, способная охватить и осмыслить историю народа в его превращениях. В деятельности Мухтара Ауэзова — и писателя и ученого — как бы сошлись и перекрестились сами события исторического развития казахского народа, проделавшего за полстолетия головокружительный путь подъема, свершившего переход от кочевого бытия к современным формам социалистической культуры. Этот переход происходил в условиях острой идейно-классовой борьбы, в условиях тесного общения с русским народом, на основе жадного и творческого освоения передовой русской культуры.

Мухтар Ауэзов — как бы живое воплощение этих исторических процессов. Он как писатель — их выражение и средоточие. Он дума народа о самом себе и его шаг вперед, в завтрашний день.

Когда читаешь Мухтара Ауэзова, когда проходят перед тобой пластические картины, написанные уверенной рукой большого писателя-реалиста, картины бескрайней кочевой степи, когда видишь красноватое пламя глиняного светильника, колеблемое ветром из-под полога юрты, когда в лицо ударяет горьковатый, томящий запах полынной степи, — то за всем этим ощущается и лирика того, что пережито было писателем лично. Это еще его детство. Это истоки тех художнических впечатлений, какие легли в основу его эпопеи.

В громадной галерее образов казахского народа, созданных Мухтаром Ауэзовым, хочется отметить многое. Нисколько не прикрашивая темного, отсталого и даже зверского в формах жизни прошлых времен, Ауэзов в то же время раскрывает сложность человеческой психологии кочевых казахов. В образах народных певцов, особенно в женских образах — бабушки Зере, матери Абая Улжан, — в целой галерее образов казахской молодежи, наконец, в образе центрального своего героя, поэта-просветителя и основоположника казахской литературы Абая, Мухтар Ауэзов с неопровержимой логикой художника показывает внутренние творческие силы народа.

Уже в первых книгах писателя нашла правдивое отражение важнейшая особенность исторического развития казахского народа: тесное соседство с русским народом. Ауэзов показал две России: старую Россию колонизаторов и чиновников и Россию передовую, демократическую, которая служила опорой всем угнетенным народам в их национально-освободительной борьбе против самодержавия, против своих собственных эксплуататоров. Ученики Н. Чернышевского, русские революционеры в романе становятся друзьями и идейными учителями казахского поэта, героя эпопеи.

Не только как художник, но и как ученый, в своих научных исследованиях Мухтар Ауэзов дал новое и верное освещение путей развития казахской литературы. В своей работе «Традиции русского реализма и казахская литература» Ауэзов писал: «И сегодня, как и тогда, вопрос об освоении наследства русского реализма стоит для нас не только как вопрос литературного совершенствования, мастерства, а как вопрос верной исторической ориентации нашей литературы на самое передовое, высоко идейное искусство мира, как вопрос верной ориентации и в своем классическом наследстве. Рассматривая историю своей литературы в связи с передовой русской литературой, можно определить то действительное место, которое занимает в ней тот или иной писатель, можно установить, кто из литературных деятелей прошлого является нашими предшественниками. Теперь, когда писатели всех народов СССР не только учатся у русской литературы, но вместе с русскими писателями создают единую социалистическую культуру, нам особенно важно, при изучении истории своей литературы, ясно определить ту традицию, на которую должны опираться писатели любой из наших республик».

Мухтар Ауэзов.

Мухтар Ауэзов как писатель сам является живым выражением творческой дружбы народов СССР, живым воплощением творческих взаимосвязей казахского и русского народов. В эпопее Мухтара Ауэзова нельзя назвать ни одного положения, ни одной сцены, которая была бы непосредственно заимствована или перенесена, например, из произведений М. Горького. Но я не преувеличу, если скажу, что именно горьковская поэзия наложила свой светлый колорит на ауэзовский роман о казахском народе. Именно горьковская традиция, образы, созданные М. Горьким, помогли казахскому писателю понять и реалистически раскрыть свою национальную жизнь. Тут мы имеем пример такого творческого воздействия одного писателя на другого, который Белинский сравнивал с солнечным лучом, пробуждающим собственные соки в растении. Творчество Ауэзова как писателя социалистического реализма выросло на почве культуры нового типа, опирающейся не только на свое национальное, но и на передовой опыт других советских народов и прежде всего русского народа.

Обширен мир образов, созданных Мухтаром Ауэзовым — романистом, драматургом, новеллистом. В его многочисленных произведениях нам глядит в лицо не только Казахстан вчерашний, но и сегодняшний, проходят перед нами люди разных национальностей — не только казахи, но и русские, украинцы, киргизы, люди разных народов, разных классов, социальных положений. Мухтар Ауэзов, как всякий большой писатель, психологически приближает к нам образы людей, выхваченных из родной национальной жизни, заставляет плакать над их болями и смеяться их радостям.

В лице Мухтара Ауэзова, которому исполняется шестьдесят лет, наша советская литература выдвинула художника, который всем своим творчеством сумел выразить замечательные силы, заложенные в социалистическом строе. И глядя на творческий путь Мухтара Ауэзова, одного из выдающихся писателей нашей многонациональной советской литературы, путь, пройденный в борениях с пережитками прошлого, невольно вспоминаются недавние слова, сказанные Н. С. Хрущевым: «Хочется посоветовать литераторам и художникам, чтобы они попристальнее вгляделись и поглубже вникли в жизнь всех национальностей нашей страны. Тогда тысячи живых примеров покажут им, как изменились судьбы людей, с какими замечательными успехами приходит наш народ к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

Творчество Мухтара Ауэзова, писателя и ученого, — одно из таких замечательных явлений пройденного сорокалетия. Писатель нового мира, Мухтар Ауэзов одновременно и дитя его и летописец великой эпопеи, которую творит сам народ.

Книги к 40-летию Октября

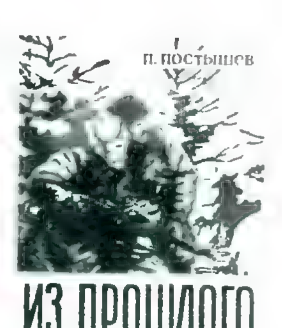
На основе исторических документов, бесед с участниками первых боев под Псковом и Нарвой, личных воспоминаний А. И. Черепанов пишет в книге, выпущенной Воениздатом, о первых сражениях зарождавшейся Советской Армии.

В книге М. Величко «Источник вдохновения», выпущенной издательством «Молодая гвардия», рассказывается о местах, в которых жил и работал В. И. Ленин: об Ульяновске, где родился Владимир Ильич, о Шушенском — месте ссылки Ленина, о ленинградских и кремлевской квартирах Ильича, о Горках, где скончался великий вождь.

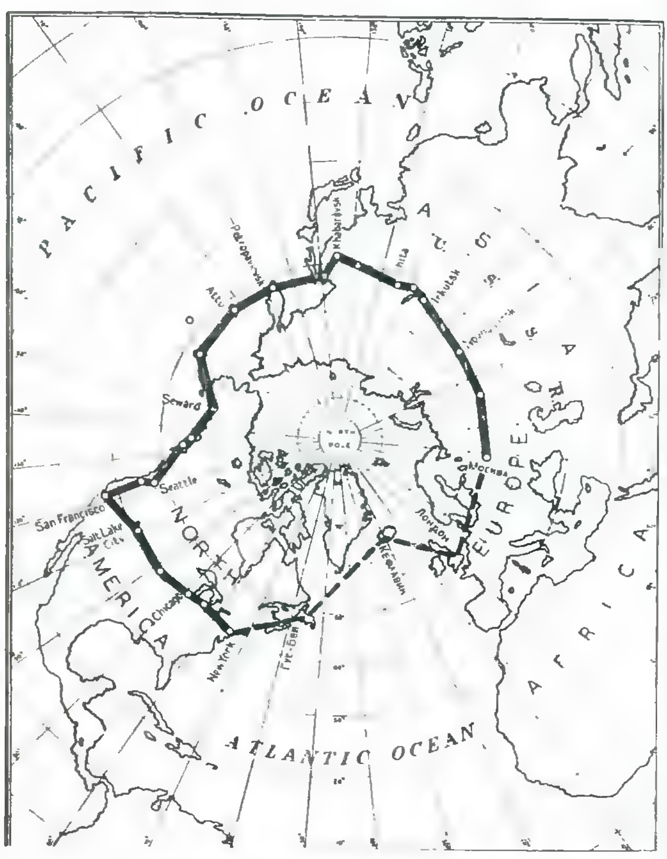

Павел Петрович Постышев с 15 лет примкнул к революционному движению. Издательство «Молодая гвардия» выпустило небольшую книгу П. Постышева «Из прошлого», в которой правдиво и ярко рассказано о тяжелой жизни ивановских текстильщиков при капитализме, о стачке ткачей в 1905 году, о борьбе за Советскую власть в 1917—1918 годах.

БРОСОК ЧЕРЕЗ ОКЕАН

От «АНТ-4» до «ТУ-104-А».

Эта карта была издана в США в 1929 году, после завершения первого советского перелета из Москвы в Нью-Йорк через Тихий океан (этот маршрут показан сплошной чертой). Современный маршрут «ТУ-104-А» из Москвы в Нью-Йорк через Атлантику нанесен на карту пунктиром.

Ломаная линия на карте устремлена от нашей столицы к столице Англии и дальше на север, к Исландии. Пересеная Атлантический океан, она достигает Канады и там снова спускается на юг — к устью реки Гудзон. Москва — Лондон — Кефлавик — Гус-Бей — Нью-Йорк...

Кому не знаком сегодня маршрут воздушного реактивного лайнера «ТУ-104-А»! Кто не восхищается быстротой его пассажирских рейсов между двумя континентами! Около полусуток продолжается полет между Москвой и Нью-Йорком — путь в стратосфере над океаном. Скорость — свыше 700 километров в час, высота — не менее 10 километров!

Множество приветствий и пожеланий успеха от соотечественников и зарубежных друзей получают пилоты Б. П. Бугаев и И. В. Орловец и их спутники, совершающие эти перелеты.

— Хочется и мне от души поздравить товарищей. Превосходно работают, молодцы! — сказал нам Борис Васильевич Стерлигов, генерал-лейтенант авиации в отставке, которого мы посетили в подмосковной деревне на берегу Оки.

Просматривая свежие газеты с последними сообщениями о заокеанских воздушных рейсах, Стерлигов на минуту задумывается, потом, открыв ящик письменного стола, достает старую, пожелтевшую карту с надписями на английском языке. Широкая черта, опоясывающая почти две трети земного шара, тянется от Москвы до Нью-Йорка. Но в отличие от сегодняшнего маршрута «ТУ-104-А» она проложена через Сибирь, Тихий океан и Северную Америку.

— Издана в Соединенных Штатах двадцать восемь лет назад,— поясняет Борис Васильевич.

На обороте карты четыре портрета: пилоты С. А. Шестаков и Ф. Е. Болотов, бортмеханик Д. В. Фуфаев, штурман-радист Б. В. Стерлигов. Это они впервые прилетели из Москвы в Нью-Йорк 1 ноября 1929 года. Рядом с портретами — снимок двухмоторного самолета «АНТ-4» с надписью на фюзеляже «Страна Советов».

— От «АНТ-4» до «ТУ-104-А» целая эпоха,— продолжает Стерлигов.— Сейчас даже представить себе невозможно, в каком младенчестве находилась авиация в ту далекую пору. Поднимаясь в воздух, летчик всегда был «привязан» к земле: пока он видит наземные ориентиры — летит по маршруту; потеряет ориентиры — заблудится. Астрономические приборы только начинали применять, о радиосвязи лишь мечтали. Первая самолетная рация, специально построенная для нашего самолета, работала лишь в полете над морем, связываясь с кораблями и портами. А пока шли мы над сухопутьем, молчал самолет: некому было отвечать на его сигналы с земли. Летим, помню, к Омску, проходим без посадки Курган, сбрасываем вымпел с запиской: «Телеграфируйте в Омск, чтобы к обеду приготовили щи»...

Всего только два самолета «АНТ-4» было тогда в строю. На первом из них, названном «Страной Советов», мы стартуем из Москвы и через несколько дней, немного не долетев до Читы, терпим аварию. От самолета остаются обломки, но мы, четверо, к счастью, невредимы. И у всех одна только мысль: снова скорее в воздух! Телеграфируем в Осоавиахим, настаиваем возобновить перелет, мчимся поездом обратно в Москву. Поздним вечером выходим из вагона на столичном перроне, а на другое утро, чуть свет, снова в полете. Новая, вторая по счету «Страна Советов» идет на восток тем же курсом, с тем же экипажем.

Продолжая рассказ, Борис Васильевич поглядывает на старую, пожелтевшую карту, как бы повторяя мысленно тот давний и нелегкий маршрут.

— Прилетели в Хабаровск, Сибирь позади. А впереди восемь тысяч километров над морями и океаном. Ставим новые моторы, меняем колеса на поплавки. Благополучно миновав Камчатку, летим из Петропавловска к острову Атту. Затем — Аляска, поворот на юг, к Ситке. И тут в трехстах километрах от берега останавливается один мотор. Тянем на втором, снижаемся до бреющего, едва не задевая поплавками за гребни волн. Плюхаемся наконец в бухте Ситки... И точно в награду за все пережитое с первой же шлюпки, подошедшей к нам, раздается веселая русская речь. Недаром звалась Ситка в старину Ново-Архангельском, была столицей русских владений в Америке. Сходим на берег, попадаем в гости к своему новому знакомому. Усаживаемся за чайный стол. С пузатым самоваром в руках появляется хозяйка — типичная российская попадья. Оказывается, мы в гостях у православного священника...

Семьдесят дней (с 23 августа по 1 ноября) продолжался перелет Москва — Нью-Йорк. За 142 часа, проведенных в воздухе, «Страна Советов» преодолела расстояние в 21 242 километра. Средняя скорость полета немногим превышала 150 километров в час.

— Интересно сопоставить эти цифры с результатами последующих воздушных рейсов между СССР и США,— продолжал Б. В. Стерлигов.— В 1937 году В. П. Чкалов и М. М. Громов проложили в Америку новый маршрут — через Северный полюс. Тогда их самолеты типа «АНТ-25» провели в воздухе свыше шестидесяти часов каждый, пролетели без посадки первый свыше девяти и второй — одиннадцати тысяч километров. А еще через год В. К. Коккинаки, одним прыжком из Москвы перемахнув Атлантину, достиг американских берегов за сутки — его самолет (конструкции С. В. Ильюшина) развил скорость уже в триста с лишним километров в час. Подобным маршрутом, но с несколькими посадками в пути летал из Москвы в Вашингтон в 1942 году советский летчик Э. К. Пусеп. И вот сегодня мы стали свидетелями пассажирских рейсов «ТУ-104-А».

О многом говорит короткий перечень дат и фактов!

4 сентября 1957 года. 7 часов 45 минут утра. Воздушный лайнер стартует из Внукова. В 11 часов 34 минуты он опускается на лондонском аэродроме. После короткого отдыха снова в воздух, и через два с половиной часа посадка в Исландии. В Москве куранты Спасской башни отбивали полночь, когда воздушный корабль при дневном свете приближался к берегам Канады. Ночь на 5 сентября. Пробиваясь сквозь облака, обходя грозовые фронты, пилоты «ТУ-104-А» набирают высоту в 13 300 метров. Внизу сплошное море огня, частые разряды молний, а наверху холодно светит луна, мерцают звезды. Американский аэропорт Макгайр неподалеку от Нью-Йорка. Пробыв в воздухе 13 часов 29 минут после старта из Москвы, «ТУ-104-А» рулит по бетонной дорожке.

Еще быстрее и стремительнее проходит обратный путь на Родину — всего только 11 часов 7 минут в воздухе.

Общая протяженность рейса в оба конца — 18 тысяч километров — потребовала немногим более суток летного времени — 24 часа 36 минут.

8 сентября рано утром возвратился воздушный лайнер в столицу из первого заокеанского полета, а 14-го стартовал в очередной рейс с 50 пассажирами на борту — делегациями СССР, Белорусской ССР и Украинской ССР на XI сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Отправившись из Москвы в 6 часов 46 минут утра, «ТУ-104-А» после посадок в Лондоне, Кефлавике и на авиабазе Гандер (остров Ньюфаундленд) в 18 часов 15 минут по нью-йоркскому времени (в 01 час 15 минут 15 сентября по московскому времени) опустился на аэродроме Макгайр.

Советские авиаторы неизменно выступают пионерами в развитии самого современного транспорта — воздушного. Первыми перелетели они через Тихий океан, первыми проложили маршрут через Северный полюс. Теперь они впервые применяют реактивные пассажирские самолеты на трассе, связывающей два континента.

Самолет «Страна Советов» в ангаре одного из аэродромов США в 1929 году.

Умер известный китайский художник Ци Бай-ши — лауреат Международной премии мира. Он прожил 97 лет. Один из самых ярких представителей национальной китайской живописи «Гохуа», он до последнего дня не бросал кисти, жил своим искусством.

Его картины полны любви к природе. Он был подлинным реалистом, но никогда не копировал окружающий мир. Художник считал, что полная копия не может дать живых черт ни цветку, ни птице, ни рыбе. Может быть, именно поэтому в его свитках рыбы плывут, птицы живут и цветы благоухают.

В декабре прошлого года мне удалось быть в маленьком каменном домике художника в Пекине. Комната, в которой он нас принимал, была заставлена свитками. Мы внимательно осматривали все картины, а художник интересовался жизнью нашей Родины.

Мы попросили Ци Бай-ши написать новогоднее приветствие для «Огонька». Ему дали кисть, и он на бумаге очень красиво вывел несколько иероглифов. Когда мы уходили, он проводил нас до дверей и долго приветствовал поднятой рукой.

Тяжело сознавать, что этот художник умер. Его картины, его искусство будут жить долго.

М. МЕРЖАНОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ СУДАНА В МОСКВЕ

По приглашению Советского комитета защиты мира в Советском Союзе находится делегация видных общественных деятелей Республики Судан, выступающих за мир. Делегацию возглавляет председатель Союза адвокатов Судана Абдин Исмаил Хуссейн. Среди делегатов — представители различных политических партий и организаций Судана.

Во время пребывания в Москве суданские гости встречались и беседовали с членами Советского комитета защиты мира и Советского комитета солидарности стран Азии, с учеными-арабистами. Они посетили Кремль и Мавзолей В. И. Ленина и И. В. Сталина. Большой интерес вызвали у гостей Всесоюзная промышленная и сельскохозяйственная выставки. С большим вниманием суданские деятели рассматривали павильоны союзных республик Средней Азии и Закавказья. Группа адвокатов — членов делегации — беседовала с членами Верховного Суда СССР. Издатель и редактор бюллетеня «Судан Ньюс Эйдженси» Абдалла Обейд Хасан посетил редакции газеты «Правда» и журнала «Огонек».

Делясь впечатлениями о пребывании в Москве, один из лидеров Народно-демократической партии Судана, бывший заместитель министра иностранных дел Огель Ахмед Огель, сказал:

— Я много путешествовал по Западной Европе, долго жил во Франции, но всюду чувствовал, что меня отделяет невидимая черта от жителей этих стран, я всегда был для них иностранцем. Здесь же благодаря искреннему, идущему от души гостеприимству советских людей я с первого момента пребывания в Москве чувствую себя как дома.

15 сентября в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького состоялась встреча делегатов Судана с представителями общественности и трудящихся Москвы. Суданские гости выразили благодарность советскому народу и правительству за братскую помощь и сочувствие народам арабских стран в их борьбе за независимость и свободу.

В заключение встречи к собравшимся обратился глава делегации Абдин Исмаил Хуссейн:

— Мне сейчас передали маленькую записку и значок с портретом Ленина. Я хочу поблагодарить незнакомую мне женщину, сидящую в зале, за сердечные слова и дорогой подарок. Она пишет, что дарит мне портрет Ленина — вождя советского народа. Я хотел бы внести поправку: Ленин — вождь не только советского народа, а всего человечества.

П. ШМЕЛЬКОВ

Слева направо: Али Эль Авад, член исполкома профсоюза медработников; Эль Рашид Найл, адвокат; Огель Ахмед Огель, секретарь Народно-демократической партии; Абдалла Обейд Хасан, издатель бюллетеня «Судан Ньюс Эйдженси»; Абдин Исмаил Хуссейн, глава делегации; Хасан Даравн Хуссейн, генеральный секретарь Судано-Советского общества дружбы.

Фото Я. Рюмкина.

«Снарки» и «Атласы»...

Пятого декабря прошлого года в США случилось неприятное происшествие: разрекламированный на весь мир реактивный снаряд «Снарк», запущенный с базы на Флориде, вышел из повиновения и, сделав вместо положенного полного оборота лишь четверть его, улетел куда-то в недоступные леса бассейна реки Амазонки.

Об этом случае рассказал в свое время парижский журнал «Пари-матч», поместив статью своего корреспондента под крикливым, развернутым на две полосы заголовком: «Атлас» — абсолютное оружие — пущен в производство». Статья явно имела целью сгладить впечатление от неудачи со «Снарком», тем более неприятной, что перед этим два других опытных «Снарка» также отказались слушаться и их пришлось взорвать в воздухе.

Автор писал, что покойный «Снарк» был при жизни не такой уж, собственно говоря, важной особой, чтобы сильно о нем сокрушаться. «Снарк», оказывается, хотя и обладал значительным радиусом действия, все же летал низко, медленно, и... являлся, по сути дела, не ракетой, а самолетом, и был уязвим для современных средств противовоздушной обороны. То ли дело пущенный в производство «Атлас» — межконтинентальная баллистическая ракета! Программа создания «Атласа» отодвинула в США на задний план все другие работы по изучению и производству вооружения... Закатывая в упоении глаза, «Пари-матч» возвещал: «Чудо свершилось... Америка вновь обрела в состязании свои изумительные качества...»

Затем автор предавался мечтам: «В каком-нибудь убежище в Австралии (лучше избегать уточнений) человек нажмет рукоятку. Ответом на это движение будет рев, приглушенный расстоянием и бетоном. Вырвавшись из колодца, в котором он был укрыт в состоянии боевой готовности, цилиндр длиной в 50 метров и весом в 100 тонн медленно отделится от земли. Он пойдет вертикально вверх со все большим и большим ускорением...» Далее следует описание того, как последовательно от ракеты отпадут ее три использованных мотора, и тогда останется одна только «водородная бомба», брошенная со скоростью 20 тысяч километров в час в направлении столицы или индустриального сердца «Нестрии».

При этом, добавим от себя, подразумевается, конечно, что указанная «Нестрия», безоружная и беспомощная, немедленно попросит пощады, а господа, пославшие с таким для себя комфортом смерть миллионам людей, будут спокойно подсчитывать барыш, который принесет эта «молниеносная» война.

Чтобы не оставить у читателей сомнений в том, что подразумевалось под таинственным названием «Нестрия», автор в заключение предсказывает, что «русские сумеют создать межконтинентальную ракету, когда-нибудь в промежутке между 1960 и 1970 годами».

Сейчас каждый может видеть «реальность» этого прогноза: недавнее сообщение ТАСС рассеяло все сомнения относительно «отставания русских», а что касается «Атласа», то ему, как видно, не по вкусу пришлись планы его использования: 11 июня этого года он был запущен с мыса Канаверел на той же Флориде и тотчас же после взлета взорвался. Уместным будет добавить, что такая же примерно участь постигла и некоторые другие сконструированные в США ракеты — хотя и не межконтинентального, но все же дальнего действия. Разбились при старте с базы Нью-Мексико «Матадор», рассчитанный на подъем двухтонной атомной бомбы. Мгновенно сгорели, уже поднявшись в воздух, два «Юпитера», а запуск трех снарядов типа «Тор», как с раздражением писала одна американская газета, также закончился «пшиком».

А. ПАВЛОВ

«Атлас» за секунду до катастрофы.

Фото из газеты «Унита».

Кубок СССР по футболу

В финал вышли «Спартак» и «Локомотив»

ГОЛ!

Фото А. Бочинина.

В этом году Кубок СССР разыгрывают только команды мастеров класса «А» и класса «Б» — всего 76 коллективов.

Сейчас борьба подходит к концу. Определились финалисты. Первым из них оказалась дружная команда «Локомотив». В полуфинальном матче с футболистами ЦСК МО железнодорожники проявили исключительное упорство и добились победы. Один мяч, забитый В. Бубукиным, решил исход встречи. Впрочем, в кубковых матчах это бывает часто.

В минувшее воскресенье встретились два других полуфиналиста: московские команды «Торпедо» и «Спартак». Интерес к этому матчу возрос еще и потому, что футболисты Автозавода имени Лихачева в последнее время показывают красивую, содержательную игру и одерживают крупные победы.

Тренерам «Спартака» нужно было решить вопрос, как удержать центрального нападающего Э. Стрельцова, который находится сейчас в прекрасной форме. Опекать грозного нападающего поручено было А. Масленкину, а время от времени к нему на помощь приходил опытный С. Сальников. С такой опекой Стрельцов не мог справиться и оказался «на замке». К тому же стало очевидно, что оба его партнера — Ю. Фалин и В. Иванов — не могли наладить игру без своего лидера, не нашли тактического выхода из обстановки, сложившейся на поле. Они продолжали попытки взаимодействовать со Стрельцовым. Не удивительно, что почти все мячи ими были проиграны. Только крайние нападающие «Торпедо» С. Метревели и В. Арбутов вели планомерные действия и постоянно беспокоили защитников «Спартака».

После перерыва, когда даже зрителям стало ясно, что «проблема Стрельцова» решена, ни сам Стрельцов, ни его друзья не попытались изменить своему желанию «пробиться» к воротам по центру.

«Спартак» на сей раз атаковал четырьмя нападающими. В один из таких моментов, в начале второй половины матча, Н. Симоняну удалось забить мяч. Он и оказался решающим.

Таким образом, в финал вышли «Локомотив», который был первым обладателем Кубка СССР более двадцати лет назад, и «Спартак».

Финал состоится в октябре.

ПОЗОРНАЯ КОМЕДИЯ В ООН

В. КОЖЕВНИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Нью-Йорк в испарине. Город потеет горячими туманами, и стеклянно-железобетонные брусья небоскребов воткнуты в низкие волокнистые облака. Кстати, небоскребы вовсе не такое уж техническое чудо: скальное основание дает возможность ставить эти длинные здания, как говорится, прямо на землю. Дешево и удобно.

Небоскребы, — несомненно, самые долговязые здания в мире, ими можно любоваться, как чисто инженерным произведением, но не как творениями архитектуры. Таково и здание ООН — механизированное внутри и ультрамодернистское снаружи, оно возвышается гигантским остекленным шкафом. Если бы не холодильные установки, освежающие воздух, в этом стеклянном ящике при мощном нью-йоркском солнце можно было бы изжариться. Каждый раз, выходя из здания на улицу, мы испытывали ощущение человека, входящего в парную баню.

Очевидно, нью-йоркцы выработали у себя инстинкт влагонепроницаемости, потому что довольно терпеливо переносят особенности своего микроклимата. И то, что некоторые дамы ходят по улицам в распашонках и трусах, объясняется, видимо, чисто климатическими причинами.

Разумеется, нескольких дней абсолютно недостаточно, чтобы разглядеть и понять этот город — один из самых огромных городов мира. Поэтому, оставив разговор о нем, перейдем к впечатлениям, которые сложились после унылых заседаний специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. По настоянию США она была посвящена обсуждению так называемого «венгерского вопроса».

Раз уж американским дипломатам так хотелось послушать доклад о положении в Венгрии, то по логике им следовало поручить его составление тем людям и организациям, которым правительство США вручало суммы, ассигнованные на подрывную деятельность в социалистических странах. Отчет в израсходовании этих значительных сумм — вполне законное требование со стороны тех, кто их выдавал и, по-видимому, остался недоволен результатами фашистского мятежа в Венгрии.

Но доклад так называемого «комитета пяти» был составлен не как отчет по израсходованию полученных сумм, а как чисто пропагандистское сочинение, цель которого — отвлечь внимание мировой общественности от агрессивных устремлений США в странах Ближнего и Среднего Востока, от гонки вооружений, от накопления атомных и водородных бомб...

Заседания этой специальной сессии ООН проходили при полупустом зале. Пустовала и обширная ложа прессы... Один из американских журналистов, протягивая нам пачку сигарет «Кэмэл», указал на изображенного там верблюда, а потом ткнул себя пальцем в грудь. Этот красноречивый жест, очевидно, должен был означать, что, уподобляясь верблюду, он при описании данной сессии будет использовать старую жвачку.

В вестибюлях ООН часто можно было слышать настойчивые радиопризывы к тем делегатам, которые собирались выступать, но не обнаруживались на месте. Радиоголоса разыскивали их по всем этажам.

Итак, господин такой-то спешно покидает кулуары или буфет, чтобы наскоро пробормотать с трибуны то, что ему было приказано. Но ведь все это уже было приказано год назад и тогда же, в соответствии со способностями оратора, высказано. Легко ли при таких условиях быть одновременно и исполнительным и оригинальным? Уподобляться же существу, изображенному на пачке популярных американских сигарет, не столь уж приятное занятие. Можно поэтому по-человечески понять, почему с такой неохотой отправлялись ораторы в зал заседаний...

Вот на трибуне представитель Уругвая. Он пытается восполнить бедность фактического материала «доклада пяти» богатством и разнообразием своей жестикуляции. Он ведь соавтор «доклада» и не лишен авторского тщеславия: он подробно сообщает Ассамблее, где, когда и кто хвалил его работу. Но тут же вынужден чистосердечно признаться, что, собирая «факты», готов был обратиться ко всякому, кто только желал с ним говорить. «Мы собрали все, — извиняющимся тоном объясняет уругвайский делегат, — что могли собрать. Если есть ошибки, вина лежит не на нас...»

«Ошибок» — если применить это мягкое выражение — в «докладе» действительно хоть пруд пруди. Собственно, он весь сплошная безнадежная ошибка тех кругов, которые полагают, будто газетная и канцелярская шумиха вокруг «венгерского вопроса» поможет им исподтишка захватить новые нефтяные богатства на Ближнем Востоке или учинить карательные расправы над свободолюбивыми народами Азии и Африки...

Оратор из Уругвая с похвальной откровенностью объясняет, касаясь рокового вопроса о фактах: «Не могли же мы вернуться в Ассамблею с пустыми руками!»

Конечно, при таком подходе к фактам где уж думать об их достоверности! Были бы руки «не пустыми», а там машина голосования поможет и черное сделать белым и белое — черным. Оратор горячо, убедительно и откровенно объясняет Ассамблее руководящий принцип доклада: отказываясь быть судьями, мы-де стали бы «сообщниками».

Это действительно любопытное признание! Значит, достаточно было бы любому из авторов доклада проявить объективность, на основе реальных фактов прийти к правильному выводу, что фашистский мятеж был организован силами извне, — и его тотчас окрестили бы сообщником коммунистов!

И если уж у авторов доклада не было иного выбора, как «быть судьями или сообщниками», то что же сказать о других, не менее зависимых от США ораторах? Им приходилось изворачиваться, держать речи, напоминающие проповеди, а менее находчивым и более услужливым — просто повторять клеветнические измышления о венгерском народе, сочиненные в госдепартаменте.

И только речи представителей стран, обретших независимость и борющихся за независимость, были проникнуты заботой о высоких целях, стоящих сейчас перед ООН в связи с усилившейся угрозой новой агрессии колониальных держав.

Выступив на ночном заседании сессии, мистер Лодж в весьма повелительной и лаконичной форме заявил, что в резолюцию по докладу «пятерки» не будет внесено никаких поправок, дополнений или изменений. Такая категоричность объяснялась, очевидно, не столько совершенством этого литературного творения, сколько незыблемой уверенностью в безотказности послушной США машины голосования. И действительно, машина эта покорно и механически сработала так, как рассчитывал ее американский хозяин. Председательствовавший таиландский принц Ван Вайтхаякон спрашивал, кто «за», а делегаты большинства покорно поднимали руку и держали руку поднятой до тех пор, пока палец помощника председателя, производившего подсчет голосов, не минует их ряда. После завершения процедуры голосования эти делегаты с поразительной поспешностью покинули зал заседания. Возможно, эта поспешность была вызвана тем, что три заседания в течение дня утомили их, а возможно, на это были и другие причины. Ведь вполне допустимо, что у некоторых из них есть и совесть...

Ведь одно дело — повинность голосования по указке США, а другое — держать ответ перед своим народом, который, как и все народы, считает, что ООН должна быть орудием мира, а не инструментом нарушения мирного сотрудничества наций.

Как и большинство советских людей, я всегда испытывал глубокое уважение к деятельности ООН. И хотя существующие разногласия между Советским Союзом и США, к сожалению, глубоки, мне думалось, что обсуждение этих разногласий ведется в обстановке свободного выявления мнений всех участников обсуждения. Увы, этой свободы я не обнаружил.

Представитель США с диктаторской бесцеремонностью использует в ООН военных союзников Америки, зависимые страны и делает это с такой грубой откровенностью, что соотечественники мистера Лоджа из журналистских кругов заранее могли определять характер выступления того или иного из подвластных США делегатов и его позицию при голосовании. То, что существует американская машина голосования в ООН, я, конечно, знал. Но то, что она действует столь неприкрыто, впервые довелось нынче увидеть собственными глазами.

Сессия окончилась ночью. Когда мы вышли из стеклянных стен здания ООН на улицу, хлестал теплый, дышащий паром ливень. Вершины небоскребов Манхэттена скрывались в багровых облаках. Перед зданием ООН было пустынно. Мы переждали дождь под бетонным навесом и ушли.

С тех пор прошло несколько дней. За это время нам довелось беседовать со многими американскими гражданами. Но вот что характерно: никого из них не занимала всерьез эта минувшая сессия, очевидцами которой мы были. Нам с тревогой рассказывали о негритянских погромах на юге; о мерах, которые предпринимает правительство США в связи с ростом массового хулиганства и преступности среди молодежи; расспрашивали о нашем «ТУ» и баллистической ракете; интересовались, действительно ли Н. С. Хрущев был рабочим и правда ли то, что наш народ поставил перед собой задачу мирно соревноваться с Америкой по производству мяса, молока и масла.

В этих случайных встречах и столь же случайных беседах мы ни разу не столкнулись с грубостью, оскорбительным недоверием, недоброжелательством.

Среди американцев, тех, кто живет своим трудом, мы не обнаружили тех черт, которые приписывает им современная американская кинематография, и той враждебной предвзятости, которую пытались внушить американскому народу по отношению к советским людям многие американские политиканы. Здесь все, кто умеет работать и работает, с уважением относятся к людям страны, где правят люди труда, тоже умеющие делать замечательные машины не для того, чтобы пугать и угрожать, а для того, чтобы жизнь становилась все лучше, труд легче, а отдых приятнее...

Правда, для того, чтобы ближе узнать американцев, необходима хотя бы некоторая свобода общений и передвижения. Увы, нам, советским людям, запрещено здесь появляться даже в районе Бруклина. Думается, что эта боязнь советского человека порождена все в той же политической кухне, запах которой мы ощутили в пресловутом докладе «комитета пяти». Но как бы там ни было, поссорить наши народы с помощью таких средств не удалось и, можно надеяться, никогда не удастся...

Нью-Йорк, 19 сентября.

ЖИЗНЬ

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

САПЕРАВИ

Михаилу Мревлишвили

Подняв бокал к полуденному свету,
Багряный луч ловя, сквозь призму дна
[illegible]
Разглядывал отменный цвет вина.

Потом помалу, с толком отпивая,
Он пробовал вина отличный вкус,
Причмокивая, головой кивая,
Облизывая выхоленный ус.

Потом большую записную книжку
Достал он из кармана своего.
Притихшие грузинские мальчишки
Во все глаза глядели на него.

Вооружась пером в стальной оправе,
Название вина у гида он узнал,
И, в книжке нацарапав: «Saperavy»,
Он попросил еще налить в бокал.

И рассмеялся винодел веселый:
«Понравилось! Ну, что же, получай!»
Но, наклонив большой кувшин тяжелый,
Вином на гостя брызнул невзначай.

Густые капли, словно крови пятна,
На белоснежном рукаве таком
Американец, морщась неприятно,
Стереть пытался носовым платком.

И молвил гид: «Напрасно! След багровый
Вы не затрете, сэр, на пиджаке.
Ведь означает «саперави» слово —
«Краситель» на грузинском языке»...

...Досаду гость преодолел мгновенно.
Вино и краска! Это может быть
Для нас полезно необыкновенно —
Двух зайцев разом можно здесь убить!..

Тогда, последний урожай оставив,
Отдав свой сок грузинским кувшинам,
Полсотни корней сорта «саперави»
В Америку отплыли по волнам.

И в землю Калифорнии далекой
Они глубоко врылись по весне,
Тоскуя о грузинке черноокой,
Растившей их на милой стороне.

Но жизнь есть жизнь! Росточки дали корни
И стали жить от родины вдали,
День ото дня все цепче и проворней
Взбирались вверх и вскоре зацвели.

И с нетерпеньем ждал хозяин новый,
Бродя меж лоз, заплетшихся в венец,
Когда ж он терпкой влагою багровой
Распорядиться сможет наконец!

И вот долготерпению в награду
Богатый сбор он свез в давильню... Но
Из темных, крупных кистей винограда
Вдруг заструилось... белое вино.

И тот же аромат и тот же вкус чуть вязкий
В избытке был у нового вина,
Но цвет его не получил окраски,
Хоть шкурка загорела дотемна.

Так почему ж вино другого цвета!
Иль солнце Грузии, быть может, горячей!
Нет, просто на другом конце планеты
Иное преломленье у лучей.

У них, как видно, не хватило силы
Окрасить в гроздьях сока естество.
Что утренней зарей для винограда было,
Зарей вечерней стало для него.

БАРЕЛЬЕФ

Богиня, нимфа молодая
Впласталась в стену на века.
И не видала никогда я
Чтобы из мрамора рука,
Воздетая к карнизу крыши,
В порыве страсти иль тоски,
Была извечной формы выше,
Была живей живой руки.

Не потому ль в ней столько силы
И гибки пальцы и крепки,
Что ласточка гнездо слепила
В ладони мраморной руки.
И птичьим высохшим пометом
Холодный мрамор окроплен,
И трем горластым желторотым
Постелью теплой служит он.
И день придет, когда из пальцев,
Теплом трепещущих пока,
Своих крылатых постояльцев
Богиня пустит в облака.

ДОЛОЙ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ!

Уродца, корешок прибрежный,
Фантазию морского дна,
На гальку выплюнув небрежно,
Лежать оставила волна.
Сушась и нежась на припеке
Румяных утренних лучей,
Как человечек кособокий,
На пляже он лежал. Ничей.
Он между кустиков колючих,
Ручонки хилые сплетя,
Лежал, кривые ножки скрючив,
Как нерожденное дитя.
И подняла его с опаской,
Из пены выйдя голубой,
Девчонка в трусиках цветастых —
Дитя, рожденное тобой.
Она была в недоуменье:
Как жалок он и некрасив!
А ты подумала, в волненье
Газету вчетверо сложив,
Что если дальше жить на свете
У испытаний в кабале,
То скоро вот такие дети
Рождаться будут на земле...
Все матери во всей вселенной,
И те, кто хочет ими стать,
Ваш материнский долг священный —
Помочь безумцев обуздать!

После выступления «Огонька»

Коля-артиллерист — наш земляк

С глубоким душевным волнением читали мы в «Огоньке» № 18 очерк «Алло, Варшава! Вызывает поселок Цимлянский!», рассказавший о судьбе мужественного советского человека Владимира Ильича Дегтярева, которого не сломили тяжкие испытания гитлеровского плена. Очень заинтересовало нас то место очерка, где упоминается Коля-артиллерист, проживающий ныне, как сообщает автор, в Пятигорске, на Железнодорожной, 52. Это же наш земляк!

Решила я пойти по адресу, указанному журналом. Каково же было удивление, когда Колей-артиллеристом оказался мой давнишний знакомый Николай Константинович Александров, токарь ремонтного завода. О его производственных успехах, о его выступлениях в концертах заводской художественной самодеятельности частенько сообщала городская газета.

...В воинской части Николая Александрова называли «юноша-капитан»: он был самым молодым офицером в полку, но слыл смелым, опытным командиром, ратные подвиги которого были высоко оценены. За два с половиной года войны он удостоился пяти правительственных наград.

В канун нового, 1944 года капитан Александров участвовал в десантных операциях в Крыму. Во время одной вражеской контратаки создалось угрожающее положение, и капитан, корректировавший действия береговой артиллерии, вызвал огонь на себя. За этот бой отважный офицер был награжден посмертно орденом Красного Знамени. Его сочли погибшим, но он не был убит, а лишь оглушен, засыпан землей. Немцы взяли его в плен.

Николая избивали до полусмерти, бросали в карцеры, заключали в штрафные блоки, обливали ледяной водой, морили голодом. Однако ни пытки, ни издевательства не сломили его. Николая ни на минуту не оставляла мысль о побеге. После одного из неудачных побегов его отправили в лагерь смерти Освенцим. Здесь ему и довелось познакомиться с Владимиром Ильичем Дегтяревым, который выходил его, тяжелобольного, и за которым Александров затем последовал в колонне «маляриков» с непоколебимой верой в скорое освобождение.

Спустя месяц после прибытия в лагерь Ламсдорф Николай совершил побег. Французский врач снабдил его кусачками, компасом. Смельчаки пробрались через двойную колючую проволоку, спираль «бруно».

Они отошли от лагеря всего лишь на два километра, а затем, согласно плану, разработанному Николаем, повернули назад, сбив этим с толку погоню. Девятнадцать дней им удавалось скрываться, но все же их поймали полицейские. И снова — лагерь, побои, пытки.

Весной 1945 года Николай совершил еще один побег, который принес ему, наконец, долгожданное освобождение. Он убежал из-под носа у конвоиров. Ничто не сломило воли советского человека, она оказалась сильнее фашистских застенков.

Л. СТРУГАЧ

г. Пятигорск.

Н. К. Александров.

КНИЖНАЯ ЛАВКА А. Ф. СМИРДИНА

Ник. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

«Итак, я насчитал четыре периода нашей словесности: **Ломоносовский, Карамзинский, Пушкинский и прозаическо-народный;** остается упомянуть еще о пятом, который начался с появления на свет первой части «Новоселья» и который можно и должно назвать **Смирдинским.** Да, милостивые государи, я совсем не шучу и повторяю, что этот период словесности непременно должно назвать **Смирдинским;** ибо А. Ф. Смирдин является главою и распорядителем сего периода».

Так полушутя-полусерьезно писал об А. Ф. Смирдине в 1834 году В. Г. Белинский в своих «Литературных мечтаниях». Несколько иронический тон Белинского объясняется борьбой литературных группировок того времени. В этой борьбе протекала деятельность крупнейшего издателя и книгопродавца Александра Филипповича Смирдина, столетие со дня смерти которого исполняется в сентябре этого года.

Внутренний вид книжной лавки А. Смирдина. Справа — А. С. Пушкин, разговаривающий с П. А. Вяземским. За конторкой А. Ф. Смирдин, перед ним в крылатке О. И. Сенковский.
Рисовал А. Сапожников, гравировал С. Галактионов. Виньетка на 2-й части «Новоселья».

«Книжная лавка Смирдина», смирдинское «Новоселье», журнал Смирдина «Библиотека для чтения», «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» — эти названия знакомы всем грамотным советским людям.

Я написал старомодное слово «грамотным», забыв на мгновение, что неграмотных советских людей сегодня не существует. Журнал «Курьер Юнеско», выходящий на многих языках, в том числе и на русском, в февральском номере этого года напечатал статью, озаглавленную «Советский Союз на первом месте по выпуску книг и переводам».

Приводимые журналом цифровые данные о количестве названий книг за один год поразительно велики, цифры же за 38 лет, с 1918 по 1955, просто астрономические. В 1955 году было выпущено 54 732 названия книг тиражом свыше миллиарда экземпляров. Для сравнения стоит напомнить, что в Англии за этот же год было выпущено 19 962 названия, в США — 12 589, а во Франции — 11 793 названия, тиражами значительно меньшими.

У советских людей имеются все основания гордиться культурным ростом своей страны. С той же целью сравнения можно привести и такие цифры: за десятилетие, с 1855 по 1864 год, в старой царской России было выпущено всего 16 380 названий книг, что, кстати сказать, превышало продукцию русского печатного станка за весь XVIII век почти в полтора раза.

В 1825 году было издано книг всего 575 названий. Издательская деятельность Смирдина резко повысила эту цифру.

«Смирдинский период» — один из самых ярких в дооктябрьской истории развития книжного дела в стране. Он совпал с «золотым веком» русской литературы. Писали Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Жуковский, Баратынский, Веневитинов, Дельвиг, Вяземский, Кольцов и многие другие. По словам Белинского, это была пора, «когда появлялся талант за талантом, поэма за поэмой, роман за романом, журнал за журналом, альманах за альманахом».

Активно действовали и писатели реакционного лагеря. В какой-то мере об этом говорит эпиграмма, которая почти достоверно приписывается Пушкину:

К Смирдину как ни зайдешь, —
Ничего не купишь.
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь.

Фаддей Булгарин — редактор своеобразного официоза того времени «Северная пчела», доносчик, агент III отделения, автор весьма известного лубочного романа «Иван Иванович Выжигин», издание которого в 1829 году принесло Смирдину первый материальный успех. О. И. Сенковский, «Барон Брамбеус», — не лишенный таланта, крайне беспринципный писатель — был редактором смирдинского журнала «Библиотека для чтения». Соратником их считался небезызвестный Н. Греч, третий член так называемого «журнального триумвирата», игравшего в то время большую роль в судьбах литературы.

Под влияние этих дельцов попал честный и простодушно-доверчивый А. Смирдин. Именно они впоследствии способствовали его разорению.

Огромны заслуги А. Ф. Смирдина в истории русского книгоиздательства. Об этих заслугах правдиво и подробнее всех рассказывает В. Белинский.

«Имя издателя, книгопродавца г. Смирдина, — пишет он, — давно уже приобрело на Руси общую известность и общую доверенность. В глазах русской публики г. Смирдин давно уже не принадлежал к числу обыкновенных торгашей книгами... Нет, русская публика видела в г. Смирдине книгопродавца на европейскую ногу, книгопродавца с благородным самолюбием, для которого не столько было важно нажиться через книги, сколько слить свое имя с русской литературой, внести его в ее летописи».

Главнейшей заслугой Смирдина Белинский считал издание им сочинений русских писателей не только опрятно и красиво в типографском отношении, но, что важнее всего, «по цене, доступной и для небогатых людей».

По мнению Белинского, «он произвел решительный переворот в русской книжной торговле и вследствие этого в русской литературе».

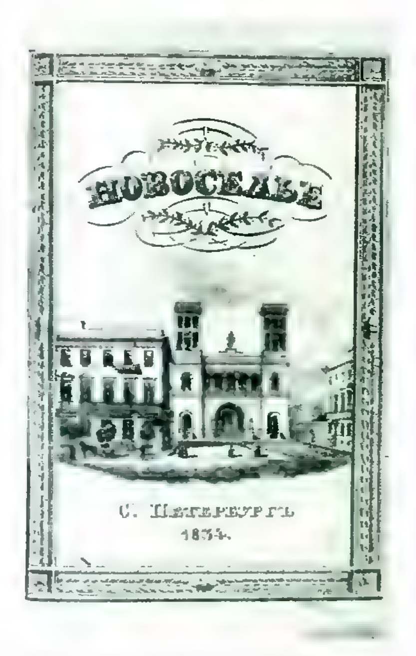
Второй важной заслугой Смирдина Белинский считает издание им каталога обширной смирдинской библиотеки, которая примерно за два с полтиной в месяц выдавала всем желающим книги для чтения на дому. Отмечая существенные недостатки этой знаменитой «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенной», Белинский не мог не назвать это издание «настольной ручной книгой в кабинете каждого литератора». Труд этот и сегодня не утерял своего значения в русской библиографии.

Третьей большой заслугой Смирдина Белинский считает издание им журнала «Библиотека для чтения».

«Появление этого журнала, — пишет Белинский, — истинная эпоха в истории русской литературы. До него наша журналистика существовала только для **немногих,** только для **избранных,** только для **любителей,** но не для **общества».**

Белинский все время подчеркивает явно демократические тенденции Смирдина-книгоиздателя. Но не только в этом он видит значение журнала Смирдина.

«Бывало, журнал, — пишет он, — мог не только держаться, но и доставлять выгоды своему издателю при каких-нибудь трехстах

Книжная лавка А. Смирдина. Гравюра на обложке сборника «Новоселье».

подписчиках, а при пятистах — журнал считался богачом. И не мудрено: издатель его тратился только на бумагу и печать».

И действительно, до Смирдина литературный труд считался забавой или творчеством «для души». Меценаты «жаловали» писателям табакерку или перстень.

Слова Пушкина: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» — еще не принимались всерьез, считались шуткой поэта.

«Но все вдруг изменилось, — пишет Белинский, — с появлением журнала г. Смирдина: за статьи установилась плата, литературный труд сделался капиталом».

Великий критик высоко оценивает эту профессионализацию писательского труда, смело введенную Смирдиным в практику своей книгоиздательской деятельности. Смирдин заплатил Крылову сорок тысяч рублей, неслыханную для того времени сумму, за десятилетнее право издания его басен. Пушкину он платил по червонцу за строчку. Редактор смирдинского журнала «Библиотека для чтения» О. Сенковский стал разъезжать на собственной лошади и принимать посетителей в роскошном кабинете.

А. Смирдин издал труды более семидесяти русских писателей, в числе которых должно упомянуть Державина, Карамзина, Крылова, Жуковского, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Бестужева-Марлинского и многих других. Более чем на три миллиона золотом выпустил он печатной продукции, заплатив писателям гонорара около полутора миллионов! Для того времени это поразительные цифры.

Александр Филиппович Смирдин родился 21 января 1795 года в семье московского мещанина мелкого торговца полотном Филиппа Сергеевича Смирдина. Для обучения грамоте он был отдан к местному дьячку, показав за три года обучения у него немалые свои способности и любознательность. Отец Смирдина, по недостатку средств не имея возможности дать сыну дальнейшее образование, не пустил, однако, его по своей «полотняной части». Он определил сына «в мальчики», как тогда говорили, в лавку московского книгопродавца П. А. Ильина. Юному Смирдину полюбилось книжное дело, и он за короткое время добился положения приказчика. Наступивший 1812 год положил конец его работе у Ильина.

Патриотическое желание молодого Смирдина пойти в Московское ополчение по ряду причин не могло осуществиться, и он почти накануне вступления Наполеона в Москву пешком пробирается в Петербург. Здесь состоялось его знакомство с известным петербургским книгопродавцем Василием Плавильщиковым, братом знаменитого русского актера и драматурга Петра Плавильщикова. Знакомство это сыграло решающую роль в жизни Смирдина.

Вернувшись в 1813 году в Москву, Смирдин четыре года служит у книгопродавца А. С. Ширяева и в 1817 году вызывается Плавильщиковым в Петербург на должность главного приказчика его книжной торговли.

Так начался петербургский период жизни Александра Смирдина. Своей честностью, преданностью и любовью к книге Смирдин очаровывает Плавильщикова, причем настолько, что тот, умирая, 15 августа 1823 года оставляет духовное завещание, по которому предоставляет Смирдину право купить весь книжный товар и библиотеку «по той цене, какая ему будет угодна».

Добросовестный Смирдин вызвал всех книгопродавцев, чтобы оценить товар, и потом уже сам назначил цену дороже всех.

Эта несколько идиллическая версия, рассказываемая современниками, нарушается тем обстоятельством, что книжная торговля и библиотека Плавильщикова была обременена долгами, и только доброе имя Смирдина, вызывавшее доверие у кредиторов, помогло ему стать хозяином предприятия, по существу, без копейки денег. Смирдин был явно талантлив, с практической, чисто народной смекалкой, которая и была его основным капиталом.

Кое-как оперившись на издании упоминаемого выше романа Фаддея Булгарина «Иван Выжигин», Смирдин ликвидирует книжную лавку Плавильщикова у Синего моста и переезжает в роскошное помещение на Невском проспекте, в правый флигель Петровской церкви. Здесь разместилась его библиотека и книжная лавка, которая вскоре сделалась своего рода модным литературным салоном Петербурга. Здесь и начался «смирдинский период российской словесности».

Переезд в новое помещение Смирдин ознаменовал устройством новоселья, пышного обеда, на котором он сделал первую попытку объединить русских литераторов всех направлений. Были приглашены Пушкин и Булгарин, Жуковский и Греч, Гоголь и Воейков, Вяземский и Хвостов, Одоевский и Языков и многие, многие другие. Весь неравноценный цвет тогдашней литературы.

Внешне все было необычайно торжественно. Было пито за здравие хозяина, а потом последовали тосты за Дмитриева, Крылова, Пушкина, Вяземского и прочих. Пили за отсутствующих — Гнедича, Шишкова, Батюшкова. Иван Андреевич Крылов предложил почтить память отошедших к покою писателей: Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Державина, Грибоедова и Карамзина. Крыловым же был поднят тост «за здравие московских литераторов».

На обеде обнаружился и антагонизм, существовавший между различными лагерями литературы. Об одном инциденте рассказывает Н. Греч, соратник пресловутого Ф. Булгарина:

«Нам с Булгариным привелось сидеть так, что между нами сидел цензор Василий Николаевич Семенов, старый лицеист, почти однокашник Александра Сергеевича. Пушкин на этот раз был как-то особенно в ударе, болтал без умолку, острил преловко и хохотал до упаду. Вдруг, заметив, что Семенов сидит между нами, двумя журналистами..., крикнул с противоположной стороны стола, обращаясь к Семенову: «Ты, брат Семенов, сегодня словно Христос на горе Голгофе». Слова эти были тотчас всеми поняты. Я хохотал, разумеется, громче всех...»

Смех Греча отнюдь не был искренним. Он поспешил сделать то, что называется «хорошей миной при плохой игре». Христос, как известно по преданию, был распят на Голгофе между двумя разбойниками. Именно разбойниками и назвал Пушкин якобы под видом шутки Греча и Булгарина. Назвал публично — какой уж тут смех!

Так или иначе, но современники справедливо отмечали новоселье у Смирдина как крупное событие в литературной жизни. Таким же событием было и издание Смирдиным двухтомного сборника «Новоселье» (1833—1834 гг.), в котором он напечатал сочинения литераторов, присутствовавших на обеде. По существу, эти два тома сборника явились как бы пробными номерами задуманного и вскоре осуществленного им журнала «Библиотека для чтения», сыгравшего заметную роль в развитии русской журналистики.

А. Ф. Смирдин.

Обед на новоселье у А. Смирдина. Во главе стола И. А. Крылов. Справа от него стоит А. Ф. Смирдин, сидят Д. И. Хвостов и А. С. Пушкин. Слева Н. Греч, за ним сидят А. Шаховской и Ф. Булгарин. Рисовал А. Брюллов, гравировал С. Галактионов. Виньетка на 1-й части «Новоселья».

Однако художественное и литературное значение этого журнала было недолгим. Простодушные надежды Смирдина на возможность объединения русских литераторов никак не оправдались. Пропасть между прогрессивным лагерем литературы и ее реакционной частью обозначалась все глубже и глубже. Смирдин искренне любил русскую литературу, но сам был малообразованным человеком, не умевшим разбираться в сложных литературных течениях. Он любил всех русских писателей и не понимал, не видел границы, которая отделяет подлинных художников слова от тех, кого именуют «мошенниками пера, разбойниками печати». А именно они-то во главе с Булгариным и Сенковским все больше и больше затягивали его в свои сети, безжалостно разоряя его и дискредитируя его издательские начинания.

Тут подоспел общий экономический кризис. Если тридцатые годы можно назвать расцветом книжной торговли, то примерно начало сороковых годов называют эпохой резкого ее упадка. Дела Смирдина пошатнулись. Ни сборники, издаваемые русскими литераторами в его пользу, ни устройство книжной лотереи, разрешенной ему правительством, ни издание грандиозной серии «Полного собрания сочинений русских авторов» — по рублю за том — не спасли Смирдина от экономической гибели.

Тяжелые материальные обстоятельства и следовавшие одна за другой неудачи подорвали здоровье Александра Филипповича, и 16 сентября (по старому стилю) 1857 года он умер почти в нищете.

Советские люди не могут не оценить заслуг Смирдина, честного и бескорыстного друга русской книги, изданию и распространению которой он отдал жизнь. Постановлением Ленинградского Совета на доме, где была книжная лавка Смирдина, устанавливается мемориальная доска. Существует проект освободить помещение его книжной лавки для устройства в нем «Книжной лавки советских писателей имени Александра Смирдина» и восстановить эту лавку такой, какой видели посещавшие ее Пушкин и Белинский.

Это будет прекрасным памятником замечательному деятелю русского просвещения.

ГЛУПЫЙ ЧЕРТ

Ласло ФЕЛЕКИ

Однажды молодая женщина оказала черту какую-то мелкую любезность. Плутоватая была бабенка: ни бога, ни черта не боялась и не находила ничего предосудительного в том, что кто-то в чем-то поможет черту. В конце концов и черту надо жить, да и почему бы ему не жить? Женщина была религиозная, в черта верила.

Начал черт благодарить ее:

— Никогда твоей доброты не забуду! Скажи, чего ты желаешь? Чего б ты ни пожелала, я тотчас исполню!

Женщина начала лихорадочно думать. Чего бы ей пожелать?

Черт захотел помочь ей. «Вот,— думает,— бедняжка! Видно, не так умна, чтоб сразу придумать. Нужно ей помочь. Ну-с, что для женщины самое важное?»

— Хочешь быть красивой? Пожелай, и я сделаю тебя красавицей!

В этот момент раздался звук увесистой пощечины.

— Нахал! — рассерженно вскричала женщина.— Разве я недостаточно красива?

Перевела с венгерского Е. ТУМАРКИНА.

Из почты «Огонька»

Близ города Гомеля выпал необычный град, вернее, куски льда величиной с кулак. Град нанес повреждения: в некоторых домах были пробиты крыши, с деревьев сбиты ветки. Вес отдельных градин — 100 граммов.

Г. ПАРЕЦКИЙ

Початок кукурузы, похожий на лапу какого-то животного, был найден на поле колхоза имени XX партсъезда, Евдаковского района, Воронежской области.

И. ВОРОНИН

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Для 97-летнего Джона Рокфеллера по совету его врачей каждый день выпускали специальный номер газеты, по виду и по формату ничем не отличавшийся от «Нью-Йорк таймс». Номер наполнялся оптимистическими статьями и телеграммами, сообщавшими, что экономическая депрессия окончилась, что безработных больше нет, что найден способ излечения рака, и так далее.

В Москве во второй половине XIX века был издан приказ полицмейстера, чтобы в каждой будке на столе лежала книга, в которой должны расписываться квартальные во время ночных обходов. Квартальные делали обходы ночью крайне редко, предпочитая спокойный сон. Поэтому будочники ежедневно утром приносили книги для подписи в околоток. Но полицмейстер узнал об этом и приказал книги в будках припечатать к столам. Тогда будочники стали носить столы на головах в околоток, чтобы начальство могло расписаться.

И. СОКОЛОВ

Киргизские пословицы.

Кто жалеет врага, у того жена вдова.

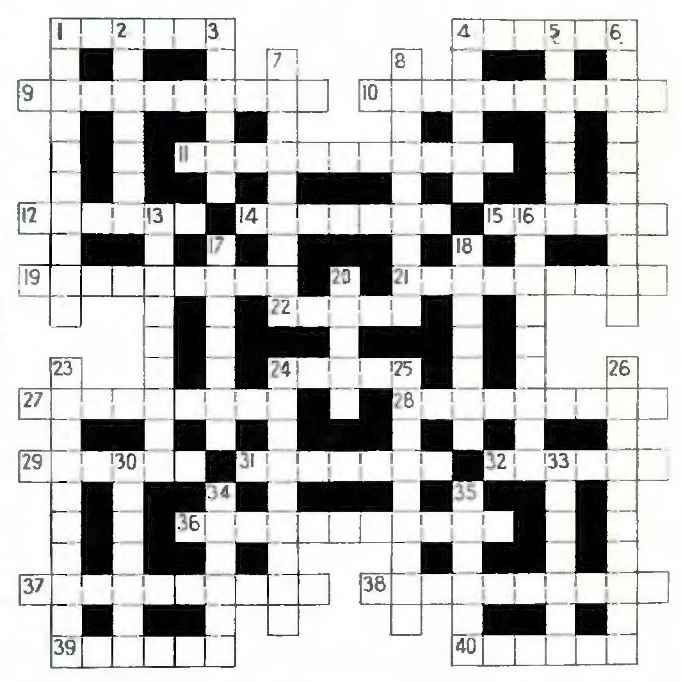
Ворона называет своего птенца беленьким, а еж — мягоньким.

Если считаешь себя тигром, другого считай львом.

Голодная ворона камень клюет.

У плохого пса кличка Волкодав.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Тригонометрическая функция. 4. Пьеса М. Горького. 9. Устройство в двигателях внутреннего сгорания для приготовления горючей смеси. 10. Музыкант. 11. Поэма Н. А. Некрасова. 12. Элементарная частица вещества. 14. Мелководный участок русла реки. 15. Созвездие. 19. Балет П. И. Чайковского. 21. Предметы сценической обстановки. 22. Музыкально-драматическое произведение. 24. Электрод. 27. Народная артистка СССР. 28. Фотомеханический процесс изготовления печатных форм. 29. Работница животноводческой фермы. 31. Вулканическая горная порода. 32. Чешский писатель. 36. Специалист по улучшению сорта растений или породы животных. 37. Южная полярная область. 38. Отвал породы на поверхности шахты. 39. Государство в Африке. 40. Пространная реплика.

По вертикали:

1. Герой албанского народа. 2. Химический элемент. 3. Вид лыжного спорта. 4. Часть текста. 5. Сосуд для перегонки жидкостей. 6. Учение о Вселенной. 7. Русский писатель. 8. Приспособление в металлорежущих станках. 13. Род травянистых растений семейства сложноцветных. 16. Отражатель лучей. 17. Сочувственное отношение. 18. Пролив между Апеннинским и Балканским полуостровами. 20. Вес товара без упаковки. 23. Искусственное орошение. 24. Певчая птица. 25. Оптический прибор для измерения расстояний. 26. Раздел механики. 30. Город в Грузинской ССР. 33. Выпадение одного или нескольких звуков в конце слова. 34. Ансамбль из семи исполнителей. 35. Порт на Средиземном море.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

3. «Город». 5. Марка. 8. Микеланджело. 10. Неон. 12. Атом. 14. Текстиль. 15. Эфиоп. 17. Пирит. 18. Курзал. 20. Канберра. 21. Лаконизм. 23. Аэродром. 25. «Проселок». 26. Венчик. 27. Ливия. 28. Авгит. 30. Давыдова. 32. Свая. 34. Тяга. 35. Солидарность. 36. Наина. 37. «Кража».

По вертикали:

1. Прокат. 2. Артель. 3. Гимн. 4. Делакруа. 5. Мадригал. 6. Аноа. 7. Янгэ. 9. Кмет. 11. Ориентировка. 13. Терминология. 16. Прелюдия. 17. Пролеска. 18. Крупов. 19. Ламарк. 20. Коса. 22. Маяк. 24. Медведка. 25. Питомник. 27. Лист. 29. Трап. 30. Даллия. 31. Ассуан. 33. Ясон. 34. Тьма.

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин финских художников и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07510. Подписано к печати 19 IX 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 225 000. Изд. № 1132. Заказ № 2301

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Дела урожайные

Арбуз созрел!

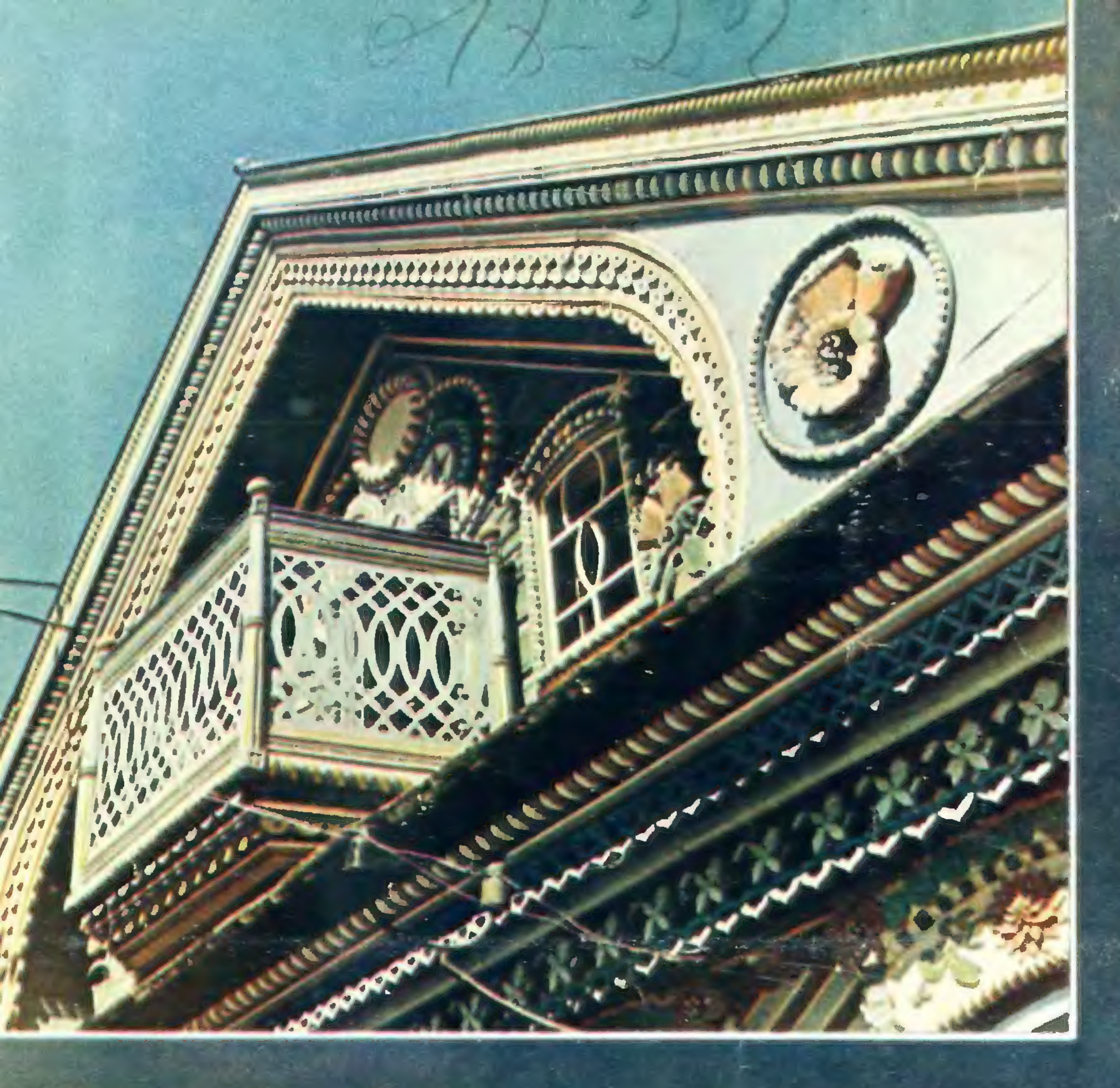
Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

Здесь столько заготовителей, что и яблоку негде упасть.

Назвался груздем — полезай в кузов!

— Теперь зерно у меня за семью замками!

Цена номера 3 руб.

